ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 6 № 5/2020

DISCOURSE

Volume 6 No. 5/2020

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2020

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.
Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.
Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).
Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.
Языки: русский, английский.
Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, http://discourse.etu.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора
Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Редакционная коллегия:
Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Е. В. Боднарук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия
П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия
Ю. А. Дубовский, д-р филол. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия
С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при межпарламентской ассамблее ЕВРАЗЭС, СПб., Россия
В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия
А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия
Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия
В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия
И. Б. Руберт, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия
Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия
А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН,Новосибирск, Россия
Е. В. Строгецкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия
В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия
А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия
В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия
М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия
Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia
Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom
Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:
Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:
• Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
• Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
• Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).
Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике.
Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:
• публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;
• осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
• интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
• усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.
Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте https://discourse.etu.ru

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

© Оформление. СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015)
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225
Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year
Accepted Languages: Russian, English

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef
Editorial adress: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof. Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, http://discourse.etu.ru

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief
Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

EDITORIAL BOARD
Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia
Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia
Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia
Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia
Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia
Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia
Elena V. Strogetskaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia
Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia
Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia
Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia
Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom
Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:
• Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
• Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
• Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics)
The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.
All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:
• Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
• Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
• Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
• Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.
Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at https://discourse.etu.ru

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Васильева М. А. Пространство бытования образа. Что общего у Интернета, античного города и средневекового храма? 5
Юрьева А. В. Проблема темпоральности в архитектурном наследии 16
Прокофьева Д. В. Психологические телесериалы как феномен общества потребления XXI века 29

СОЦИОЛОГИЯ

Белоусов К. Ю. Родители о школе: от факторов выбора учебного заведения к реальной информированности о школьной жизни ребенка 40
Пашковский Е. А. Актуальность идей Э. Фромма о здоровом обществе в 2020 году 51
Казаринова Н. В. Коммуникативные сценарии непонимания 62
Искандерова Л. В. Дискурсивные практики онлайн-взаимодействия врачей и пациентов (на примере медицинского интернет-форума «Health.mail.ru») 73

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Генидзе Н. К. Вокалический коэффициент как один из важнейших параметров фонетической классификации языков мира 87
Флаксман М. А., Лавицкая Ю. В., Седёлкина Ю. Г., Ткачева Л. О. Критерии отбора стимульного материала для исследования визуального восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка методом «лексическое решение» 97
Иванова В. А., Ульяницкая Л. А. Особенности языковой политики в отношении плюрицентрических языков на примере французского языка 113
Носкина Л. В. Специфика функционирования однокоренных имен существительных и прилагательных 130

Правила представления рукописей авторами 140

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Vasilyeva M. A. The Space of an Image Existence. What do the Internet the Ancient City and the Medieval Temple Have in Common? 5
Yurieva A. V. The Problem of Temporality in the Architectural Heritage 16
Prokofieva D. V. Psychological TV-series as a Phenomenon of the Consumer Society of the XXI Century 29

SOCIOLOGY

Belousov K. Yu. Parents about School: from Factors Choice of Educational Institutions to the Real Information Children's School Life 40
Pashkovsky E. A. The Relevance of E. Fromm's Ideas about Sane Society in 2020 51
Kazarinova N. V. Communication Scenarios of Misunderstanding 62
Iskanderova L. V. Discursive Practices of Doctor-Patient Online-Communication (the Case of “Health.mail.ru”) 73

LINGUISTICS

Genidze N. K. Vocalic Ratio as One of the Most Important Criteria of Phonetic Classification of World Languages 87
Flaksman M. A., Lavitskaya Yu. V., Sedelkina Yu. G., Tkacheva L. O. Stimuli Selection Criteria for the Experiment “Visual Perception of Imitative Words in Native and Non-Native Language by the Method Lexical Decision” 97
Ivanova V. A., Ulianitckaia L. A. Pluricentric Languages Policy Features through the Example of French 113
Noskina L. V. Specificity of Cognate Nouns and Adjectives Functioning 130

Философия
Philosophy

УДК 130.2
Оригинальная статья / Original paper
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-5-15

Пространство бытования образа. Что общего у Интернета, античного города и средневекового храма?

М. А. Васильева✉

Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉ma.vasilyeva@gmail.com

Введение. В статье обращено внимание к анализу различных исторических примеров символических пространств – пространств бытования образа, – чтобы рассмотреть, как устроены в них системы репрезентации и как они задают тон сложному процессу создания образа человека. Автор не полагает образ сознательным конструктом, полностью зависящим от этой внешней системы, но считает важным рассмотреть ее для более глубокого понимания всех сложных и взаимосвязанных процессов. Приводятся теоретические основания для легитимного сравнения практик репрезентации в Интернете и социальных сетях с практиками прошлого, которые разворачивались в специфических, семиотически нагруженных топосах: египетских гробницах, античном городе, средневековом храме и новоевропейском тексте.

Методология и источники. Теоретическая основа исследования находится на соприкосновении ряда подходов к анализу образа и образных систем: репрезентационистской, феноменологической, философско-антропологической, постструктуралистской. В качестве источников информации по отдельным пространствам репрезентации прошлого автор использует признанные исторические, культурологические и искусствоведческие исследования по соответствующим эпохам (B. Manley, М. Бирд, Д. Ю. Дорофеев, Р. В. Светлов, С. Зотов, М. Майзульс, М. Фуко и др.). Автор опирается на подробные описания публичных пространств, выделяет и сравнивает их характерные черты.

Результаты и обсуждение. Рассмотрев основные черты ряда символических пространств прошлого, автор показывает, как они неизбежно влияют на процесс построения образа, создавая саму систему репрезентации. В этом смысле и «город» и «текст» представлены в статье именно как концепты, смысловые поля и структуры, а не физические объекты. Автор приходит к выводу, что часто декларируемая новизна современных процессов символического обмена в Интернете может быть поставлена под сомнение. Полифоничность, высокое значение визуального компонента, адресация сообщений один ко многим и многие ко многим, активное использование «готовых» маркеров и символических «заготовок», иконичность используемых знаков – эти черты современной коммуникации в интернет-пространстве кажутся новыми лишь по сравнению с коммуникацией в рамках новоевропейского текста, тогда как и к античному городу, и к средневековому храму эти черты вполне применимы.

Заключение. Автор показывает сильное сходство современного Интернета именно с античным городом и средневековым храмом, в то время, как текст Нового времени сильно отличается от них, что и создает «новизну» актуальной ситуации. Это не сни-

© Васильева М. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

жает интереса к современным практикам репрезентации, поскольку их специфичность совсем не обязательно должна выстраиваться через позицию новшества, ценную в культуре Нового времени.

Ключевые слова: образ, пространство бытования образа, символическое пространство, репрезентация, античный город, храм, текст, Интернет.

Для цитирования: Васильева М. А. Пространство бытования образа. Что общего у Интернета, античного города и средневекового храма? // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 5–15. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-5-15

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00385 «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.09.2020; принята после рецензирования 20.09.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

The Space of an Image Existence. What do the Internet the Ancient City and the Medieval Temple Have in Common?

Marina A. Vasilyeva✉

Saint Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

✉ma.vasilyeva@gmail.com

Introduction. The article discusses various historical examples of symbolic spaces – spaces of the existence of an image – to consider how representation systems are arranged in them and how they set the tone for the complex process of creating an image of a person. The author does not consider the image as a conscious construct, which is completely dependent on this external system, but supposes that it is important to research it for a deeper understanding of the modern version of symbolic space and all complex and interrelated processes in it. Thus, the article provides theoretical grounds for a legitimate comparison of practices of the Internet and social media representation with the practices of the past which unfolded in specific, semiotic toposes: Egyptian murals in tombs, the ancient city, a medieval temple, and a European text of the Modernity.

Methodology and sources. The theoretical basis of this research is on the contact of a number of approaches to the analysis of the image and image systems: representationst, phenomenological, philosophical-anthropological, (post)structuralist. The author uses works in historical, cultural and art studies in the respective eras as soursces of information on individual spaces of representation of the past (B. Manley, M. Bird, D. Yu. Dorofeev, R. V. Svetlov, S. Zotov, M. Maizuls, M. Foucault and others). The author relies on detailed descriptions of public spaces, identifies and compares their characteristic features.

Results and discussion. Having examined the main features of a number of symbolic spaces of the past, the author shows how they inevitably affect the process of building an image, creating the system of representation. In this sense, both “city” and “text” are presented in the article as concepts, semantic fields and structures, and not as physical objects. The author comes to the conclusion that there is no so much novelty of the modern processes of symbolic exchange on the Internet, as it is usually declared. Most of the actual space`s features which today are called new are found in other spaces and other times. Polyphony, the visual component, one-to-many and many-to-many message addressing, active use of “ready-made” markers and symbolic “blanks”, the iconic character of the signs used – these features of modern communication in the Internet space seem to be new only

in comparison with communication within the framework of the New European text. These features are quite applicable to the ancient city and to the medieval temple.
Conclusion. The author shows a strong similarity of the modern Internet precisely with an ancient city and a medieval temple, while the text of the Modernity differs from them, and that creates the "novelty" of the current situation. This does not diminish interest in modern practices of representation since their specificity does not necessarily have to be built through the position of innovation which was valuable in the culture of the Modernity.

Keywords: image, image space, symbolic space, representation, antique city, temple, text, Internet.

For citation: Vasilyeva M. A. The Space of an Image Existence. What do the Internet the Ancient City and the Medieval Temple Have in Common? DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 5–15. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-5-15 (Russia).

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00385 "Iconography of Ancient and Medieval Philosophers in Orthodox Churches: Specificity of Visual Representation of Man in Russian Culture").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.09.2020; adopted after review 20.09.2020; published online 25.11.2020

Введение. Образ человека, образ идеи или явления создается и складывается в определенной системе знаков. Несмотря на уникальность бытия каждого из нас, наш образ всегда несет на себе отпечаток той системы, в которой он может быть воспринят, в которой он просто может быть. Эта система с необходимостью включает в себя не только разнообразные наборы знаков и маркеров, практики их употребления, но и пространство, где разворачивается весь процесс от построения до восприятия образа (если, конечно, эти акты можно и зачем-то нужно разделять). Стоит отметить, что различные варианты этих пространств и систем репрезентации предполагают разный уровень сознательности действия. Так же как образ, воспринимаемый нами при личной встрече со знакомым, и его образ, который мы «встречаем» в символическом пространстве, отличаются по степени сознательного участия человека в его становлении. Это делает исследование таких символических пространств более значимым и интересным, поскольку демонстрируются проявления глобальных культурных установок и тенденций.

Методология и источники. Философская аналитика образа человека возможна со множества позиций: репрезентационистской, феноменологической, философско-антропологической, постструктуралистской и др. Каждая из них не отменяет все прочие, но по-своему расставляет акценты в определении и самом подходе к понятию образа, с необходимостью выстраивает и его исследования в определенном ключе. В данном случае предметом рассмотрения оказывается не сам образ, а среда его бытования, становления и восприятия – пространство репрезентации. Однако размещение его в центре отдельной статьи не означает фиксацию на пространстве репрезентации в глобальном взгляде на образ как таковой. Позиция автора в данном вопросе представляет собой балансирование на грани различных подходов, использование их инструментов и понятий. Пространство репрезентации не является чем-то создающим образ; это пространство, вместе со специфическими законами и практиками внутри него, скорее следует представить, как необходимый фон и структурирующий каркас образа. В свою очередь, образ в данном контексте определяется как «визуально-пластическая манифестация бытия человека и способа его существования» [1, с. 77].

В данном исследовании понятия «пространство бытования образа», «пространство репрезентации» и «символическое пространство» используются как синонимы. Поскольку невзирая на все их смысловые нюансы, они действительно обозначают одно явление – семиотически значимый топос или явление, которое может концептуализироваться через понятие пространства. В качестве подобных топосов и явлений (даже если речь идет о реальном пространстве, оно все равно обретает второе, символическое измерение) будут рассмотрены древние росписи дворцов и усыпальниц, античный город, римская усадьба, средневековый храм, текст (в широком смысле), Интернет и социальные сети. Все эти явления уже традиционно мыслятся в терминах пространства вне зависимости от своего физического измерения. Все они в разное время становились основным местом жизни образов: от образа человека до образов идей и концепций. С необходимостью оговаривая сложность процессов выстраивания образа и его восприятия, можно утверждать значимость этих пространств для целостности всей символической системы, которая разворачивается внутри них. Это не нейтральный фон, на котором существуют знаки, и даже не система их организующая, это целая «экосистема», вне которой образ просто не может состояться.

Несмотря на то, что обычно все исторические классификации явлений европейской культуры начинаются с греческой античности, в данном случае первым рассматриваемым символическим пространством станет роспись дворцов и гробниц территории Междуречья и Древнего Египта. Идея этого исследования не в том, чтобы показать преемственность или наоборот революционность каждого последующего варианта пространств репрезентации, а в том, чтобы рассмотреть черты различных пространств и новым взглядом оценить актуальные практики становления и восприятия образа. Однако при всем разнообразии культур, их исторических особенностей и (потенциально) специфики пространств репрезентации, не про все из них можно говорить с опорой на достоверный научный анализ практик репрезентации. Представленный в данном случае набор культурных ситуаций и соответствующих им символических пространств показывает разнообразие, выходящее за рамки привычной исторической линии, но в дальнейшем планируется его расширение сравнением с китайской, арабской, японской и другими традициями.

Результаты и обсуждения. Росписи древних дворцов, храмов и усыпальниц, в первую очередь, обращаются к темам мифологическим, ритуальным, а также к теме власти, которая для этого периода неотделима от первых двух. Образы человека появляются в этих росписях как часть мифологического сюжета. Можно сказать, что даже фигуры правителей в большей степени опираются именно на миф, а не на «реальный прототип» через разнообразные атрибуты власти. Яркие примеры такого «вписывания» человека в мифологический контекст можно найти как в ассирийских барельефах, в погребальном инвентаре египтян, так и более поздних римских надгробиях. Например, про золотые погребальные маски египтян обычно осторожно пишут, что они представляли собой «идеализированное лицо правителя» [2, с. 29], а фигура умершего обычно окружена богами и в Египте и в Риме. Важно, что не каждый человек имел право быть запечатленным, однако символическая фигура правителя с необходимостью должна была быть окружена фигурами подданных, поэтому мы находим образы «простых людей» и слуг, но они также оказываются символами и атрибутами власти и богатства.

В связи с этим интересны египетские росписи гробниц, которые в более поздние эпохи строились уже не только для фараонов, но и для их многочисленных приближенных. Эти

изображения, буквально создающие символическое пространство для жизни, интересны необычным подходом к онтологической трактовке понятия образ. Есть интересная теория, рассматривающая Ка, для которого создавался весь нарисованный на гробницах египтянами мир, не как душу человека, а его «нематериальный двойник» [3]. Эта идея, возможно, возникла у египтян, когда они заметили, что изображения человека и рассказы о нем словно создают его для нас при физическом отсутствии. Египтяне создавали в росписях мир, в котором у Ка будет достаточно благ. Более того, человек сам руководил росписью своей гробницы, создавая жизнь своему «двойнику». Такое видение ментальных процессов кажется несколько наивным, однако при физическом отсутствии египтянина N мы действительно сегодня можем воспринять его образ, постаравшись понять ту систему изображений, которые обнаруживаем в его усыпальнице. Через анализ ассирийских и египетских изображений можно наблюдать раннюю форму индивидуализации человека и то, насколько важно было осознание понятия образа (или близкого к нему) для этого процесса.

Начиная с Античности можно говорить о вполне изученных и хорошо описанных моделях индивидуализации или идентичности. В отечественной литературе уже давно активно используется классификация, включающая в себя личностную, индивидуалистскую, субъективистскую и персоналистскую модели построения границ Собственного [4, 5]. Особенности этих моделей проявляются и в процессе репрезентации образа человека, что закрепляется в символическом пространстве в виде сложившихся практик и канонов.

Греческая античность закрепляет границу между Собственным и Чужим, маркируя ее в образах героя, судьбы, свободы, и утверждая свое открытие в различных социальных явлениях от гражданского права до философии. Довольно болезненный выход из мифологического состояния, осознание себя вне мифологических категорий и возможность встречи с миром как с Чужим хорошо иллюстрируется историей жизни и смерти Сократа. Для него самого философия предполагает личное усилие, действие, разрывающее пределы коллективного мифологического убеждения.

Фоном для всего этого процесса становится город, греческий полис, который сам по себе представляет собой интересную смесь физического явления (стен, улиц, домов) и концепта (постоянства, сообщества, идеи гражданства). Многие исследования демонстрируют разнообразие способов репрезентации индивида в античном городе: от скульптур до рекламных вывесок, объявлений и надгробий. Само пространство города задает и средства, и специфику репрезентации в виде ее ценностных ориентиров: гражданство, профессия, деяния на пользу полиса. Личность репрезентируется в связи со своей ценностью для сограждан, фиксируя визуально через различные маркеры заслуги и достижения. Недавно осознанная и отвоеванная значимость личности начинает успешно конкурировать со значимостью публичного [1, с. 93–114]. Помимо мифологических сюжетов в храмах появляется традиция признания заслуг гражданина через увековечивание его образа в виде статуи. Спортсмены-победители, видные политики и потом философы получают право на личный образ вне мистического контекста. Они становятся новыми героями.

Римский период также известен такими примерами городской репрезентации, однако к ним добавляются и новые, связанные с представлениями об Империи. Помимо города (ставшего, в некотором смысле, единичным), значение приобретают и личные жилища, усадьбы, они также становятся местом символической наполненности. Их украшают и создают в со-

ответствии с модой и собственным вкусом, они также оказываются пространством репрезентации границ Собственного. Отдельного внимания заслуживают многочисленные римские надгробия, содержащие обильную информацию о судьбе граждан Империи. Причем надгробия более знатных граждан содержали все больше отсылок к мифологическим сюжетам, тогда как надгробия граждан более низкого сословия рассказывают именно об их земной жизни и буквально маршруте в Рим [6].

В культуре Средних веков по известным причинам появляется новая доминанта процесса выстраивания границ Собственного. Христианская мораль и христианская онтология с необходимой границей между телесным и духовным порождают особую символическую систему, пронизывающую все уровни культуры. Четкость и устойчивость сферы Собственного делают возможным индивидуальное переживание ее перехода. Молитва, исповедь, откровение и сама вера – это примеры таких переходов, которые закрепляются в визуальном коде христианской культуры. В этот период огромную роль играет статусно-церковная идентичность человека, его положение вассала – личная зависимость, которая формируется параллельно с представлением об индивидуальной ответственности перед Богом.

Становление индивидуалистской модели идентичности происходит на фоне сильного изменения статуса города по сравнению с Античностью. Городские практики репрезентации никуда не исчезают, однако самым значимым местом становится храм, а город располагается «вокруг храма». Подробные исследования убранств средневековых христианских храмов дают обильные примеры фиксации присутствия человека в нем, вплоть до табличек о щедрых пожертвованиях, именных скамейках и рельефных изображениях по заказу, часто коллективному [7]. Однако отдельное место занимает православная иконографическая традиция, представляющая особый вариант фиксации, схватывания образа. Идея подобия, заложенная в ее основание, и каноничность традиции вместе создают знак с совершенно новым статусом. Пространство храма также приобрело особую семиотическую нагруженность. В антропологии довольно много примеров пространств, повторяющих космологические представления народа, ими могут быть и жилища. Однако храм представляет собой не только пространственную, но и временную «рифму» ко всему христианскому миру, оставаясь вне времени и пространства. Это отражается в том, как в нем располагаются сюжеты Писания и образы святых. Храм в некотором смысле сам становится иконой мира.

Новое время ознаменовалось принципиально инновационным подходом к миру, человеку, его когнитивным способностям, практикам преобразования окружающей реальности. Формируется представление о человеке как субъекте познания. В качестве пространства репрезентации для этого периода предлагается рассмотреть текст. Не только из-за появления и развития печати, но и в связи с новым осознанием значимости нарратива и языка, что отражается и в философии, и в науке, и в проекте искусства. Текст здесь понимается не только как письменное слово, но в широком смысле. Текст Нового времени принципиально нов по отношению к тексту средневековой культуры. Конечно, можно говорить о том, что христианская традиция уже разворачивает понимание всего мира через символический код, часто воспринимаемый как текст. Но в контексте данного исследования следует провести четкую границу между средневековым и новоевропейским пространством репрезентации (включающим и этап Возрождения), поскольку речь идет о доминирующем пространстве, которое становится структурирующим для межличностной и межкультурной коммуника-

ции. Текст Библии, символический текст окружающего мира в Средние века – это все же не пространство коммуникации и свободного высказывания для человека, а способ понимания мира как божественного высказывания. В этом плане текст Нового времени имеет совершенно иного автора, а вместе с тем и новые каноны построения и восприятия.

В связи с этим уже рассмотренные выше пространства видоизменяются. На это указывают, в частности, активные реконструкции европейских городов и новые здания, чья функциональная и семиотическая особенность была подробно рассмотрена М. Фуко [8, 9]. Но интересно, что появляются и принципиально новые визуальные формы репрезентации: новые жанры живописи, развивающиеся с эпохи Возрождения, а в дальнейшем и фотография, кино, телевидение. Параллельно с их становлением формируется и дискурс, в котором они осознаются как средства репрезентации образа человека. В целом, можно сказать, что желание новоевропейского субъекта «узнать Другого» превращает все в текст.

Особенности современного типа идентичности – персоналистского – подробно рассматриваются в работах отечественных авторов: Б. Г. Соколова, Е. Э. Суровой, Е. Н. Шапинской, В. А. Куренного. Согласно их исследованиям, персоналистская идентичность отличается высокой степенью реактивности и изменчивости. В отличие от предыдущих типов идентичности ее легче представить не как статичную модель, а как стратегию, набор некоторых практик, очерчивающие границы Собственного. Во многом это задается и практиками репрезентации, которые сегодня активно разворачиваются в виртуальном пространстве (подробнее см. [10]). Новые инструменты репрезентации в сети Интернет, в первую очередь в социальных сетях, становятся сегодня такой же популярной темой гуманитарных исследований, как реклама пару десятилетий назад, как живопись и литература пару столетий назад, когда формировался искусствоведческий дискурс. Можно утверждать, что Интернет сегодня является главным пространством репрезентации, не вытесняя и не отменяя прежние пространства, но создавая свои правила знакового бытия человека. Стоит отметить, что Интернет представляет собой далеко не однородное (во всех смыслах) пространство. В данном контексте нас интересует Интернет как поле возможного диалога, а потому социальные сети являются главным объектом данного рассмотрения. Однако в то же время весь Интернет пронизан возможностью диалога (комментарии, форумы, легкость создания сайтов и проч.), а потому те тенденции, которые мы обнаруживаем при исследовании социальных сетей в разной степени, но применимы и для описания всего Интернета в целом.

Говоря о современной ситуации, исследователи разнообразного материала, найденного в массмедиа, используют понятия скорости и новизны. Здесь можно привести в пример как отдельные статьи последних лет (например [11–13]), так и уже классические тексты, на которых в таких статьях ссылаются (от неомарксистов и структуралистов до Стюарта Холла). Однако легитимность этих понятий при ближайшем рассмотрении можно поставить под вопрос. Новизна и скорость стали (по вполне понятным причинам, кроющимся в основе идеологии Нового времени) неотъемлемыми признаками будущего, а вслед за этим и актуального момента, как ступени в это самое будущее. Однако, как это часто бывает, иррациональная уверенность в качествах явления может и не подтверждаться практикой, если эту практику исследовать отстраненно.

В качестве привычных примеров новизны актуальных практик репрезентации стоит упомянуть скорость внутренних изменений и адаптации к внешним, полифоничность и от-

сутствие иерархии, высокое значение визуального компонента, адресацию сообщений один ко многим и многие ко многим, активное использование «готовых» маркеров и символических «заготовок», иконичность используемых знаков и особое пространственное измерение самого Интернета. Все эти качества представляются как новшество, отличающее социальные сети и Интернет в целом, и все они достойны более внимательного рассмотрения.

Начать стоит с убеждения о всевозрастающей скорости изменений и адаптации внутри современного репрезентационного пространства. Самый очевидный вопрос состоит в том, как мы можем это измерить, и на что опираемся в своих измерениях? Вполне возможно, что фиксировать изменения сегодня получается благодаря наличию и сохранению многочисленных постов и сообщений, в которых хранится вся информация, акты коммуникации и символического обмена. В них обнаруживаются мельчайшие сдвиги в темах, интересах и проч. Учитывая, что технические особенности предыдущих эпох не оставляли такого большого количества материала, невозможно утверждать, что и там не было подобных изменений, поскольку не было фиксации всех мнений и позиций. В современном мире мы обнаруживаем доминанты, существующие и пять, и десять, и двадцать лет, но мы также фиксируем (и потом эта фиксация остается в доступе) многочисленные изменения тенденций вокруг этих доминант.

Это ведет нас к следующей предполагаемой черте актуального пространства репрезентации – полифоничность и отсутствие иерархии. В определенном смысле она оказывается основополагающей, поскольку, как уже было показано выше, реальная ли, кажущаяся скорость изменений связана именно с ней. Однако следует четче определить это «отсутствие иерархии». Говоря таким образом, мы, чаще всего, сравниваем актуальную систему репрезентации с системой Нового времени, когда фиксация информации происходила через тексты, которые выстраивались в согласии с определенным регламентом. Сама практика книгопечатания и искусства (в его классическом виде) представляет собой жесткую цензуру и отсеивание маргинальных или даже просто недоминантных позиций. Разрушение этой иерархии благодаря современным техническим возможностям коммуникации довольно очевидно. Однако можем ли мы говорить при этом об отсутствии иерархии как таковой или же о подлинной новизне этой ситуации? Город в Античности был куда более полифоничен, чем новоевропейский текст. То же можно сказать и о средневековой символической традиции, выходящей за пределы регламентированного пространства храма.

При сравнении античного города и средневекового храма с современным знаковым пространством иначе высвечиваются и позиции, связанные с визуальностью и адресатами сообщений. Городские практики репрезентации изначально направлены на сообщество горожан, граждан и были пластическими, визуальными. То же можно сказать и об иконах и рельефах в церкви. Наиболее интересным здесь оказывается вопрос даже не об адресатах многочисленных визуальных сообщений, а об их авторе, растворяющемся в безликом в плане индивида, но вполне себе уникальном пространстве города. Конечно же, автором оказывается не город, а его граждане. Именно они ставят скульптуру Сократу через пять лет после его смерти, но вполне легитимным является высказывание, что это Афины заказывают работу скульптора.

Позиция авторства в церковном искусстве еще более сложная. Тем более что особый статус храма как сакрального, «нездешнего» места не позволяет нам перенести статус

автора с художника на группу прихожан. Иконография как особый вид регламента визуальной организации распространяется не только на отдельные изображения, но и общий план, и вид храма. Он буквально является иконой мира, созданного Богом. В связи с этим иконичность современного знакового пространства также перестает казаться чем-то принципиально новым. А вот говоря о европейских текстах Нового времени, уместнее сказать о символе, как главном типе знакового выражения. Здесь стоит вспомнить и о натюрмортах XVII в., и о парадных портретах XVIII и XIX вв. Особый знаковый код, который существует в культуре Нового времени на различных ее уровнях, больше тяготеет к конвенциональным или символическим взаимосвязям означающего и означаемого.

Если рассматривать Интернет и виртуальную коммуникацию, то разнообразие эмодзи и их довольно активное использование в виртуальной коммуникации уже демонстрирует именно иконичность визуального кода. Популярные инстаграмные фотожанры: селфи, фотографии из путешествий, спортзалов и ресторанов, демонстрирование различных телесных практик от макияжа до тренировки в спортзале – также полны именно иконических знаков, создающих необходимые отсылки. Самолет – путешествие и свобода, спортивная форма – здоровый образ жизни и т. д. Подобные готовые маркеры используются как конструктор для репрезентации индивидуальных ценностей, опыта, значимых позиций и проч., т. е. в целом участвуют в создании виртуального образа человека. Сложно сказать, насколько это новая практика. По сути, любое из рассматриваемых тут пространств репрезентации предлагает определенный набор маркеров, которые в дальнейшем участвуют в той самой «спонтанной манифестации», о которой речь шла в самом начале статьи. Однако техническая доступность этих маркеров и правда представляется чем-то новым.

Иконичность также прочно связывается и с самим понятием пространства. В случае с Интернетом подобие получается с двойным дном. Изначально он мыслился в категориях пространства, представая такой вот виртуальной моделью, подобием мира с технически преодолимым расстоянием [14]. Эта аналогия, метафора сохраняется и до сих пор, однако появилось и новое видение, связанное с социальными сетями, которые представляют своего рода икону для социального сообщества как такового.

Заключение. Опираясь на все вышесказанное, стоит резюмировать, что отличительная и действительно новая черта Интернета как современного пространства бытования образов – это техническая доступность разнообразных средств, маркеров и знаков, которая значительно превышает доступность инструментов прошлых эпох. Эта доступность влечет за собой возможность для каждого человека манифестировать себя в этом виртуальном пространстве. Манифестация сохраняет спонтанность в связи с индивидуальностью фотографий, письма, интересов и проч., но несет в себе и осознанность через возможность редактирования и фиксации образа на длительное время. Если продолжить рассуждение с термином «икона» в его буквальном значении, то можно сказать, что современные практики репрезентации дают возможность каждому человеку создавать собственную иконографию, или же, если смотреть шире, иконографию Собственного. Здесь можно провести интересную аналогию с египетскими практиками визуального изображения человека, которые упоминались ранее. Современный человек создает свой виртуальный двойник, визуально и текстово, обставляя его бытие тем, что ему интересно, ценно и исключая стигматизирующие и неприятные черты. То есть страницы в социальных сетях оказываются сравнимы с росписью гробниц Древнего

Египта по их соотношению с действительностью и уровнем самостоятельного, сознательного сотворения человеком желаемого образа.

Получается, что, если рассматривать в целом различные исторические варианты знаковых пространств, то многие черты Интернета не кажутся такими уж и новыми. Серьезные отличия от предыдущей версии репрезентации образов через текст действительно присутствуют, однако есть и сходство с другими вариантами из прошлого: античным городом, средневековым храмом и даже еще более древними росписями. При этом все же возможно определить специфичность современного символического пространства через своеобразие сочетаний этих практик и их доступность. Новизна – очень значимое понятие для культуры Нового времени – совсем не обязательно должна быть критерием актуальности, а «не новое» не значит «устаревшее». Практики символического обмена скорее не развиваются и замещают одна другую, а надстраиваются и дополняются. В этом смысле интернет-пространство включает в себя и текстовые, и храмовые, и городские, и более древние черты пространств репрезентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорофеев Д. Ю., Савчук В. В., Светлов Р. В. Иконография античных философов: история и антропология образов. СПб.: Платоновское философское общество, 2017.
2. Manley B. Egyptian art (World of art). London: Thames & Hudson Ltd, 2017.
3. Большаков А. О. Эрмитаж. Древний Египет. СПб.: Альфа-Колор, 2009.
4. Сурова Е. Э. Идентичность. Идентификация. Образ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
5. Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры. М.: URSS, 2012.
6. Бирд М. SPQR. История Древнего Рима / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
7. Зотов С., Майзульс М, Харман Д. Страдающее Средневековье. М.: АСТ, 2018.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
9. Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. М.: Смысл, 1998.
10. Сурова Е. Э., Васильева М. А. «Идентификационные композиции» современной социокультурной реальности // Культура культуры. 2014. Вып. 4. URL: http://cult-cult.ru/identification-compositions-of-the-contemporary-socio-cultural-reality/ (дата обращения: 20.08.2020).
11. Говердовская М. А. Социальные медиа как феномен современного общества // Державинский форум. 2019. Т. 3, № 10. С. 50–55.
12. Литвинский В. М. От толерантности к отчуждению в цифровом формате // Антропологические и аргументационные основы межкультурной коммуникации. СПб.: Книжный дом, 2020. С. 103–109.
13. Утилова Н. И. Визуальная картина мира в отражении современных медиа // Вестн. ВГИК. 2019. Т. 11, № 1 (39). С. 110–119. DOI: https://doi.org/10.17816/VGIK111110-119.
14. Assmann A. The Printing Press and the Internet: From a Culture of Memory to a Culture of Attention // Globalization, Cultural Identities, and Media Representations, in Genz, N. and Kramer, S. (eds.). NY: State Univ. of NY Press, 2006. P. 11–25.

Информация об авторе.

Васильева Марина Александровна – кандидат философских наук (2017), ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета, 21-я линия, д. 2, В. О., Санкт-Петербург, 199106, Россия. Автор 19 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философская антропология. ORCID: http://orcid.org/ 0000-0002-8874-4623. E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

REFERENCES

1. Dorofeev, D.Yu., Savchuc, V.V. and Svetlov, R.V. (2017), *Ikonografiya antichnykh filosofov: istoriya i antropologiya obrazov* [Iconography of Ancient Philosophers: History and Anthropology of Images], Platonovskoe filosofskoe obschestvo, SPb., RUS.

2. Manley, B. (2017), *Egyptian art (World of art),* Thames & Hudson Ltd., London, UK.

3. Bolshakov, A.O. (2009), *Ermitazh. Drevnii Egipet* [Hermitage. Ancient Egypt], Al'fa-Kolor, SPb., RUS.

4. Surova, E.E. (2010), *Identichnost'. Identifikatsiya. Obraz* [Identity. Identification. Image], Izdatelstvo SPbGU, SPb., RUS.

5. Shapinskaya, E.N. (2012), *Obraz Drugogo v tekstah kul`turi* [The image of the Other in cultural texts], URSS, Moscow, RUS.

6. Beard, M. (2020), *SPQR. A History of Ancient Rome*, Transl. from English, Al`pina non-fikshn, Moscow, RUS.

7. Zotov, S., Maizul's, M. and Kharman, D. (2018), *Stradayushchee Srednevekov'e* [Suffering Middle Ages], AST, Moscow, RUS.

8. Foucault, M. (2015), *Surveiller et punir: naissance de la prison*, Transl. from French, Ad Marginem Press, Moscow, RUS.

9. Foucault, M. (1998), *Naissance de la clinique: une archéologie du regard medical*, Transl. from French, Smysl, Moscow, RUS.

10. Surova, E.E. and Vasilyeva M.A. (2014), "Identification Compositions"of the Contemporary Socio-Cultural Reality", *Culture of culture*, no. 4, available at: http://cult-cult.ru/identification-compositions-of-the-contemporary-socio-cultural-reality/ (accessed 20.08.2020).

11. Goverdovskaya, M.A (2019), "Social media as a phenomenon of modern society", *Derzhavin Forum*, vol. 3, no. 10, pp. 50–55.

12. Litvinskii, V.M. (2020), "From tolerance to alienation in digital format", *Antropologicheskie i argumentatsionnye osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Anthropological and argumentation foundations of intercultural communication], Knizhnyj dom, SPb., pp. 103–109, RUS.

13. Utilova, N.I. (2019), "Visual picture of the world in the reflection of the modern media", *Journal of Film Arts and Film Studies*, vol. 11, no. 1 (39), pp. 110–119. DOI: https://doi.org/10.17816/VGIK111110-119.

14. Assmann, A. (2006), "The Printing Press and the Internet: From a Culture of Memory to a Culture of Attention", *Globalization, Cultural Identities, and Media Representations*, in Genz, N. and Kramer, S. (eds.), State Univ. of NY Press, NY, pp. 11–25, USA.

Information about the author.

Marina A. Vasilyeva – Can. Sci. (Philosophy) (2017), Assistant Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Mining University, 2 21 line, V. O., St Petersburg 199106, Russia. The author of 19 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophical anthropology. ORCID: http://orcid.org/ 0000-0002-8874-4623. E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

УДК 114; 115; 130.2; 72.01 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-16-28
Оригинальная статья / Original paper

Проблема темпоральности в архитектурном наследии

А. В. Юрьева✉

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия

✉4alla@bk.ru

Введение. Архитектура, являясь пространственным искусством, связана с прошлым, настоящим и, благодаря своей монументальности, закреплена в обозримом будущем. Исследование категорий пространства и времени в истории философии и науки показывает нам, насколько значимым может стать параллельное изучение этих категорий. Это дает возможность получить наиболее качественные результаты. В современных исследованиях по философии архитектуры мы чаще всего сталкиваемся с пристальным вниманием к категории пространства, что вполне закономерно, однако проблема темпоральности имеет неменьшее значение для понимания архитектурного наследия.

Методология и источники. Методологической базой работы являются исторический, культурологический, семиотический анализ. Основной подход в работе – междисциплинарный. В качестве источников были использованы философские тексты, связанные с проблемой времени (П. П. Гайденко, В. И. Уколова, А. Я. Гуревич, А. Н. Лой, К. Н. Павлюц, В. Н. Финогентов), теоретические работы по архитектуре (А. В. Некрасов, К. Норнберг-Шульц, Н. А. Ладовский, З. Гидион, А. Раппопорт), а также материалы, в которых архитекторы раскрывают сущность и специфику своей профессиональной деятельности (Р. Бофилль, Д. Либескинд).

Результаты и обсуждение. В философии темпоральность понимается как собирательное понятие, включающее в себя несколько компонентов. Результатами исследования становятся следующие выводы: для восприятия архитектурного пространства важны темпоральные характеристики как объекта, так и субъекта; к понятию исторической памяти, заключенной в наследии зодчества, необходимо подходить максимально аккуратно; в храмовом зодчестве вследствие стабильности пространственных решений сохраняются темпоральные характеристики объекта; в переходные моменты времени часто происходит смена стиля и его темпоральных характеристик.

Заключение. Наряду с категорией пространства категория времени в архитектуре имеет существенное значение и не должна занимать второстепенное место при анализе, разработке, реновации или сохранении любых построек. История архитектуры показывает нам всю глубину и многослойность проблемы темпоральности на разных уровнях. Изучать это вопрос оказывается перспективным именно в междисциплинарном подходе, так как подход только с точки зрения объективно-реальных форм существования материи оказывается уже недостаточным. Существует необходимость рассматривать темпоральность как с философской точки зрения, так и в социально-культурной интерпретации.

Ключевые слова: философия культуры, онтология архитектуры, темпоральность, время, пространство, современная архитектура, метафора в архитектуре.

© Юрьева А. В., 2020
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Юрьева А. В. Проблема темпоральности в архитектурном наследии // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 16–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-16-28

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 21.08.2020; принята после рецензирования 21.09.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

The Problem of Temporality in the Architectural Heritage

Alla V. Yurieva✉

Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design, St Petersburg, Russia

✉4alla@bk.ru

Introduction. As a spatial art, architecture is related to the past, the present and, thanks to its monumentality, is fixed in the foreseeable future. As the history of the study of the categories of space and time in the history of philosophy and science shows us, it is possible to obtain significant results only in the process of their synthetic study. In contemporary studies on the philosophy of architecture we most often encounter close attention to the category of space, which is quite natural. However, the category of temporality is no less important for understanding the architectural heritage.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is historical, cultural, and semiotic analysis. The main approach is interdisciplinary. The sources used were philosophical texts related to the problem of time (P. P. Gaidenko, V. I. Ukolova, A. Ya. Gurevich, A. N. Loy, K. N. Pavlyuts, V. N. Finogentov), theoretical works on architecture (A. V. Nekrasov, K. Nornberg-Schultz, N. A. Ladovsky, Z. Gidion, A. Rappoport), as well as materials in which architects reveal the essence and specifics of their professional activities (R. Bofill, D. Libeskind).

Results and discussion. In philosophy, temporality is understood as a collective concept that includes several components. The results of the study are the following conclusions: for the perception of architectural space, the temporal characteristics of both the object and the subject are important; the concept of historical memory contained in the heritage of architecture must be approached as carefully as possible; in temple architecture, through the stability of spatial solutions, the temporal characteristics of the object are preserved; at transitional moments of time, there is often a change in style and its temporal characteristics.

Conclusion. Along with the category of space, the category of time in architecture is essential, and should not be of secondary importance in the analysis, development, renovation or preservation of any buildings. The history of architecture shows us the depth and complexity of the category of temporality at different levels. It turns out to be promising to study this problem in an interdisciplinary approach, since it is no longer enough to research it only from the point of view of objectively real forms of existence of matter. There is a need to consider it from the point of view of philosophical and socio-cultural interpretation.

Keywords: philosophy of culture, ontology of architecture, temporality, time, space, modern architecture, metaphor in architecture.

For citation: Yurieva A. V. The Problem of Temporality in the Architectural Heritage. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 16–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-16-28 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.08.2020; adopted after review 21.09.2020; published online 25.11.2020

Введение. На протяжении всей истории философии наблюдается интерес к пониманию категории времени, и это неслучайно. Время выступает сущностной характеристикой бытия, поэтому исследование проблемы темпоральности представляет для понимания мира и человека в нем огромное значение. Отношение человека ко времени определяет его самосознание, а особенности его восприятия конструируются из множества факторов, включающих социально-политические, культурные, философские характеристики конкретного исторического периода. Процесс проживания и переживания личностью событий внешнего и внутреннего характера является основой, на которой складывается пространственно-временная структура его индивидуального мира.

Большой интерес к исследованию этой темы в академическом мире основывается на научном развитии современного этапа. Благодаря так называемой концептуальной революции, связанной с физикой нелинейных процессов, космологией и синергетикой, изучение категории времени обретает новые любопытные грани. Конечно, социально-гуманитарные науки не остались в стороне от проблемы понимания и освоения времени, поэтому в русле философии, культурологии, истории происходит активный процесс изучения, осмысления и анализа категории темпоральности.

Целью статьи является выявление основных смыслообразующих компонентов, которые проявляют проблему темпоральности в архитектурном наследии наряду с важнейшими пространственными характеристиками.

Научная новизна заключается в исследовании категории темпоральности в архитектурном наследии с помощью междисциплинарного подхода, а также в акцентировании внимания на необходимости и важности совместного анализа пространства и времени в архитектуре.

Актуальность изучения темпоральности в архитектуре определяется несколькими факторами. Во-первых, обширными процессами реновации исторической части крупных городов. Эта проблема стоит настолько остро, что поверхностное отношение к историческому наследию порождает дисбаланс между исторической и современной городской застройкой. Во-вторых, актуальность исследования темпоральности в архитектуре связана с мощным технологическим прорывом в разных сферах и областях человеческой жизни, которые мы можем наблюдать в наши дни. Этот процесс активно протекает в архитектурном деле и требует от исследователей осмысления и анализа.

Методология и источники. Представленные в работе выводы основаны на культурфилософском анализе первоисточников, исследовательской литературы, конкретных объектов архитектурного наследия. Исследование базируется на достижениях философской, культурологической, семиотической, исторической мысли. Для анализа использованы архитектурные объекты как отечественного, так и мирового наследия.

Результаты и обсуждение. История философии имеет многовековую традицию обсуждения вопроса времени и пространства. Начиная с античных времен, философов интересовал этот аспект бытия, и в разных интерпретациях мы находим его объяснение. Анаксимандр, Гераклит, Парменид, Платон, Аристотель – их воззрения на категорию времени и пространства были глубоко проанализированы и описаны. У Боэция и Августина мы находим прояснение категории «вечность», соотносимой с бытием Бога. А в период становления ньютоновской физики и формирования прогрессивного подхода к оценке бытия человека темпоральность все более сводится к понятию «время». В XX в. мы получили выдающиеся

образцы философского исследования времени в работах А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, А. Н. Уайтхеда. Эти авторы создали глубокие и оригинальные концепции. Благодаря их исследованиям было инициировано огромное количество других сочинений, посвященных различным аспектам времени. К примеру, историко-философские рассуждения различных истолкований времени мы находим у Р. Айслера, П. П. Гайденко, В. И. Уколовой, А. Я. Гуревича, А. Н. Лой, К. Н. Павлюц, С. Н. Полторак и др.

В теории архитектуры к вопросу времени в своих работах обращались А. В. Некрасов, К. Норнберг-Шульц, Н. А. Ладовский, З. Гидион, А. Раппопорт, З. Хадид и другие авторы. В контексте изучаемой проблемы оказались интересны и авторские размышления об архитектурном творчестве известных зодчих, таких как Р. Бофилль, Ле Корбюзье, П. Эйзенман и др.

Понятие темпоральности получило широкое распространение в науках не только социогуманитарных и когнитивных, но в естественных и технических. Здесь этот термин несет дополнительную, математическую смысловую нагрузку: выражает специфические временные отношения изучаемого объекта. В философии на сегодняшний день существует представление о том, что темпоральность представляет собой собирательное понятие, включающее несколько компонентов (время, вечность, мгновенность) [1, с. 12]. Оно находится в многообразных отношениях с другими философскими понятиями, в первую очередь с понятием процессуальности бытия, а формы процессуальности бытия связаны с памятью и преемственностью. Как интересно в своей работе рассуждает В. Н. Финогентов, нецелесообразно сводить категорию темпоральности только лишь к понятию времени, потому как «вечность и мгновенность, с одной стороны, и время, с другой, представляют собой характеристики различных уровней бытия: вечность – это темпоральная характеристика того уровня бытия, где оно абсолютно самотождественно; мгновенность – темпоральная характеристика того уровня бытия, где оно абсолютно несамотождественно… время же – темпоральная характеристика того уровня бытия, которому свойственно противоречивое единство самотождественности и несамотождественности» [1, с. 12].

К интересным выводам приходит Н. Н. Трубников, проясняя проблему темпоральности следующими словами: «Время в философски значимом его определении есть нечто связанное с чисто физической определенностью событий, но всегда нечто существенно большее». Как мы видим, автор вводит дополнительное качество времени, которое он в дальнейшем связывает с движением. Настаивая на недостаточности трактовки времени лишь как физического явления, Трубников пишет, что «если время вообще, как и пространство вообще, суть меры движения, то всякое реальное время, как и реальное пространство, суть меры движущегося. И тогда всякое конкретное движение имеет и свою конкретную меру (и форму времени), как оно имеет и свою конкретную меру (и форму) пространства» [2, с. 222].

С позиции философского релятивизма проблему темпоральности в современной философской литературе исследует А. Болдачев, описывая ее как протяженность и размер объектов во времени. Несмотря на кажущуюся терминологическую непривычность, автор проясняет свою точку зрения следующим образом: «Самое важное – изначально понять, что наша темпоральность, наша протяженность во времени – это не промежуток времени между двумя событиями, скажем, рождением и смертью человека – темпоральность характеризует наш размер во времени именно здесь и сейчас, совершенно независимо от хронального времени

нашего существования» [3, с. 61]. Другими словами, автор считает, что темпоральность невозможно описать через единицу времени, а только через «наполненность», сложность и событийную насыщенность.

Проблема темпоральности в контексте субъективного бытия была проанализирована в работе А. Н. Лощилина, где показано, что субъективное восприятие времени изменяется в контексте жизненных ситуаций, возрастного периода, процесса ожидания или, напротив, желания замедлить какой-либо процесс, а также экстремальных моментов. Следовательно, делается вывод, что «темпоральное бытие человека в зависимости от конкретных условий жизни находится в различных временных ритмах» [4, с. 213]. С этой мыслью хочется согласиться, и для анализа темпоральности в архитектуре она будет иметь вполне практическое значение.

Следует упомянуть исследования, в которых категория «время» тесно связана с психическими, генетическими, социальными формами памяти. А настоящее, прошедшее и будущее, являясь темпоральными понятиями, выражают процессы изменения социально-исторического развития. «Соотношение темпоральных и социально-исторических факторов является важным соотношением для осмысления социальным субъектом возможных перспектив развития, связанных с настоящим, прошедшим и будущим» [5, с. 40], как верно было замечено рядом авторов. Поэтому можно сказать, что человек – это точка, в которой сходятся все времена воедино в уникальном соотношении.

Итак, при анализе темпоральности в архитектуре следует обязательно учитывать тот факт, что эта категория является сложным многоуровневым феноменом, который проявляется через несколько аспектов: особенности восприятия субъектом архитектурного объекта, типологизацию архитектурной среды, сохранение архитектурного наследия, прогнозирование, консервативность некоторых архитектурных направлений как сохранение смыслообразующих темпоральных характеристик объекта.

Начать стоит с того, что архитектурное пространство – это неоднозначная и полиморфная система, проявляющая свою диалогическую сущность через знаково-символическую структуру. Такое пространство можно понимать не только как взаиморасположение строительных объектов, но и в более широком смысле – как способ взаимодействия человека с материальным миром. Каждый компонент постройки обладает собственным смыслом, а ее расположение и структура влияют на общую концепцию. В итоге локальные смыслы различных слоев архитектурного пространства создают в процессе метафорического взаимодействия единый смысл. Поэтому пристальное изучение языка архитектуры дает нам возможность понять, насколько многозначную семантику таит в себе строительное искусство, которое невозможно свести только к физическим формам или художественным категориям.

С точки зрения ряда авторов (У. Эко, Ч. Дженкс, В. И. Лучкова и др.), архитектуру следует воспринимать как текст, обращенный как к современнику, так и к будущему «читателю». Слово, которое использует архитектор, красноречиво говорит нам о языке времени, в котором выражены пульсации смыслов и актуальных тенденций, социальные изменения и политические манифесты. Для будущих поколений это непременно обретет существенную информативную значимость, когда будут декодированы знаково-символические составляющие построек.

К примеру, создание сложных ассоциативных построек с использованием так называемой «намекающей» метафоры [6] в современном зодчестве – явление уже нередкое. Церковь Notre Dame du Haut (Роншан, Швейцария) Ле Корбюзье профессиональные критики и обычные посетители сравнивали с белыми микенскими домами и со швейцарским сыром. Или же здание Сиднейской оперы архитектора Йорна Утзона. Из большого списка метафор, порождаемых созерцанием этого объекта, хочется назвать и парусник, и птицу, и бумажный домик, и мн. др. Здесь нельзя сказать наверняка, какую символическую составляющую вкладывал сам автор, так как знак не «считывается» однозначно. Однако понятно, что намекающая метафора сильна именно объемом ассоциаций, который рождается из потока простых образов в конкретную минуту времени. Этот поток зависит от символического опыта зрителя, его культурного багажа, эстетических предпочтений, знаний о прошлом и понимании будущего. Наблюдая в современной культуре нацеленность на продуктивное использование информации, а значит, и времени, можно сказать, что выработана новая схема темпоральности, которая отличается как от строго научного понимания времени, так и от эсхатологического к нему отношения. Динамичность, целеустремленность, нацеленность на будущее связаны именно с ускорением темпа жизни, что раскрывает временной аспект человеческого бытия. Создается впечатление, что время более не является неконтролируемым параметром нашей жизни.

Аналогичные дискуссионные проекты – яркий пример проявления категории темпоральности в архитектуре через особенности восприятия объекта (постройки З. Хадид, О. Нимейера, С. Калатрава). Ввиду того, что архитекторы в подобных строениях реализуют инновационные формы и способы организации пространства, у зрителя невольно возникает мысль о времени, о котором только недавно все могли лишь строить прогнозы, так называемое «сбывшееся завтра». Говоря образно, это слово, сказанное вчера (в футуристических романах и кинолентах), но исполненное уже в сегодняшней реальности. Архитектурные объекты «объясняются» с аудиторией на совершенно новом для нее языке, что может восприниматься жестко негативно, доходя до полного отторжения. Но здесь любопытно другое: насколько новый язык архитектуры сможет завоевать себе место в будущем архитектурном словаре? С одной стороны, хочется ответить на этот вопрос словами известного архитектора-новатора Р. Бофилля, который говорил, что «право эпох – это право поколений на собственное оформление, изображение своего времени и мира» [7, с. 20]. Но есть на этот счет и другое мнение, например, С. Ситара: «Отрефлексировав свои знаки как всего лишь знаки, культура сталкивается с фундаментальным кризисом означивания и коммуникации» [8, с. 81]. Иными словами, в данном случае архитектура перестает означать что-либо вообще.

Таким образом, мы видим, что восприятие архитектурной среды представляет собой процесс, обладающий темпоральными характеристиками. Продолжительность, последовательность, ритмичность, повторяемость – все это временные факторы, которые не в последнюю очередь определяют сложный многоуровневый результат восприятия. Более того, как субъект, так и объект обладают собственными темпоральными особенностями, что дает возможность сделать вывод о неоднозначности процесса восприятия любого архитектурного объекта.

Другим важнейшим аспектом проблемы темпоральности можно считать аккумулирование исторической памяти в архитектурном наследии. Вспомним здесь мысли П. Рикера,

приведенные им в его знаменитой работе «Память. История. Забвение». Одна из ее идей заключается в том, что работа памяти осуществляется не только на уровне отдельного человека, но и на уровне общества. Историческая память – это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом, находясь в тесной связи с настоящим и будущим. «Каждый объект, воплощая в себе свою историю, представляет собой и аккумуляцию определенного времени» [9, с. 86], как было подмечено Я. Ф. Аскиным.

С середины XIX в. вопрос об адекватном обращении с памятниками культуры все больше привлекает общественное и научное внимание. Исторический город воспринимается уже не только как архитектурно-художественная целостность, но как сумма культур, исторических пластов. И в современной ментальности зарождается трепетное отношение к историческому городскому пространству, просыпается интерес к архитектурной истории, поиску собственной пространственной идентичности, сохранению архитектурной традиции. Поэтому проблема «новодела» в архитектуре исторического города сегодня выходит за пределы узкопрофессиональных интересов. Так как архитектуре свойственны универсальные средства передачи информации, ее коммуникационный арсенал доступен любому человеку, даже не обладающему профессиональным взглядом. Этот феномен рождает массу проблем, связанных с установлением баланса между исторической конструкцией и восполнением утраченного прошлого.

Тема исторического фрагмента городской среды в современном мире переосмысливается заново, и тому есть удачные образцы. В качестве примера будет уместно привести Еврейский музей в Берлине и его новое здание, построенное в 1999 г. Даниэлем Либескиндом. Оно прекрасно иллюстрирует идею совмещения классической постройки с ультрасовременным зданием. Это отличный образец подвижности конструкции как внутри, так и снаружи объекта. Сам музей по форме напоминает изогнутую линию, а пол внутри него сделан под наклоном, таким образом, что посетители вынуждены прилагать усилия для перемещения.

Описание пространства внутри музея выглядит следующим образом: «Одна из дорог ведет в Башню Холокоста, где сугубо архитектурными приемами рассказывается о величайшей трагедии еврейского народа. Вторая дорога приводит в поэтический Сад изгнания: здесь человек теряет ориентацию в пространстве, подобно эмигранту, лишенному ориентиров в новой непривычной жизни, – здесь языком символов и архитектурных аллегорий повествуется о судьбе народа, лишенного родины. Третья дорога – дорога продолжения, дорога жизни. Она создает иллюзию невероятно длинного пути, символизирующего несколько тысяч лет истории еврейского народа, и ведет к крутой и опасной (только на вид) главной лестнице, без слов дающей представление о его трудной судьбе» [10]. В этом описании прослеживается связь времен от трагического и многострадального прошлого к жизнеутверждающему будущему. Точнее, такое пространственное решение стало возможным потому, что Либескинду удалось бережно обойтись с исторической фактурой здания, корректно встроить в его конструкцию ультрасовременную часть, продумать внутреннюю планировку всей музейной экспозиции через осознание прошлого и четкое видение будущего. Это удачный образец организации музейного пространства, в котором категория темпоральности проявляет свою глубинную сущность. В этой постройке мы становимся свидетелями

формирования живого архитектурного языка со своими неологизмами, но в то же время и с использованием архаизмов.

Однако существуют и другие, менее удачные примеры. Как подмечает архитектор Е. Г. Никулина, в современном реставрационном деле зародилась тенденция в работе с историческими зданиями, которая базируется на полном сносе старого и постройке реставрационной копии нового здания. И скорее всего, это могло бы и не стать острой проблемой реновации, однако зачастую от исторического прототипа остается только намек на былой образ, так как требования заказчика в процессе постройки регулярно меняются. Автор справедливо негодует в отношении перекоса в сторону только внешней стороны архитектурной практики, когда «функция отделяется от формы, а украшение фасада сделали главным в образном решении здания» [11, с. 116].

Эти замечания проясняют, насколько глубоко синтезированы категории времени и пространства в едином городском контексте, а пренебрежение их значением или перекос в одну из сторон приводит к безвозвратной деструкции. Поэтому в построении современной городской структуры не стоит пренебрегать темпоральными характеристиками ландшафта, которые выражаются в логике преемственного развития. В любом случае в основе архитектурного вмешательства в пространство должна стоять «подлинность» (в обращении с прошлым) как критерий ценности.

Итак, сохранение исторической памяти в архитектурном наследии – это, несомненно, темпоральная проблема, наиболее остро звучащая в наши дни. В этом вопросе следует учитывать множество факторов, бережно относиться к историческому ландшафту, не подменяя истинное прошлое некоторым его подобием.

Далее стоит рассмотреть вопрос о том, почему же некоторые области архитектурного наследия с трудом изменяются с течением времени. Известно, что наиболее консервативной областью строительства в наши дни является храмовое зодчество. Ортодоксальность профессиональных взглядов здесь служит крепкой опорой, строго оберегается и поощряется. С точки зрения категории темпоральности, религиозная архитектура являет нам пример объемности и многослойности данного понятия: время, вечность, мгновение – это классические смысловые характеристики любого христианского храма.

В рамках мировой культурной традиции человечество создало богатейшую коллекцию храмовых построек, творческая рефлексия в этом направлении не останавливалась ни на миг. Ритуальная сфера деятельности человека «становится первым воплощением абстрактных представлений о мироздании, времени и пространстве, в которых закрепляется разделение временной последовательности наличной действительности и рефлексии над ее основаниями» [12, с. 145]. Для религиозного мышления пространство и время образуют единый неделимый континуум, наполненный событиями священной истории. Можно сказать, что религиозная архитектура – это отпечаток тех представлений, которыми наполнена культура конкретного народа, но и конкретное время, застывшее в камне.

Развитию храмового строительства в наши дни активно способствуют технологический скачок, общая смена культурной парадигмы и глобализация. Европейская архитектурная традиция уже в XX в. в этом русле была очень инициативна. Сегодня же мы можем обсуждать самые невероятные проекты храмовых построек, такие как минималистичные работы Тадао Андо. Реакция на похожие эксперименты всегда оказывается неоднозначной и порож-

дает глубинные культурологические, религиозные и философские дискуссии. Многие авторы, анализирующие современное храмовое искусство, склоняются к тому, что как бесконечное копирование устоявшихся форм плохо влияет на соборное искусство, так и жесткий радикализм не приносит больших плодов. Умение найти баланс, сохранить преемственность и обновить форму оказывается невероятно сложным.

На сегодняшний момент принимаются нестандартные решения в модернизации храмового пространства (Д. Макаров, Е. Устинович и др.), и многие из этих проектов получают высокое одобрение как со стороны церкви, что немаловажно, так и со стороны профессионального сообщества. Однако большинство из них так и остается бумажной архитектурой, поиск нового идеального образа современного храма продолжается. Это, скорее всего, связано с тем, что нарушение любых канонов строительства, т. е. преобразования пространства, ведет к возможной трансформации символической нагрузки, которая в храме плотно связана с проблемой темпоральности. А именно столкновение в человеке типов времени, конечного и бесконечного, открывает для него метафизическую проблематику.

Таким образом, инертность изменений пространства храмовой архитектуры может быть связана с ее смыслообразующей доминантой, а именно категорией темпоральности. Однажды найденный стандарт пространственного решения закрепляет во времени различные категории и смыслы, наиболее существенные для религиозного мировоззрения.

Как мы видим, исследований времени в качестве объективно-реальных форм существования материи оказывается уже недостаточно для описания многогранного человеческого бытия. Существует необходимость рассматривать ее с точки зрения социально-культурной интерпретации, реализации в совокупности идеологических, ценностных, эстетических, социально-психологических восприятий. Пространство и время субъективно переживаются и осознаются, причем в зависимости от характеристик культуры, развития общества и даже особенностей самого индивида. Осуществляемая человеком интерпретация категории времени и пространства проникает во все стороны общественной и индивидуальной жизни, сопутствует человеку в каждом моменте его созерцательной деятельности.

Обратимся теперь к моментам, в которых происходит так называемый «разлом времен», изменяется парадигма социально-экономических, политических и культурных доминант. В такие переломные периоды истории категория времени приобретает особый смысл, а для архитектуры порой это становится смыслообразующим. В начале XX в. в нашей стране происходило радикальное переустройство в политической, социальной, культурной среде, которое сопровождалось новыми идеями, образами и смыслами времени. Политические манифесты начала XX в. переросли в свою очередь в мощные архитектурные манифесты. Идея построения светлого будущего была плотно связана с переустройством не только социально-политического пространства, но и городского ландшафта, а значит, она затронула большинство архитектурных мастерских. Расчет был сделан на нового человека с его гуманизмом и демократичностью, стремлением вперед, в «космический» век, в эпоху познания и прогресса.

Воспитание нового советского гражданина, человека, который будет жить в лучших пространственных условиях, повлекло за собой удивительные архитектурные эксперименты и новаторские концепции. Некоторые из них до сих пор поражают своим мощным художественным потенциалом (творения И. И. Леонидова). Художники и архитекторы,

объединенные в многочисленные творческие группировки и школы, пытались разработать язык форм, в котором мог выразиться острый политический манифест, определяющий новую социальную реальность. По мнению З. Гидиона [13], пространственная форма приспосабливается не только к существующим условиям жизни, но и по возможности – к будущим. Эта мысль прекрасно проясняет задачи, которые ставились перед зодчими в нашей стране в начале XX в., а фактор времени оказывал существенное влияние на формирование основных характеристик архитектурной среды, ее пространственной конфигурации.

Одним из ведущих архитекторов того периода, человеком, имевшим оригинальное творческое мышление, был Иван Александрович Фомин. Хотя его творческое кредо исходило из классического искусства, и основным принципом работы была модернизация эстетики прошлого, он приходит практически к полному согласию с концепцией конструктивистов. Несмотря на это, Фомин резко критиковал как «ретроспективизм», так и слепой формализм, его задачей было опередить появление советского архитектурного стиля путем индивидуальных архитектурных особенностей. Творчество для него – это синтез всех времен в рамках одной архитектурной постройки.

Более радикальным в своих стилистических, а значит, и темпоральных представлениях был Николай Александрович Ладовский. Он настаивал на необходимости обрести новый стиль, а для этого нужно отбросить стереотипы прошлых веков и создать содружество прогрессивных архитекторов. Ладовский негативно относился к «стилизаторству», внедрению устаревших форм строительства и всеми силами боролся за совершенно новый тип архитектуры, в котором сформируется советский гражданин. «Столь нужное архитектору умение управлять временем определяет пути его собственного развития и выработку собственного метода» [7, с. 20] – замечал Р. Бофилль. И далее он добавлял, что «овладеть временем – значит суметь сохранить память о своих проектах, принять эту бесконечную растянутую продолжительность; это значит переместить законченное здание в направлении постоянно уточняемого поиска, научиться видеть в завершенном создании уже пройденную стадию своего собственного развития» [7, с. 20].

Этот пример дает показательную картину новаторских взглядов конкретного исторического периода: отражает общекультурный художественный процесс как через грандиозные постройки, так и через обыкновенные бытовые сооружения. И еще неизвестно, что останется в истории архитектуры надолго – «идеологические» дома культуры или традиционные многоквартирные здания. Идеология, может, и поменяется, а дома останутся.

Как мы видим, в архитектуре советского авангарда прослеживается ценностная характеристика времени, так как все строительство того периода было связано с разрешением идеологических вопросов. Можно сказать, что аксиологическое измерение времени «зависит от культурно-исторической традиции и предполагает рассмотрение времени как социокультурной сущности в аспекте необратимости существования, своего рода нравственной рефлексии человеческой темпоральности» [12, с. 145].

Вопрос о сущности времени всегда критически осмысливался в философии [14], ведь он отражает не только философскую картину мира, но и онтологические основания художественной формы в целом. На сегодняшний день мы можем наблюдать возрастающий интерес к исследованию архитектурного пространства, так как в условиях повсеместной урба-

низации в его сферу вовлекаются все новые и новые территории. Но в существенном потоке исследований на эту тему проблема темпоральности находится как бы в тени, поэтому требует дальнейшего осмысления и разработки.

Заключение. Значение проведенного исследования состоит в том, что проблема темпоральности в архитектуре была проанализирована на основе междисциплинарного подхода, на базе теоретических работ различных авторов, а также на примерах мирового и отечественного зодчества. Были выявлены конкретные характеристики темпоральности архитектуры, такие как: особенности восприятия архитектурного объекта во взаимосвязи с символическим опытом зрителя, культурным багажом, пониманием прошлого и представлением о будущем; аккумулирование исторической памяти в архитектурном наследии; обострение проблемы темпоральности в критические моменты истории, связанные с социально-политическими преобразованиями, что непосредственно отражается на формообразовании и функциональном назначении зданий.

Результаты в работе были получены следующие. Во-первых, для восприятия архитектурного пространства важны темпоральные характеристики как объекта, так и субъекта. Во-вторых, к понятию исторической памяти, заключенной в наследии зодчества, необходимо подходить максимально аккуратно, учитывая множество структурных элементов постройки. В-третьих, храмовое зодчество имеет склонность к неподвижности и ортодоксальности именно потому, что через стабильность пространственных решений сохраняется стабильность смыслообразующих темпоральных характеристик объекта. И последнее. В переходные моменты времени (что показано на примере начала XX в. в нашей стране) турбулентность архитектурных идей приводит к смене стиля и его темпоральных характеристик, напрямую связанных с реализацией социально-политических манифестов.

Анализ категорий пространства и времени в истории архитектуры имеет существенное значение, так как они являются базовыми характеристиками бытия. Физическое и экзистенциальное время, внешнее и внутреннее, составляет координаты, в которые вписана человеческая жизнь. На протяжении всего периода своего существования человечество стремится преодолеть нарастающую энтропию, вырваться из своего временного пребывания в вечность. Во многом с помощью творчества, и архитектуры не в последнюю очередь, человеку удается не прерывать цепочку своих достижений и остаться в памяти.

Стоит обратить внимание, что проблема темпоральности должна занимать не второстепенное место по отношению к пространству. Именно неповерхностное ее понимание играет существенную роль при разработке, реновации или сохранении любых архитектурных построек. История архитектуры показывает нам всю глубину и многослойность этой категории на разных уровнях. Изучать эту проблему оказывается перспективным только в комплексном подходе, так как сама категория имеет неоднородное значение.

Можно сказать, что архитектура заключает в себе уникальную связь времен, она объединяет историческое наследие с современным контекстом. Иными словами, время для архитектуры – это внутренняя смыслообразующая доминанта, которая проявляет конкретный исторический контекст. Как однажды было точно подмечено, в архитектуре «время “останавливается” в каменных объятиях пространства, и культура общества становится достоянием истории и вечности» [15, с. 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Финогентов В. Н. Темпоральность бытия (философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 1992.

2. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. М.: Наука, 1987.

3. Болдачев А. В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма. М.: Ленанд, 2011.

4. Лощилин А. Н. Проблемы темпоральности // Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 7 (798). С. 208–215.

5. Попов В. В., Музыка О. А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // Международный журн. экспериментального образования. 2015. № 3. С. 40–43.

6. Лучкова В. И. Пятнадцать задач по архитектурной семиотике. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2012.

7. Бофилль Р. Пространства для жизни / пер. с фр. М. В. Предтеченского; под ред. А. Н. Шукуровой. М.: Стройиздат, 1993.

8. Ситар С. Архитектура внешнего мира: искусство проектирования и становление европейских физических представлений. М.: Новое изд-во, 2013.

9. Аскин Я. Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М.: Мысль, 1966.

10. Сосян С. Либескинд: возмутитель пространственного спокойствия. 2013. URL: http://designdeluxegroup.com/magazine/2013/08/30/даниэль-либескинд-возмутитель-прост/ (дата обращения: 20.07.2020).

11. Никулина Е. Г. Городская ткань: архитектура и время. М.: Мастерская № 20 Моспроекта-2, 2011.

12. Павлюц К. Н. Становление категорий «социальное время» и «социальное пространство» в философии. М.: МАК пресс, 2014.

13. Гидион З. Пространство, время, архитектура / пер. с нем. В. М. Леонене, И. Л. Черня. М.: Стройиздат, 1984.

14. Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». Киев: Наукова думка, 1978.

15. Сулименко С. Д., Степанов А. В., Нечаев Н. Н. Архитектура: пространство, время, культура. Ростов н/Д.: Ин-т архитектуры искусств ЮФУ, 2008.

Информация об авторе.

Юрьева Алла Васильевна – кандидат философских наук (2006), доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, ул. Большая Морская, д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия архитектуры, семиотика культуры, темпоральность в архитектуре, пространство и время в философии и архитектуре. E-mail: 4alla@bk.ru

REFERENCES

1. Finogentov, V.N. (1992), “Temporality of being (philosophical analysis)”, Abstract of Dr. Sci. (Philosophy) dissertation, Ural State Univ., Ekaterinburg, RUS.

2. Trubnikov, N.N. (1987), *Vremya chelovecheskogo bytiya* [Time of human existence], Nauka, Moscow, USSR.

3. Boldachev, A.V. (2011), *Temporal'nost' i filosofiya absolyutnogo relyativizma* [Temporality and the philosophy of absolute relativism], Lenand, Moscow, RUS.

4. Loshchilin, A.N. (2018), “Temporalnosti’s Problems”, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, no. 7 (798), pp. 208–215.

5. Popov, V.V. and Musica, O.A. (2015), “The factor of temporality in the context of being a social subject”, *International journal of experimental education*, no. 3, pp. 40–43.

6. Luchkova, V.I. (2012) *Pyatnadtsat' zadach po arkhitekturnoi semiotike* [Fifteen tasks in architectural semiotics], TOGU Press, Khabarovsk, RUS.

7. Bofill, R. (1993), *Prostranstva dlya zhizni* [Espaces d’une vie], Transl. by Predtechenskii, M.V., in Shukurova, A.N. (ed.), Stroizdat, Moscow, Russia.

8. Sitar, S. (2013), *Arkhitektura vneshnego mira: iskusstvo proektirovaniya i stanovlenie evropeiskikh fizicheskikh predstavlenii* [Architecture of the external world: the art of design and the formation of European physical representations], Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.

9. Askin, Ya.F. (1966), *Problema vremeni. Ee filosofskoe istolkovanie* [The problem of time. Its philosophical interpretation], Mysl, Moscow, USSR.

10. Sosyan, S. (2013), *Libeskind: vozmutitel' prostranstvennogo spokoistviya* [Libeskind: disturber of spatial calm], available at: http://designdeluxegroup.com/magazine/2013/08/30/даниэль-либескинд-возмутитель-прост/ (accessed 20.07.2020).

11. Nikulina, E.G. (2011), *Gorodskaya tkan': arkhitektura i vremya* [Urban fabric: architecture and time], Masterskaya no. 20 Mosproekt-2, Moscow, Russia.

12. Pavlyuts, K.N. (2014), *Stanovlenie kategorii «sotsial'noe vremya» i «sotsial'noe prostranstvo» v filosofii* [Formation of the categories "social time" and "social space" in philosophy], MAK press, Moscow, RUS.

13. Gidion, Z. (1984), *Prostranstvo, vremya, arkhitektura* [Space, time, architecture], Transl. by Leonene, V.M. and Chernya, I.L. Stroiizdat, Moscow, USSR.

14. Loi, A.N. (1978), *Sotsial'no-istoricheskoe soderzhanie kategorii «vremya» i «prostranstvo»* [Socio-historical content of the categories "time" and "space"], Naukova Dumka, Kiev, USSR.

15. Sulimenko, S.D., Stepanov, A.V. and Nechaev, N.N. (2008), *Arkhitektura: prostranstvo, vremya, kul'tura* [Architecture: space, time, culture], Institute of architecture and arts of Southern Federal Univ., Rostov-on-Don, RUS.

Information about the author.

Alla V. Yurieva – Can. Sci. (Philosophy) (2006), Associate Professor at the Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 Bolshaya Morskaya str., St Petersburg 191186, Russia. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: philosophy of architecture, semiotics of culture, temporality in architecture, space and time in philosophy and architecture. E-mail: 4alla@bk.ru

УДК 1.316; 130.2 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-29-39
Оригинальная статья / Original paper

Психологические телесериалы как феномен общества потребления XXI века

Д. В. Прокофьева✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉Janis-maverick@yandex.ru

Введение. В статье рассматриваются современные психологические телесериалы как один из способов удовлетворения жажды потребления и стремления к поиску смысла. В качестве объекта анализа выступают общество потребления и жажда потребления как его неотъемлемое свойство и привычка современного человека, возникающая вследствие изобилия товаров и услуг, а также присутствующей в жизни индивида экзистенциальной фрустрации. Акцент делается на том, что объектом потребления становятся «объекты», принадлежащие и к материальной, и к духовной культуре, с той особенностью, что в самом потребительском выборе отсутствует рефлексия как его основание. Предметом исследования выступает феномен современного психологического телесериала.

Методология и источники. Для исследования феномена психологического телесериала в контексте современной массовой культуры используются методы феноменологического анализа, исторических параллелей, ценностный, диалектический; применяются междисциплинарный и компаративистский подходы. В основе исследования лежит анализ трудов видных философов, исследователей: К. Маркса, Э. Фромма, Э. Тоффлера, Ж. Бодрийяра, В. Франкла и др.

Результаты и обсуждение. В результате рассмотрения современного психологического телесериала как феномена культурного потребления выделяется множество причин, по которым люди могут смотреть сериалы – отдых от рутины, желание расслабиться, определенный способ проведения досуга и т. д. Однако основная задача состояла в рассмотрении сериала как популярного явления в обществе потребления, а также ситуации, когда просмотр сериалов является целью самой по себе, своеобразным вариантом эскапизма, ухода от действительности и заполнения своего времени. Была поставлена задача выявить естественные и социальные причины популярности современных психологических сериалов, которые становятся звеном в цепочке духовного потребления.

Заключение. В результате проведенного анализа был сделан вывод о том, что современные высококачественные телесериалы выполняют триединую задачу. С одной стороны, они увлекают сюжетом и позволяют отдыхать и снимать стресс, избегая сильной концентрации, с другой – заключают в себе претензию на интеллектуальность, с третьей – отвлекают от повседневности, при этом избавляя от необходимости ежедневного выбора способа проведения досуга. Несмотря на высокое качество (которое отражается как на материальной стороне производства, так и в транслируемых идеях, уровне юмора и т. д.), современные психологические телесериалы являются продуктом общества потребления, и потому заключенная в них предпосылка к рефлексии далеко не

© Прокофьева Д. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

всегда реализуется, и сам сериал становится для человека лишь очередным способом потратить собственное время и заполнить внутреннюю пустоту.

Ключевые слова: общество потребления, массовая культура, отчуждение, потребление, экзистенциальные проблемы, телесериал, повседневность, внутренняя пустота, экзистенциальная фрустрация.

Для цитирования: Прокофьева Д. В. Психологические телесериалы как феномен общества потребления XXI века // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 29–39. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-29-39

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 21.08.2020; принята после рецензирования 10.09.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

Psychological TV-series as a Phenomenon of the Consumer Society of the XXI Century

Diana V. Prokofieva✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉Janis-maverick@yandex.ru

Introduction. The article examines modern psychological television series as one of the ways to satisfy the thirst for consumption and the desire to find meaning. The author considers the consumer society and the thirst for consumption as its integral characteristic and habit of a person in modern society. To analyze this phenomenon, the author turns to the works of philosophers, finding confirmation of their concepts in modern reality. The emphasis is on the fact that the objects of consumption are “objects” belonging to both material and spiritual culture, with the peculiarity that in the consumer choice itself there is no reflection as its basis. The subject of the research is the phenomenon of modern psychological TV-series.

Methodology and sources. To analyze the phenomenon of psychological television series in the context of modern mass and popular culture, the author uses the method of phenomenological analysis, the method of historical parallels, the value method, the dialectical method. The article uses an interdisciplinary and comparative approach. The author relies on the work of representatives of these philosophical trends – Karl Marx, Erich Fromm, Alvin Toffler, Jean Baudrillard, Victor Frankl and others.

Results and discussion. We can name many reasons why people can watch TV-series, for example, taking a break from routine, a desire to relax, this is a certain way of spending leisure time. Our goal was to analyze TV-series as a phenomenon of a consumer society, and the situation when watching the series is a goal in itself and a kind of escapism, a way to escape from reality and filling your time. The task was to identify the natural and social reasons for the popularity of modern psychological series.

Conclusion. As a result of the analysis, the author concluded that modern high-quality television series perform a triune task. On the one hand, they captivate the plot and allow you to relax and relieve stress, avoiding strong concentration. On the other hand, they involve a claim to be intelligent. And the third point – they distract from routine and everyday life while eliminating the need for a daily choice of a way of spending leisure time. TV-series are a product of the consumer society, and therefore the prerequisite for reflection contained in them is far from always being realized. As a result, the series itself becomes for a person just another way to spend their own time and fill the inner emptiness.

Key words: popular culture, consumption, alienation, TV-series, consumer society, existential problems, everyfayness, inner emptiness, existential frustration.

For citation: Prokofieva D. V. Psychological TV-series as a Phenomenon of the Consumer Society of the XXI Century. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 29–39. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-29-39 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.08.2020; adopted after review 10.09.2020; published online 25.11.2020

Введение. Постоянно ускоряющийся прогресс и непрерывное высокотехнологичное производство привели к появлению так называемого «общества потребления», отличительными особенностями которого являются изобилие товаров, услуг, материальных ценностей, а также определенные стандарты того, что человеку следует желать, какие потребности и каким образом удовлетворять. Данный термин был впервые использован Э. Фроммом [1, с. 181] и в дальнейшем развит в философском дискурсе Ж. Бодрийяром [2]. Своего расцвета общество потребления достигло к середине XX в. – века стандартизации и повсеместной массовой культуры. Всё то, что создавалось для человека, удобства и облегчения его жизни, стало господствовать над ним, его сознанием и усилило жажду обладания. Нужно отметить, что это отражает суть феномена отчуждения, который сопровождает человечество на протяжении всей его истории и лишь видоизменяет свои формы с течением времени. В условиях постоянных изменений и прогресса человеку необходимо постоянно осваивать мир и анализировать свое место в социальной реальности, осознавать свое понимание ее, критически осмысливать ценностные ориентиры, предлагаемые ему социумом. В обществе потребления каждый стремится к удовлетворению своих желаний и потребностей, и само оно напоминает большой отлаженный биологический механизм, работающий на это, и таким образом навязывает человеку псевдопотребности. По мнению Э. Тоффлера, размываются четкие границы между производством и потреблением, таким образом, экономика будущего (и, собственно, уже настоящего) – это так называемая «“prosumer” economics (слово “prosumer” образовано из “producer” – производитель – и “consumer” – потребитель. – *Прим. перев.*)» [3, с. 38], а человек в ней – своего рода «произтребитель», т. е. существо, которое находится в замкнутом круге непрерывного производства-потребления. Перманентное существование в этом круге является благоприятной почвой для формирования у человека особой непрекращающейся жажды потребления.

Жажда потребления – это своего рода привычка современного человека, который потребляет просто потому, что может это делать, у него есть для этого как личные материальные возможности, так и предоставленные производителями нескончаемые предложения, в результате чего потребление становится абсолютно естественным. Но с другой стороны, эта жажда представляет собой легкий способ заполнения внутренней пустоты и побега от одиночества. Зачастую потребление происходит неосознанно, и, хотя это очевидный результат выбора, но в самом этом выборе отсутствует рефлексия как его основание. Э. Фромм, которому импонировали гуманистические воззрения К. Маркса и одновременно с этим – революционный взгляд З. Фрейда на психику человека, видел в жажде потребления тот же психологический момент, и писал об этом так: «…за жаждой потребления скрывается внутренняя пустота – ощущение собственной бессодержательности. С бесконечным потреблением связаны депрессия, ощущение одиночества» [4, с. 158]. Характеризуя тенденции современного ему общества, он писал о том, что объектом потребления становится абсолютно всё,

независимо от того, является ли оно элементом материальной или духовной культуры: «Человек чувствует себя внутренне пустым или беспомощным; приобретая вещи, он стремится ощутить себя наполненным чем-то, что делает его сильным» [4, с. 158]. По аналогии с ритуальным каннибализмом, то, что человек потребляет, становится в его сознании частью его самого, передавая ему свои качества или свойства, будто изменяя самого человека.

Реклама как «двигатель торговли» нацелена на то, чтобы человек почувствовал необходимость приобрести, попробовать определенный товар или услугу. По этим причинам она обращается либо к естественной биологической свойственной человеку жажде удовольствий, наслаждения или безопасности, либо к социальным установкам на статус или престиж. Помимо этого, приобретая товар или услугу, человек реализует и свою потребность в свободе. Однако создается иллюзия выбора, ведь, по сути, человек выбирает между товарами или брендами, которые не имеют существенного отличия друг от друга. Конечно, разница есть, но заключается она именно в незначительной детали, «изюминке», на которой производитель акцентирует внимание для того, чтобы привлечь покупателя, дав ему возможность почувствовать собственную индивидуальность при приобретении того или иного товара или услуги.

К. Маркс увидел зачатки общества потребления в атмосфере зарождающегося капитализма, где капиталист, производитель был заинтересован в том, чтобы подтолкнуть индивида к покупке какой-либо вещи, даже если ему было понятно, что данный продукт индивиду не нужен. Цель капиталиста – в получении экономической выгоды любой ценой [5, с. 128]. Очевидно, что такой подход противоположен принципам гуманизма, он не рассматривает как главную ценность человеческую личность, ее развитие и даже прогресс общества в целом. Для К. Маркса это следствие экономического отчуждения, которое неизменно присутствует в капиталистическом обществе, порождает отчуждение индивида от своей сущности и от других людей, поскольку теряется осознание себя как принадлежащего к одному человеческому роду, понимание других как самоценных единиц, а не как средств для достижения личных целей, собственного удовлетворения.

Марксу вторит и голландский социолог, писатель Э. ван ден Хааг. Он подвергает критике массовую культуру, являющуюся естественным следствием общества потребления, принципа накопления капитала ради капитала и отчужденного труда человека: «Стремясь производить как можно больше, человек работает в условиях, которые его обезличивают, и за это его вознаграждают высоким заработком и досугом. Таким образом, люди могут потреблять и потребляют больше прежнего. Но и в качестве потребителей они опять вынуждены отказаться от собственных вкусов. В конечном итоге производство стандартизованных вещей требует также создания стандартизованных людей» [6]. Мы снова приходим к тому, что разнообразие и выбор носят формальный характер и по сути являются иллюзорными.

Методология и источники. Для исследования феномена психологического телесериала в контексте современной массовой культуры используются метод феноменологического анализа, метод исторических параллелей, ценностный метод, диалектический метод; применяются междисциплинарный и компаративистский подходы. В основе исследования лежит анализ трудов видных философов, исследователей: К. Маркса, Э. Фромма, Э. Тоффлера, Ж. Бодрийяра, В. Франкла и др.

Результаты и обсуждение. Австрийский психиатр, психолог и философ В. Франкл утверждал, что каждой эпохе свойственен свой невроз, и такой проблемой людей начиная с середины XX в. он называл разочарование от жизни [7, с. 5]. Отсутствие явного, универсального, четко определенного и понятного для всех смысла жизни порождает экзистенциальную фрустрацию, т. е. перманентное стремление к смыслу, желание «наполнить» свою жизнь. Стремление к смыслу В. Франкл считал естественной потребностью человека наряду с так называемыми базовыми потребностями, выделяемыми А. Маслоу. Если наполненность жизни определенным смыслом у человека отсутствует, то он начинает заменять ее другим содержимым, что выражается в постоянном потреблении, материальном и/или духовном. К примеру, современный человек может попытаться реализовать свое стремление к смыслу в семье, работе, профессии. На невротическом уровне обладания последнее примет форму поверхностных карьерных устремлений. Те, кто не занят на постоянной работе, или те, кому не удается превратить карьеру в способ реализации своей потребности в смысле, выбирают более простые средства: «Стараясь убежать от самих себя, они выбирают такой способ времяпрепровождения, который позволяет им развеяться, отвлечься и не требует внутренней сосредоточенности» [7, с. 62] – так В. Франкл писал о домохозяйках, женах успешных финансовых работников, но в сегодняшних реалиях эта проблема не заключена в определенные гендерные и социальные рамки. К такому способу ухода от себя, безусловно, относится постоянная жажда потребления. Это могут быть и банальное стремление приобретать новые и новые товары, одержимость сексом, постоянная жажда наживы, иными словами, то, что мы могли бы обозначить как квазисмыслы.

К феномену сегодняшнего культурного потребления можно отнести такой стремительно набирающий популярность вид телевизионного искусства как вышедшие на качественно новый уровень сериалы, которые мы определяем как современные психологические телесериалы. Начало истории появления сериалов можно отнести к октябрю-декабрю 1946 г., когда в прямом эфире американской телевизионной сети был показан первый многосерийный телеспектакль «Faraway Hill». Сегодня индустрия развлечений предлагает сериалы на любой вкус, способные удовлетворить запросы разных классов и прослоек общества. Это могут быть обычные мыльные оперы с перипетиями любовных историй, сериалы о преступлениях и наказаниях, торжестве справедливости и закона, о потусторонних явлениях, просто юмористические сюжеты, детективные истории или криминальные драмы – все зависит от фантазии создателей. Но существует и отдельная «прослойка» психологических телесериалов, отличающихся захватывающим продуманным сюжетом, хорошими съемкой, операторской и режиссерской работой, качественным подбором актеров. Они рассчитаны не на «среднего» обывателя, но на человека, обладающего эрудицией и неплохим чувством юмора, имеющего запросы на эстетику и высокий качественный уровень продукта. Поскольку такого рода сериалы практически не транслируются по отечественным телевизионным каналам, то у их потребителей появляется еще одна отличительная особенность: они оказываются людьми, которые во всех смыслах больше вовлечены в сеть Интернет, нежели в телепространство. Это можно трактовать как своеобразный протест против некачественной новостной и развлекательной продукции, против отсутствия критического мышления, узости кругозора и взглядов.

Нужно отметить, что главных героев фильмов и телесериалов в современных тенденциях уже не стремятся показать сугубо положительными персонажами с некоторыми допустимыми и прощающимися обществом недостатками или действиями «во имя добра» или справедливости. Скорее наоборот, они должны заключать в себе некую непонятную странность, причуду, элемент асоциальности, мизантропии или даже социопатии, который будет одновременно и пугать, и притягивать к ним. Примерами могут служить герои как иностранных сериалов («Доктор Хаус», «Декстер», «Шерлок», «Во все тяжкие», «Оранжевый – хит сезона»), так и русскоязычных («Нюхач», «Чики», «Метод Фрейда» и т. д.). Таким образом, главный герой предстает более приземленным и циничным, он обладает харизмой и высоким интеллектом и зачастую некой выдающейся способностью, граничащей с гениальностью, при этом не живет мечтами и стремлениями переделать мир и оттого более понятен человеку современного общества, он имеет те же проблемы, запросы, терзания и скепсис относительно происходящего. Зачастую зритель не просто любит своего героя, он стремится перенимать его привычки, фразы, иногда образ жизни и определенные поступки, т. е. герой может служить примером, вдохновлять. Безусловным плюсом здесь можно назвать повышение собственного интеллектуального уровня, эрудиции, ну а минусом – конечно же, усиление отчуждения личности, мизантропии, замкнутости и т. д. Подобные герои – не изобретение телесериалов, они присутствовали и ранее, в классической литературе, яркие примеры – Григорий Печорин, Евгений Онегин.

Современные психологические сериалы, как и прочие, способствуют отдыху от повседневности, снятию стресса, однако будучи качественным продуктом они не просто затягивают, а по-настоящему увлекают своих зрителей. При просмотре сериала, который нравится человеку, в его организме вырабатывается дофамин – гормон удовольствия, и в мозге активизируется непосредственно центр удовольствия. Когда человек смотрит серию за серией, дофамин вырабатывается постоянно, и возникает возбуждение, сравнимое с наркотическим. Человек начинает испытывать зависимость от телесериала, поскольку на биологическом уровне в мозге возникает потребность в дозе дофамина [8]. О том, что тяга к постоянному просмотру телесериалов является зависимостью, свидетельствует и тот факт, что у человека может развиться так называемая «постсериальная депрессия», которая возникает при выходе из «сериального запоя», т. е. непрерывного просмотра серий какого-либо телесериала или даже нескольких сериалов подряд [9].

Но кроме того, психологические телесериалы удовлетворяют запросы зрителя на темы сложности мира и межличностных взаимоотношений, места человека в этом мире, его одиночества, отчужденности и непонятости (в том числе по причине некоторой асоциальности героя), обнажают социальные проблемы, например, связанные с неравенством, правами человека, властью, насилием, манипуляцией как на социальном, так и на индивидуальном уровнях, гендерными вопросами. В Америке трансляцией подобных сериалов занимается развлекательная компания Netflix, основанная в 1997 г., являющаяся крупным поставщиком фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа, и сегодня она постепенно приходит и в жизнь российских зрителей.

Э. Фромм очень точно описывает феномен стремления к экономии времени с последующей невозможностью бережно и разумно его потратить: «Нашей странной особенностью

является то, что мы прилагаем так много усилий, чтобы сэкономить время, а когда сэкономим, тревожимся, потому что не знаем, что с ним делать, и начинаем его убивать. Наша индустрия развлечений показывает нам, как убивать время, не замечая этого, приучает потреблять развлечения в убеждении, что в наших занятиях есть смысл» [4, с. 159]. Современный человек обладает роскошью свободного времени и выбирает, на что его потратить. Чем выше интеллектуальные притязания индивида, тем более высокими и изощренными будут и его запросы, в том числе в вопросах проведения своего досуга. Тяга современного человека к сериалам как нельзя лучше иллюстрируют высказывание Э. Фромма. Они продолжительны, т. е. растянуты во времени, однако психологические сериалы при этом не превращаются в бесконечную пустышку. Конечно, они нацелены на то, чтобы заинтересовать и увлечь зрителя, но поскольку зритель – это образованный, интеллектуально развитый человек, то сделать это непросто, а значит, людям не предлагают банальную и бессодержательную жвачку для мозга. Заинтересовать зрителя, который имеет претензию как минимум на интеллектуальность, можно, используя философские идеи, концепции, теории, вплетая их в сериал или делая к ним отсылки, улавливая и разгадывая которые зритель опять же будет чувствовать удовлетворение от процесса распознавания, от собственной возможности это сделать, т. е. от своей интеллектуальной состоятельности, а также от определенного уровня, который благодаря этому приобретает сериал в его глазах (мы можем наблюдать подобные отсылки к современной адаптации идей З. Фрейда в британском сериале «Шерлок», снятом для BBC Wales в 2009–2017 гг.). Другим, более привычным, способом заинтересовать зрителя, помимо сюжетной линии, является воздействие на него через известные философам и психологам манипулятивные приемы – обращение к его «эросу» и «танатосу». К примеру, мы видим явное обращение к этим базовым инстинктивным стремлениям человека, как их называл Фрейд, в телесериале «Игра престолов» (Game of Thrones, 2011–2019 гг.), снятом по циклу романов Джорджа Мартина «Песнь льда и огня». Хотя подспудно там, безусловно, представлены темы власти, борьбы, манипуляций, идеалов и их соотнесения с реальностью, обыгрываются идеи, выдвинутые Н. Макиавелли.

Однако современные сериалы – это продукт общества потребления, и они нацелены на высокие рейтинги. Это означает, что каким бы качественным ни был продукт, он также используется производителем для того, чтобы заинтересовать потребителя, а потребителем, кроме прочего, для того, чтобы заполнить внутреннюю пустоту, о чем мы говорили ранее. Журнал «Psychologies Digital» опубликовал беседу-консультацию известного французского психотерапевта Р. Нойбургера и молодой женщины 25 лет, которая призналась в том, что она «прячется» в телесериалах, которые позволяют ей почувствовать, что она живет полноценной жизнью и испытать те эмоции, которые она по каким-либо причинам не может испытывать в реальной жизни [10]. Кроме того, за их просмотром она дает себе возможность не просто ощутить эмоции, а получить эмоциональную разрядку, т. е. выпустить свои эмоции наружу – снять напряжение, поплакать, разозлиться и т. д.

Кроме того, современный мир характеризуется тенденцией к рассеиванию внимания и утрате умения человека концентрироваться на чем-либо: «Способность концентрироваться стала редкостью в жизни современного человека. Напротив, кажется, что он делает все, чтобы избежать концентрации. Ему нравится делать несколько вещей одновременно, например, слушать музыку, читать, есть, разговаривать с друзьями» [4, с. 243]. Так называемая

многозадачность, умение концентрироваться на нескольких аспектах сразу (а значит, ни на одном из них по-настоящему), становится не только негласным девизом в работе и бизнесе, но и привычкой повседневной жизни. Человеку некомфортно, если он занят только одним делом, особенно это касается ежедневных привычных нам действий – поглощения пищи, прогулки и т. д. Индивид не способен концентрироваться на происходящем, на том, что он делает здесь и сейчас; невротичность, свойственная людям современного общества и диктуемая постоянно ускоряющимся темпом жизни, заставляет его испытывать беспокойство и заполнять образующуюся тишину каким-либо шумом или фоном. Рассеянное внимание и отсутствие концентрации приводят к тому, что человек отвлекается от собственной жизни – от происходящего в ней и от самого *течения* этой жизни – и погружается в иные, сопутствующие ей способы фиксации жизни для самого себя.

Индивид пытается стать интереснее, заполнить свою жизнь впечатлениями, образами, эмоциями, при этом зачастую избегая рефлексии и концентрации на собственной жизни как процессе, ее наполнении созерцанием и созиданием, на истинных эмоциях и событиях, в ней реально происходящих. Более того, события реальной жизни могут восприниматься как менее настоящие, нежели те, что происходят на экране с вымышленными персонажами, чья жизнь воспроизведена так ярко и насыщенно для того, чтобы увлечь зрителя.

Очевидно, что для человека эпохи цифровых технологий мир становится интерактивным и гипервизуальным, и, кроме прочего, это ведет к постоянному росту требований и стандартов личности, ее креативности и творческих способностей, адаптации к меняющемуся миру. Человек, выбравший определенный продукт, должен быть способен заметить и оценить по достоинству все его уникальные моменты и уметь обсудить их. Основным потребляющим субъектом так или иначе остается индивид: его чувства, мысли, рефлексия, восприятие, интеллектуальные и творческие способности. При этом мы должны понимать, что визуализация – это естественное следствие постоянного технологического прогресса. С одной стороны, он нацелен на то, чтобы сделать жизнь человека более комфортной, удобной и легкой, с другой стороны – более интересной. И сериалы в данном случае – это естественная замена художественной литературы развлекательного характера или, лучше сказать, переведение литературных произведений, сюжетов и идей в новый формат, адаптация их к современным условиям цифровой цивилизации. Несомненно, они имеют свойства нарратива, ибо повествуют зрителю о чем-либо, а потому также становятся гипертекстом. Обилие выразительных средств (по большей части визуальных – именно на них во многом «нацелено» современное искусство и именно они легче всего реализуются и достигают цели) помогает насытить наше восприятие новыми смыслами.

В противовес потребителю – человеку, который бесцельно тратит свое время на бесконечное потребление с целью заполнить внутреннюю пустоту и отсутствие смысла, – Э. Фромм приводит пример индивида, способного «испытывать интерес» [4, с. 162]. Фромм указывает на более глубокий смысл самого этого понятия, которое мы привыкли воспринимать более поверхностно, и связывает это слово с латинским inter-esse – «быть внутри» чего-либо, т. е. иметь возможность быть сосредоточенным не только на себе, но расширять собственные границы (прежде всего интеллектуальные, эмоциональные, созидательные, границы осознанности). В этом смысле человек пытается познать то, что находится за границами его «Я», расширяя их и обогащая себя как личность. Это активное стремление

навстречу окружающему миру и другим людям, сопричастность им, это активность в истинном, а не ложном смысле, синонимом которого может быть слово «суета», а сутью – постоянное потребление и заполнение своей жизни любым «фоном». Это не просто представление индивида о том, что он испытывает некие чувства, но реальное их проживание. М. Бубер называет это отношением к миру как к Ты, а не как к Оно, при котором окружающий мир, люди, животные или любые другие «части» живой природы воспринимаются исключительно как объекты. Это не только лишь восприятие окружающего мира, это отношения с окружающим миром, и в таком отношении человек сопричастен миру и вовлечен в него, он проживает момент собственной жизни, что сопряжено также с внутренней свободой [11, с. 15–92]. М. Бубер не считает, что человек может постоянно и непрерывно находиться с окружающим миром в отношении Я–Ты, и это совершенно нормально, он называет это «естественной печалью нашей судьбы»: «В мире каждое Ты в соответствии со своей сущностью обречено стать вещью или вновь и вновь отходить в вещность. На языке объектов это звучало бы так: каждая вещь в мире может или до, или после своего овеществления являться какому-либо Я как его Ты. Но этот язык ухватывает лишь край действительной жизни» [11, с. 25]. Но также важно и умение переходить в это отношение Я–Ты из Я–Оно, поскольку это и характеризует подлинное человеческое бытие.

Заключение. Вследствие неумения принимать трудности в своей жизни (особенно это касается эмоциональной и психологической сторон бытия) человек зачастую ищет спасение в различных видах эскапизма и находит прибежище, к примеру, в современных высококачественных телесериалах, которые выполняют триединую задачу. С одной стороны, они увлекают сюжетом и позволяют отдыхать и снимать стресс, избегая сильной концентрации, с другой – заключают в себе претензию на интеллектуальность, с третьей – отвлекают от повседневности, при этом избавляя от необходимости ежедневного выбора способа проведения досуга.

Современные психологические сериалы как продукт общества потребления являются феноменом, который нельзя назвать однозначным и простым. Они не только утоляют простое желание отдохнуть, занять время и развлечься, но удовлетворяют запросы зрителя на более сложные и серьезные темы, их можно назвать своего рода инструментами поиска ответов на какие-либо социальные, межличностные или экзистенциальные вопросы. Во многом они представляют собой адаптацию сюжетов и идей литературных произведений к современным условиям цифровой цивилизации. Это не рефлексия в полном смысле слова, но возможная предпосылка к ней. Проблема заключается в том, что современные сериалы, являясь продуктом общества потребления, нацелены на высокие рейтинги, а значит, они должны продаваться и быть привлекательными для зрителя. Это означает, что каким бы качественным ни был продукт, он также используется производителем для того, чтобы заинтересовать потребителя, а потребителем, кроме прочего, для того, чтобы потратить собственное время и заполнить внутреннюю пустоту. У потребителя зачастую не остается времени на рефлексию, поскольку, будучи увлеченным сюжетом, эстетической составляющей, драматической напряженностью, игрой актеров, т. е. формой, человек жаждет получить новую порцию продукта, который удовлетворит эти его запросы. А они в свою очередь формируются из постоянной потребности мозга в дофамине – гормоне удовольствия, который вырабатывается при просмотре любимых сериалов. И так зритель

переключает свое внимание на следующий соответствующий своим запросам сериал, который становится новым звеном в этой цепочке духовного потребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фромм Э. Здоровое общество / пер. с англ. Т. Банкетовой. М.: АСТ, Хранитель, 2006.

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: АСТ, 2020.

3. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 2010.

4. Фромм Э. О неповиновении и другие эссе // Э. Фромм. Искусство быть: сб. / пер. с англ. А. Александровой, Р. Семаша. М.: АСТ, 2015. С. 5–155.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 42. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.

6. Ван ден Хааг Э. И нет меры счастью и отчаянью нашему / пер. с англ. Р. Облонской // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 240–242.

7. Франкл В. Э. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / пер. с нем. С. С. Панкова. Новосибирск: Сиб. университетское изд-во, 2015.

8. Page D. What happens to your brain when you binge-watch a TV-series. 2017. URL: https://www.nbcnews.com/better/health/what-happens-your-brain-when-you-binge-watch-tv-series-ncna816991 (дата обращения: 24.07.2020).

9. Kottasz R., Bennett R., Randell T. Post-series depression: scale development and validation // Arts and the Market. 2019. Vol. 9, no. 2. P. 132–151. DOI: 10.1108/AAM-02-2019-0009.

10. Григорьева А. Я прячусь в сериалах // Psychologies Digital. URL: https://www.psychologies.ru/psychotherapy/first-session/ya-pryachus-v-serialah/ (дата обращения: 24.07.2020).

11. Бубер М. Два образа веры / пер. с нем.; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. М.: Республика, 1995.

Информация об авторе.

Прокофьева Диана Владимировна – кандидат философских наук (2012), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, феноменология, проблема отчуждения, критическая теория общества, философская антропология. E-mail: janis-maverick@yandex.ru

REFERENCES

1. Fromm, E. (2006), *The Sane Society*, Transl. by Banketova, T., AST, Khranitel', Moscow, RUS.

2. Baudrillard, J. (2020), *Obshchestvo potrebleniya* [The Consumer Society], Transl. by Samarskaya, E.A., AST, Moscow, RUS.

3. Toffler, A. (2010), *Tret'ya volna* [The third wave], AST, Moscow, RUS.

4. Fromm, E. (2015), “On Disobedience and Other Essays”, *THE ART OF BEING*, Transl. by Aleksandrova, A. and Semash, R., AST, Moscow, RUS.

5. Marx, K. and Engels, F. (1955), *Sochineniya* [Compositions], 2nd ed., vol. 42, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, USSR.

6. Van den Haag, E. (1966), “And there is no measure of our happiness and despair”, Transl. by Oblonskaya, R., *Foreign literature*, no. 1. pp. 240–242.

7. Frankl, V.E. (2015), *Stradaniya ot bessmyslennosti zhizni. Aktual'naya psikhoterapiya* [Das Leiden am sinnlosen Leben. Psychotherapie für heute], Transl. by Pankov, S.S. Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, Novosibirsk, RUS.

8. Page, D. (2017), *What happens to your brain when you binge-watch a TV series*, available at: https://www.nbcnews.com/better/health/what-happens-your-brain-when-you-binge-watch-tv-series-ncna816991 (accessed 24.07.2020).

9. Kottasz, R., Bennett, R. and Randell, T. (2019), "Post-series depression: scale development and validation", *Arts and the Market*, vol. 9, no. 2, pp. 132–151. DOI: 10.1108/AAM-02-2019-0009.

10. Grigorieva, A. "I'm hiding in TV shows", *Psychologies Digital*, available at: https://www.psychologies.ru/psychotherapy/first-session/ya-pryachus-v-serialah/ (accessed 24.07.2020).

11. Buber, M. (1995*), Dva obraza very* [Zwei Glaubens-Weisen], Transl. by Gurevich, P.S., Levit, S.Ya. and Lezov, S.V., Respublica, Moscow, RUS.

Information about the author.

Diana V. Prokofieva – Can. Sci. (Philosophy) (2012), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, phenomenology, the problem of alienation, critical theory, philosophical anthropology. E-mail: janis-maverick@yandex.ru

УДК 316.334:37 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-40-50
Оригинальная статья / Original paper

Родители о школе: от факторов выбора учебного заведения к реальной информированности о школьной жизни ребенка

К. Ю. Белоусов✉

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, Санкт-Петербург, Россия

✉beloysovkonstantin@gmail.com

Введение. Масштабные реформы в системе отечественного школьного образования последних лет привели к повышению значимости роли родителей как субъектов образовательной политики. Современная школа, реагируя на произошедшие изменения во взаимодействии семьи и образовательного учреждения, стала активно обращаться с исследовательскими запросами к родителям с целью уточнения их мнений о различных сторонах работы школы и учебы детей. Цель статьи, таким образом, состоит в иллюстрировании примеров исследовательских запросов школ Санкт-Петербурга с характеристикой при этом факторов выбора родителями учебного заведения, их информированности о различных сторонах жизни ребенка, оценки величины учебной нагрузки и отношения ученика к школе. Научная новизна работы обусловлена содержанием использованного инструментария, особенностями построения выборочной совокупности, примененной при сборе данных, а также длительностью проведения исследования.

Методология и источники. Эмпирической базой исследования выступают результаты многолетних опросов родителей школьников 4, 9, 11-х классов из 73 школ Санкт-Петербурга. Опросы проводились в период с 2013 по 2019 г. по единым для образовательных учреждений методике и инструментарию. Общий массив данных включает 4278 респондентов. Отбор школ для опросов осуществлялся случайным образом в каждый год исследования. Из выборки были исключены коррекционные школы различных профилей.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования показали, что близость школы к дому и наличие в ней, по мнению родителей, сильного педагогического коллектива являются наиболее значимыми факторами, которые имеют решающее значение при выборе образовательного учреждения. Почти половина опрошенных не высказывает переживаний относительно величины школьной нагрузки, считая ее оптимальной. Лишь 10,8 % родителей признают современную школьную нагрузку чрезмерно великой. Более 20,0 % респондентов не имеют достаточной информации об отношениях ребенка с учителями, столько же слабо осведомлены о его друзьях и знакомых.

Заключение. При всем многообразии проблем, которые сегодня возникают во взаимоотношениях между школой и родителями, в исследовании тем не менее зафиксирован положительный тон родительских ответов, которые по большей части довольны сделанным выбором школы, педагогами, существующим психологическим климатом и пр. Родители, принявшие участие в опросах, транслируя точку зрения

© Белоусов К. Ю., 2020
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

учащихся, сообщают, что дети ходят в школу чаще с интересом и радостью, там у них много друзей, и в семье они рассказывают о своем образовательном учреждении больше хорошего, нежели плохого.

Ключевые слова: родители, опрос, школа, ученики, педагоги.

Для цитирования: Белоусов К. Ю. Родители о школе: от факторов выбора учебного заведения к реальной информированности о школьной жизни ребенка // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 40–50. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-40-50

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-013-00899 «Родители как субъекты образовательной политики школы»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 02.09.2020; принята после рецензирования 21.09.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

Parents about School: from Factors Choice of Educational Institutions to the Real Information Children's School Life

Konstantin Yu. Belousov✉

Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, St Petersburg, Russia

✉beloysovkonstantin@gmail.com

Introduction. Large-scale reforms in the system of domestic school education in recent years have led to an increase in the importance of the role of parents as subjects of educational policy. The modern school, responding to the changes that have taken place in the interaction of the family and the educational institution, has begun to actively address research requests to parents in order to clarify their views on various aspects of the work of the school and the study of children. The purpose of the paper, therefore, is to illustrate examples of research requests from schools in St Petersburg with a description of the factors of choosing an educational institution by parents, their awareness of various aspects of a child's life, assessing the size of the study load and student's attitude to school. The scientific novelty of the work is due to the content of the tools used, the peculiarities of constructing the sample used in data collection, as well as the duration of the study.

Methodology and sources. The empirical basis of the study is the results of long-term surveys of parents of schoolchildren in grades 4, 9, 11 from 73 schools in St Petersburg. Surveys were carried out between 2013 and 2019, according to the same methodology and tools for educational institutions. The total data set includes 4278 respondents. The selection of schools for the survey was carried out at random each year of the study. Correctional schools of various profiles were excluded from the sample.

Results and discussion. The results of the study showed that the closeness of the school to home and a strong teaching staff are the most significant factors that play a decisive role in choosing a school, according to the parents' opinion. Almost half of the respondents do not express their feelings about the size of the school load, considering it optimal. Only 10.8 % of parents consider the current school load to be excessively high. More than 20.0 % of parents do not have sufficient information about the child's relationship with teachers, the same number are poorly informed about his or her friends and acquaintances.

Conclusion. With all the variety of problems that arise today in the relationship between the school and parents, the study nevertheless recorded a positive tone of parental responses, who are mostly satisfied with the choice of school, teachers, the existing

psychological climate, etc. Parents who took part in surveys, revealing the point of view of students, they report that children go to school more often with interest and joy, they have many friends there, and in the family, they tell more good things about their educational institution than vice versa.

Key words: parents, survey, school, students, teachers.

For citation: Belousov K. Yu. Parents about School: from Factors Choice of Educational Institutions to the Real Information Children's School Life. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 40–50. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-40-50 (Russia).

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-013-00899 “Parents as subjects of school educational policy”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 02.09.2020; adopted after review 21.09.2020; published online 25.11.2020

Введение. Изучая школу, современные исследователи, а среди них можно встретить специалистов из сферы не только педагогики, но и психологии, истории, социологии, экономики и многих других областей знания, все чаще стали обращать внимание на родителей как на одного из субъектов современной образовательной политики школы. Последние еще совсем недавно являлись пассивными участниками образовательного процесса, поскольку традиционная советская модель взаимодействия семьи и школы отводила родителям роль пассивных помощников: они выполняли функции контроля успеваемости и реагирования на отметки и несоответствующее поведение ребенка. При этом в целом школа весь советский период оставалась закрытой системой, не допускающей реального участия и оценки своей деятельности со стороны семьи.

Однако реформы в образовании последнего времени сильно изменили существующее положение дел, у родителей появилось право довольно пристально следить за процессом и результатами школьного обучения, что нашло закрепление в нормативных документах разного уровня. В качестве примера обратимся к ряду положений закона об образовании. Ст. 44 этого документа четко показывает, как изменилась роль родителей сегодня, и определяет их главенствующее место перед всеми другими общественными институтами в области воспитания и образования детей. Процитируем некоторые ее положения, в которых отмечается, что «родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами. Они обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, образовательные организации оказывают помощь родителям (законным представителям) несовершеннолетних обучающихся в воспитании детей, охране и укреплении их физического и психического здоровья, развитии индивидуальных способностей и необходимой коррекции нарушений их развития» [1].

Важно заметить, что образовательные организации и прочие структуры лишь оказывают *помощь* и не определяют образовательную стратегию семьи, не принимают решение о том, в какой вуз или колледж пойдет ребенок, будет ли он учиться в девятом или закончит одиннадцать классов, в какой школе он будет получать среднее образование и пр.

Ясно выраженная позиция закона в дальнейшем находит отражение и в других документах уже регионального значения. Для того чтобы это продемонстрировать, обратимся к распоряжению от 03.07.2019 г. №1987-р «Об утверждении модели Санкт-Петербургской региональной системы оценки качества образования (далее – СПб РСОКО), положения о СПб РСОКО и критериев СПб РСОКО» [2]. В этом документе родители упомянуты далеко не вскользь, согласно документу они становятся важной частью оценки качества образования в образовательном учреждении (ОУ). Например, оценка удовлетворенности родителей является одним из элементов области оценивания в СПб РСОКО. Сведения об удовлетворенности родителей результатами образования являются источниками данных в СПб РСОКО. Кроме того, в документе говорится, что родители (законные представители) имеют полное право на получение объективной и достоверной информации о качестве образования.

Понятно, что существующими формальными установками школы пренебречь не могут и в свою очередь пытаются отметить главенствующую роль родителей в воспитании и образовании детей. Это становится хорошо видно при знакомстве со многими внутришкольными документами, будь то устав учреждения, многочисленные положения «О родительском совете», «О совете отцов», «Родительском комитете класса» и мн. др., из которых становится совершенно понятно, что современная школа не может полноценно осуществлять образовательный процесс, не прибегая к помощи родителей, не обращая (когда в этом есть необходимость) их внимание на сложные вопросы, требующие своих решений. Да, родители сегодняшней школе нужны не только для того, чтобы обновить цвет стен в классе перед началом учебного года или для профилактики социальных отклонений детей и подростков (что само по себе уже немало), но, как думается, прежде всего для того, чтобы принимать активное участие в определении стратегических направлений развития образовательного учреждения, уточнении и проработке важных линий его жизнедеятельности. Думается, что стремление школы прислушиваться к советам, рекомендациям, пожеланиям родительского сообщества могло бы (конечно, наряду с учетом многих других факторов) дать школе шанс стать лучше, современнее и успешнее.

Опираясь на свой профессиональный опыт, автор статьи хорошо знает, что сегодняшняя школа (по крайней мере петербургская) в своей работе стремится учесть позицию не только администрации учреждения, но и, не в последнюю очередь, родителей школьников. Тем не менее нельзя не отметить сохраняющийся барьер взаимодействия школы с родителями, заключающийся в реальном ограничении возможностей родителей на основе их якобы «некомпетентности». «Возведение “профессиональной” границы между учителем и родителем вместо создания общего поля заботы о развитии детей создает искусственную ситуацию “мертвой зоны” для любых попыток анализа педагогических ошибок и неудач со стороны, отдавая право на рефлексию и анализ только одному из субъектов образования, умаляя право других – учащихся и родителей» [3]. «Сакральность знания», идущая от школы, и восприятие родителей как лишенных педагогических знаний субъектов способствуют директивности в отношении семьи со стороны школы [4].

С другой же стороны, педагогическая риторика последних десятилетий наполнена словами о сотрудничестве между всеми субъектами образовательного процесса, ориентацией на развитие государственно-общественного управления образованием, концепцию

«социального партнерства» школы и родителей [5]. Однако «реально механизм такого партнерства в воспитании ребенка в современной школе зачастую создается формально, что приводит к поиску “консенсуса” между родителями и педагогами, администрацией школы в форме стихийного конфликтного взаимодействия» [6]. Заметим, что сколь бы непростым ни был путь поиска точек соприкосновения между школой и родителями, первые попытки в этом направлении сегодня мы уже можем увидеть, и связаны они с исследовательскими запросами школы к родителям на предмет уточнения их предпочтений и представлений. Например, относительно реализуемых (или предполагаемых к реализации) программ дополнительного образования, оценки психологического климата в учреждении, состояния материально-технической базы ОУ, качества предоставляемых образовательных услуг и т. п. В силу этого в школе реализуются многочисленные мониторинги среди родителей, что позволяет ей учитывать их предпочтения, настроения в своей повседневной работе, для разрешения возникающих конфликтных ситуаций, а также для принятия администрацией своевременных и грамотных управленческих решений.

Методология и источники. Некоторые итоги одного из таких мониторингов, реализуемых кафедрой социально-педагогических измерений СПбАППО в школах Санкт-Петербурга, представлены в данной статье. Эмпирической основой для анализа стали результаты многолетних опросов родителей школьников 4, 9, 11-х классов из 73 школ Санкт-Петербурга. Опросы проходили в период с 2013 по 2019 г. по единым для образовательных учреждений методике и инструментарию. Общий массив данных включает 4278 респондентов. Отбор школ для опросов осуществлялся случайным образом в каждый год исследования. Из выборки были исключены коррекционные школы различных профилей. Выборка строилась с учетом типа образовательного учреждения. Так, 59,4 % в выборочной совокупности составляют родители школьников, учащихся в обычных средних общеобразовательных школах, 21,5 % опрошенных – это родители учеников из школ с углубленным изучением разных предметов, 19,1 % представляют гимназии и лицеи.

Особенность исследования состояла в опросе только родителей, чьи дети учатся в 4, 9 и 11-х классах. Подобная специфика обусловлена тем, что каждый из указанных классов представляет собой своеобразный этап завершения учебы, переход на новую образовательную ступень и определения дальнейших образовательных стратегий семьи ребенка. Так, в четвертом классе заканчивается учеба в начальной школе и подводятся первые большие итоги обучения. Девятым классом завершается вторая образовательная ступень (основное общее образование), а одиннадцатый становится результатом учебы в целом, когда ребенок получает среднее полное образование. При окончании каждого этапа родители часто стоят перед непростым выбором – остаться в школе или искать новую, отвечающую запросам семьи и ребенка, отличающуюся высоким качеством образования, уровнем профессионализма педагогического состава школы и пр.

Для удобства описания полученных результатов их репрезентация дается обобщенным итогом без разделения по годам сбора и типам школ.

Будет нелишним заметить, что данная статья является первым печатным материалом целой серии, которым презентуется лишь небольшая часть данных опросов родителей школьников Санкт-Петербурга.

Результаты и обсуждение.

Факторы, повлиявшие на выбор школы, и оценка величины нагрузки. Характеристику проведенной работы можно начать с описания факторов, ставших для респондентов решающими в выборе школы, в которой сейчас учится ребенок. Какие же из них по результатам опросов имеют для родителей решающее значение? Как оказалось, фактор комфорта и удобства, выражаемый в ответе «Эта школа ближе других к нашему дому», является наиболее часто встречающимся среди всего многообразия вариантов, которые предоставлялись родителям для выражения ими своей точки зрения (табл. 1). В развитие темы скажем, что близость того или иного учреждения к дому становится знаковым моментом при выборе не только школы, но также и учреждений, которые обеспечивают занятость ребенка во второй половине дня (дома и дворцы творчества юных и пр.) [7, с. 150]. Вторым наиболее знаковым фактором выбора выступает наличие в школе сильного педагогического коллектива. Таким образом, родители, выбирая школу, ориентируются, например, не столько на развитость в ее структуре отделения дополнительного образования, на наличие связей с вузами или хорошую материальную базу школы, сколько на вполне прагматические моменты, связанные с близостью учреждения к месту постоянного проживания семьи и наличием в нем сильного педагогического коллектива. Все остальные факторы для родителей тоже важны, но скорее имеют второстепенное значение, и в случае, если первые два условия соблюдены, другими можно пренебречь. Заметим, что значимой разницы в факторах выбора школы у родителей четвероклассников, девятиклассников или одиннадцатиклассников установлено не было. У всех них близость к дому и сильный педагогический коллектив выступали самыми популярными вариантами ответов. Однако, как отмечает ряд специалистов, если учитывать тип школы и место в рейтинге образовательных учреждений, то близость к дому будет иметь меньшее значение для выбора ОУ для учебы [8, с. 59].

Таблица 1. Что повлияло на ваш выбор школы, где сейчас учится ребенок?
Table 1. What influenced your choice of the school where your child is currently studying?

Факторы выбора школы	**Количество ответов, %**
Эта школа ближе других к нашему дому	51,2
Школа известна сильным педагогическим коллективом, высоким качеством обучения	44,4
Соответствует уровню способностей моего ребенка	28,8
Школа известна своим добрым отношением к детям	26,9
Школа известна порядком, требовательностью к детям	26,3
Имеет хорошую материальную базу, комфортные условия	21,8
Имеет нужную для ребенка специализацию	20,5
Имеет хорошие условия для занятости учащихся во второй половине дня	18,2
Имеет связи с вузами, что облегчает поступление	9,1

Итак, выбор школы сделан. Началась учеба, сопряженная для ребенка с преодолением первых трудностей, требующая от него сосредоточенности, внимания, приложения усилий. И нередко учебная нагрузка кажется родителям большой. Но насколько это так? Какой они считают учебную нагрузку своего ребенка? В прессе часто можно встретить, например, такие суждения: «Учебный год только начался, а нагрузка у школьников уже будь здоров. Уроки, классные часы, факультативы – это не считая секций и репетиторов! А жить когда, спрашивается?» [9].

Но большая часть наших респондентов солидарность с подобным высказыванием вряд ли проявит. Так, почти половина опрошенных (49,1 %) считают школьную нагрузку своих детей нормальной, а еще 7,0 % признались, что она недостаточная, поскольку ребенок не всегда загружен. Таким образом, 56,1 % родителей далеки от сколь-нибудь алармистских настроений в оценке величины нагрузки. Более того, 31,0 % соглашаются с тем, что она большая, но считают это вполне оправданным, и только 10,8 % родителей признают современную школьную нагрузку чрезмерно великой. Сразу скажем, что подобная ситуация отражает положение дел только при учебе в обычных условиях, но не в ситуации массового дистанционного обучения школьников весной 2020 г. в условиях пандемии коронавируса. В беседах с сотней родителей, проведенных автором статьи в марте–апреле 2020 г., выяснилось, что стандартная нагрузка ребенка в условиях дистанционного обучения оказалась для большей части учеников едва ли подъемной. И в этой ситуации оценка учебной нагрузки у родителей от нормальной очень быстро эволюционировала до чрезмерно высокой, требующей своей безусловной корректировки в сторону значительного уменьшения. Думается, что нынешнее обучение в условиях пандемии коронавируса в будущем обязательно наложит свой отпечаток на позицию родителей в отношении школы, что отразится на результатах проводимых исследований в родительской среде, которые будут резко контрастировать с выводами и суждениями, делавшимися специалистами, изучающими родительское сообщество, до весны 2020 г.

Критикуя большую учебную нагрузку, многие специалисты прежде всего говорят о ее негативном влиянии на здоровье ребенка. Школа, принимая во внимание критические замечания, максимально стремится к минимизации возможных рисков. Для этого организуются уроки или часы здоровья, проводятся спортивные мероприятия, да и увеличение учебных часов на занятия физкультурой также имеет своей целью поддержание здоровья учеников. План воспитательной работы учреждения содержит объемный блок, посвященный программам и мероприятиям по сбережению здоровья детей. Но насколько усилия школы в этом направлении учитываются родителями? Как оказалось, для многих из них связь между такими характеристиками, как здоровье ребенка и школа, не столь очевидна. Так, 48,3 % опрошенных респондентов сказали, что школа существенного влияния на здоровье детей не оказывает. А у почти 20,0 % родителей вопрос об оценке влияния школы на здоровье их ребенка вызвал скорее недоумение, и они предпочли не давать содержательного ответа, выбрав вариант «Затрудняюсь ответить». Лишь четвертая часть опрошенных (25,8 %) сказали про положительное влияние, а 6,3 % утверждают, что школа на здоровье ребенка влияет отрицательно. Складывается удивительная ситуация, когда ОУ прилагает максимальные усилия для оздоровления детей, но родители при этом никак не связывают здоровье школьников с учреждением, где они учатся. Родители не склонны видеть в школе организацию, которая бы оздоравливала ребенка, к ней у них совсем иные запросы, и связаны они прежде всего с тем, что она должна дать знания и возможность для поступления в вуз, а обеспечение положительного влияния на здоровье детей можно отнести к второстепенным для образовательного учреждения задачам.

В силу особенностей своей жизни учащиеся значительную часть дня проводят в школе, общаются с большим количеством сверстников, ребятами постарше, педагогами, и процесс взаимодействия не всегда проходит без конфликтов, ребенок может чувствовать

дискомфорт. Задача школы (безусловно, среди многих других) – сделать его пребывание в своих стенах как можно более психологически комфортным, и, судя по полученным ответам родителей, школе по большей части это удается. Подавляющее большинство родителей дают положительные ответы на вопрос «Насколько вашему ребенку психологически комфортно в школе?». Так, 42,2 % выбрали вариант «Вполне комфортно», а еще 42,5 % – «Скорее комфортно, чем нет». Но в выборочной совокупности есть и те, кто психологический климат в образовательном учреждении склонен оценивать негативно. Да, их не так много (4,3 %), но вряд ли их точкой зрения можно пренебречь. Очевидно, что у штатных психологов школы сегодня есть поле для активной работы.

Отношение детей к школе и информированность родителей о различных сторонах жизни ребенка. Анализ данных табл. 2 говорит о том, что работы в школе много не только для психолога, активность должен проявлять и социальный педагог, например, уточняя причины конфликтных ситуаций или выясняя основания желания ребенка перевестись в другую школу. Учебная часть, классные руководители должны стремиться найти ответ на вопрос, почему юноша или девушка приходит на уроки без желания. Есть большой пласт работы и для педагога-организатора с целью вовлечения как можно большего количества учеников в школьные мероприятия, что позволило бы сделать жизнь детей насыщенней и интересней. В целом зафиксирован положительный тон родительских ответов, которые по большей части говорят о том, что дети позитивно оценивают школу. Так, они идут туда чаще с интересом и радостью, там у них много друзей, рассказывают о школе больше хорошее, нежели плохое. Тем не менее этот социальный организм, конечно, неидеален. Очевидно, что если бы ситуация была иной, школа не стала бы объектом научного интереса сотен, если не тысяч, ученых и специалистов разных областей знания. Думается, что объяснить причины ряда негативных оценок, которые дети транслируют через своих родителей, должны в том числе и ученые. Накопленный ими исследовательский материал мог бы послужить цели решения большого количества насущных проблем, стоящих перед современной российской школой.

Таблица 2. Как вы могли бы охарактеризовать отношение вашего ребенка к школе?
Table 2. How would you describe your child's attitude towards school?

Характеристики отношения ребенка к школе	**Количество ответов, %**
Ходит в школу обычно с радостью и интересом	48,7
Имеет много школьных друзей	43,5
Рассказывает о школе часто, в основном хорошее	41,2
Ходит в школу по необходимости, без желания	30,6
Ребенку нравятся внеурочные мероприятия, часто рассказывает о них	27,1
Предпочитает не участвовать ни в каких школьных мероприятиях	11,7
Чаще рассказывает о школе в негативных выражениях	9,3
Часто жалуется на конфликты со сверстниками	4,8
Просит перевести в другую школу	2,9

В дополнение к теме скажем, что проведенный двумерный анализ данных показал, что вне зависимости от типа учреждения (лицей, ОУ с углубленным изучением отдельных предметов или общеобразовательная школа) примерно равное количество респондентов в каждом из них сообщили, что их дети ходят в школу без желания, по необходимости (в среднем по 13,0 %), еще по 5,0 % родителей признались, что дети рассказывают о школе в

негативных выражениях, около 2,0 % сообщили о наличии у их ребенка конфликтов со сверстниками. Таким образом, можем сделать некоторый предварительный вывод (который, конечно, требует своей дальнейшей научной верификации) о том, что тип учреждения вряд ли оказывает серьезное влияние на отношение ребенка к школе.

Что знают и о чем не так хорошо осведомлены родители, когда речь заходит о различных сторонах жизни их детей? Ответ многих из них может быть довольно категоричным: «О своем ребенке я знаю абсолютно всё». Однако как показывают результаты опроса, подобные утверждения свойственны далеко не всем. Может показаться, что школа находится буквально под пристальным родительским контролем, это утверждение справедливо, но лишь отчасти. Так, 20,6 % респондентов не имеют достаточной информации об отношениях ребенка с учителями, столько же плохо осведомлены о его друзьях и знакомых. Родители оказываются мало информированы и о положении дел в классе, а 3,0 % совсем ничего не знают об этом. Для четверти опрошенных трудности ребенка в школе оказываются за рамками повседневных интересов. При высокой оценке родителями системы дополнительного образования в школе оказывается, что им важен сам факт ее посещения, а вот об успехах школьника и его достижениях в кружках и секциях они знают мало. Вероятно, что если бы информированность о различных сторонах жизни ребенка в ОУ была всесторонней, то, вероятно, положительная оценка школы не была бы столь убедительной и хор положительных оценок ее работы был бы значительно меньше.

Подобный вывод отчасти находит свое подтверждение в высказываниях родителей, полученных коллективом исследовательского проекта «Родители как субъекты образовательной политики школы» в ходе проведения серии фокус-групп в феврале 2020 г. Заявления родителей о всесторонней информированности о жизни своего ребенка в школе и за ее пределами являются не более чем декларациями. Действительность оказывается более суровой. Так, родители могут не знать полного имени-отчества классного руководителя, путать класс, в котором учится ребенок, не иметь никакого представления о действующем родительском комитете, а до четверти наших информантов к четвертому классу лишь несколько раз заглянули в электронный дневник на портале «Петербургское образование».

Заключение. Опираясь на полученные результаты проведенных опросов в родительской среде, можно сделать следующие предварительные выводы:

• При существующих очевидных сложностях по линии взаимодействия «школа–родители» последние в целом подтверждают серьезный кредит доверия большей части средних образовательных учреждений Санкт-Петербурга вне зависимости от их типа (обычная общеобразовательная школа, школа с углубленным изучением разных предметов, гимназия и лицей). Кроме этого, родительским сообществом транслируются положительные оценки учеников относительно комфортности психологического климата школы.

• Ряд сторон жизни ребенка в школе оказывается вне поля зрения родителей. Так, их интерес может быть сосредоточен на внешних моментах (посещение ребенком какого-либо кружка) в ущерб вниманию содержанию деятельности, в которую ребенок вовлечен. До четверти всех опрошенных респондентов показывают слабую информированность об отношениях ребенка с учителями, положении дел в классе, о круге его друзей и знакомых.

• Обращение образовательных учреждений с исследовательскими вопросами к родителям может дать школам возможность четче уловить существующие в этой среде настро-

ения и предпочтения и дает шанс сгладить или устранить существующие или потенциальные конфликтные ситуации. Дополнительно отметим, что опросы, интервьюирование представителей родительского сообщества могут являться основанием для принятия администрацией грамотных управленческих решений и в целом – для совершенствования многих сфер деятельности школы.

• Законодательное совершенствование статуса родителей как новых субъектов образовательной политики школы дает возможность развивать систему независимой оценки качества в рамках не только каких-то отдельных учреждений, но и российской системы школьного образования в целом.

В заключение скажем, что автор не настаивает на однозначной верности высказанных суждений. Объем полученных данных – как в ходе опросов, так и при проведении фокус-групп – может дать коллективу упомянутого выше исследовательского проекта возможность лучше понять поведение родителей, объяснить их отношение к школе, дать характеристику их вовлеченности в учебный процесс и в итоге показать их роль как субъектов образовательной политики школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/60fe09c87bb91e8dc7f6b7bd271f0a70597bdd28/ (дата обращения: 03.04.2020).

2. Модель Санкт-Петербургской региональной системы оценки качества образования // Петербургское образование. 2020. URL: https://petersburgedu.ru/content/view/category/413/ (дата обращения: 04.04.2020).

3. Родители и школа – партнеры / А. В. Бояринцева, А. В. Иванов, Н. Б. Крылова и др. // Новые ценности образования. 2004. № 1 (16). С. 12–21.

4. Власова Т. А., Макарова М. Н. Как родители включены во внутришкольные формы взаимодействия? // Журн. социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX, № 2. С. 74–87.

5. Заславская О. В., Сальникова О. Е., Кожурова О. Ю. Социальное партнерство семьи и школы в сфере воспитания: векторы взаимодействия // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 786–790.

6. Эрлих О. В. Взаимодействие семьи и школы в новых социально-педагогических условиях // Человек и образование. 2017. № 2 (51). С. 34–37.

7. Максимцова Т. А., Лебедева Л. Ю. Дополнительное образование детей в Санкт-Петербурге в оценках родителей // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5 (60). С. 149–152.

8. Яшина М. Н. Показатели доступности качественного образования в школах Санкт-Петербурга // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 4. С. 58–61. DOI: 10.20339/AM.04-19.058.

9. Конюхова К. Учебная нагрузка школьников // Газ. Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/obrazovanie/uchebnaya-nagruzka-shkolnikov/ (дата обращения: 07.04.2020).

Информация об авторе.

Белоусов Константин Юрьевич – кандидат социологических наук (2003), доцент кафедры социально-педагогических измерений Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, ул. Ломоносова, д. 11–13, Санкт-Петербург, 191002, Россия. Автор 48 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, социально-педагогические измерения. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0663-3717. E-mail: beloysovkonstantin@gmail.com.

REFERENCES

1. *Federal'nyj zakon RF ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii»* [Federal Law of the Russian Federation of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation"] (2020), *Konsul'tant Plyus*, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/60fe09c87bb91e8dc7f6b7bd271f0a70597bdd28/ (accessed 03.04.2020).

2. *Model' Sankt-Peterburgskoi regional'noi sistemy otsenki kachestva obrazovaniya* [Model of the St Petersburg Regional Education Quality Assessment System], Peterburgskoe obrazovanie, (2020), available at: https://petersburgedu.ru/content/view/category/413/ (accessed 04.04.2020).

3. Boyarintseva, A.V., Ivanov, A.V., Krylova, N.B., Osinovskii, M.N. and Frolova, T.V. (2004), "Parents and school partners", *Novye tsennosti obrazovaniya* [New values of education], no. 1 (16), pp. 12–21.

4. Vlasova, T.A. and Makarova, M.N. (2016), "How Parents are Involved in Schooling Interactions?", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XIX, no. 2, pp. 74–87.

5. Zaslavskaja, O.V., Salnikova, O.E. and Kozhurova, O.Ju. (2012), "Social partnership of the family and the school in the education sphere: possible ways of development", *Izvestia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*, no. 28, pp. 786–790.

6. Erlikh, O.V. (2017), "Interaction of family and school in new social and pedagogical conditions", *Man and Education*, no. 2 (51), pp. 34–37.

7. Maksimtsova, T.A. and Lebedeva, L.Yu. (2016), "Parent estimation of system of extracurricular education for children in St. Petersburg", *The world of science, culture and education*, no. 5 (60), pp. 149–152.

8. Yashina, M.N. (2019), "Indicators of availability of quality education in schools of St Petersburg", *Alma Mater (Higher School Herald*), no. 4, pp. 58–61. DOI: 10.20339/AM.04-19.058.

9. Konyukhova, K., *Uchebnaya nagruzka shkol'nikov* [Study load of schoolchildren], *KP*, available at: https://www.kp.ru/putevoditel/obrazovanie/uchebnaya-nagruzka-shkolnikov/ (accessed 07.04.2020).

Information about the author.

Konstantin Yu. Belousov – Can. Sci. (Sociology) (2003), Associate Professor at the Department of Social and Pedagogical Measurements, Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, 11–13 Lomonosova str., St Petersburg 191002, Russia. The author of 48 scientific publications. Areas of expertise: sociology of education, socio-pedagogical measurement. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0663-3717. E-mail: beloysovkonstantin@gmail.com.

УДК 316.014 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-51-61
Оригинальная статья / Original paper

Актуальность идей Э. Фромма о здоровом обществе в 2020 году

Е. А. Пашковский✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉egn-pashkovsky@rambler.ru

Введение. В статье рассматриваются идеи Э. Фромма о психическом здоровье человека, его социальных потребностях и обществе, способствующем и одновременно препятствующем максимальному раскрытию потенциала человека в соответствии с его природой. В противовес социологическому релятивизму Фромм обосновывает позицию нормативного гуманизма, согласно которой, исследуя пути человека к счастью, следует анализировать прежде всего психическое здоровье общества, а не человека, рассматривать, насколько тот или иной социальный строй способствует продуктивному решению стоящих перед человеком задач. Целью статьи является оценка степени актуальности идей Фромма о здоровом обществе в 2020 г. в соответствии с реалиями современности. Научная новизна определяется малым количеством аналогичных исследований в современной российской социологии.

Методология и источники. В статье используется предложенный Фроммом подход нормативного гуманизма, описанный им в работах «Здоровое общество», «Искусство любить» и др. Также применяются психоанализ, социально-психологические традиции бихевиоризма и когнитивизма.

Результаты и обсуждение. Человек, по Фромму, обладает двойственной природой: он уже не животное, и даже для полноценного психического здоровья, а тем более для ощущений самореализации и счастья, ему недостаточно лишь удовлетворять биологические потребности, следуя инстинктам. Потеряв гармонию с природой и при этом оставаясь ее частью, получив разум и осознание собственной жизни, он обретает вместе с тем и необходимость разрешать противоречия своего существования. В них выражаются основные социальные потребности, которые могут быть решены более или менее продуктивным способом: приобщенность в противовес нарциссизму, преодоление и созидательность в противовес разрушительности, укорененность и братство в противовес кровосмешению, чувство тождественности и индивидуальность в противовес стадному конформизму, потребность в системе ориентации: разум в противовес иррациональности.

В современном Фромму западном обществе рыночный капитализм все больше проникает в повседневные отношения между людьми, формируя ориентации на непродуктивное решение проблемы человеческого существования. В современном обществе эта тенденция не ослабевает, таким образом, выводы и рекомендации Фромма становятся не менее актуальными, чем несколько десятилетий тому назад.

Заключение. Современное общество ввиду широкого распространения Интернета и социальных сетей, развития массовых социальных движений с радикальными взглядами на повседневность, укрепляющих агрессивную манеру общения, сохранения ранее существовавших противоречий между представителями национальных и других групп способствует поддержанию «рыночного» подхода к человеческим

© Пашковский Е. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

отношениям. В таких условиях раскрытие потенциала человека в соответствии с его природой затруднено, тем не менее каждый имеет возможность, критически относясь к социальным стереотипам и осваивая искусство мыслить действительно рационально, стремиться к счастью.

Ключевые слова: здоровое общество, психическое здоровье, нормативный гуманизм, социальные потребности.

Для цитирования: Пашковский Е. А. Актуальность идей Э. Фромма о здоровом обществе в 2020 году // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 51–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-51-61

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 02.09.2020; принята после рецензирования 24.09.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

The Relevance of E. Fromm's Ideas about Sane Society in 2020

Evgeny A. Pashkovsky✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉egn-pashkovsky@rambler.ru

Introduction. The paper discusses E. Fromm's ideas about human mental health, his social needs and society, which promotes and at the same time prevents the maximum disclosure of a person's potential in accordance with his or her nature. In contrast to sociological relativism, Fromm substantiates the position of normative humanism, according to which, when examining a person's paths to happiness, one should analyze, first of all, the mental health of society, and not a person, consider how a particular social system contributes to the productive solution of the problems facing a person. The purpose of the paper is to assess the degree of relevance of Fromm's ideas about a healthy society in 2020 in accordance with the realities of our time. Scientific novelty is determined by the small number of similar studies in contemporary Russian sociology.

Methodology and sources. The paper uses the approach of normative humanism proposed by Fromm. Psychoanalysis, socio-psychological traditions of behaviorism and cognitivism are also used.

Results and discussion. A human, according to Fromm, has a dual nature: he or her is no longer an animal, and even for full mental health, and even more so, for feelings of self-realization and happiness, it is not enough for him or her to just satisfy biological needs, following instincts. Having lost harmony with nature and at the same time remaining a part of it, having received reason and awareness of his or her own life, he or she at the same time acquires the need to resolve the contradictions of the existence. They express basic social needs that can be addressed in a more or less productive way: involvement as opposed to narcissism, overcoming and creativity as opposed to destructiveness, rootedness and brotherhood as opposed to incest, a sense of identity and individuality as opposed to herd conformism, the need for an orientation system: reason versus irrationality.

In modern Fromm's Western society, market capitalism is increasingly penetrating into everyday relations between people, forming orientations towards an unproductive solution to the problem of human existence. In modern society, this trend continues unabated, making Fromm's conclusions and recommendations no less relevant than a few decades ago.

Conclusion. Due to the widespread use of the Internet and social networks, the development of mass social movements with radical views on everyday life, strengthening the aggressive manner of communication, the preservation of pre-existing contradictions

between representatives of national and other groups, modern society contributes to maintaining a “market” approach to human relations. Under such conditions, the disclosure of a person's potential in accordance with his or her nature is difficult, nevertheless, everyone has the opportunity, critically referring to social stereotypes, and mastering the art of thinking really rationally, to strive for happiness.

Key words: sane society, mental health, normative humanism, social needs.

For citation: Pashkovsky E. A. The Relevance of E. Fromm's Ideas about Sane Society in 2020. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 51–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-51-61 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 02.09.2020; adopted after review 24.09.2020; published online 25.11.2020

Введение. Термин «психическое здоровье», как правило, применяют к индивиду, а не к обществу. Знаменитый немецкий социолог Эрих Фромм в середине XX в. выдвинул гипотезу о том, что источником психических патологий людей может быть общество, и в таком случае каждое общество можно рассматривать как более или менее здоровое и нормальное с точки зрения его соответствия природе человека, а не наоборот. На наш взгляд, идеи Э. Фромма не потеряли актуальности в 2020 г. Цель данной статьи – проанализировав некоторые идеи социолога о здоровом обществе, дать точный ответ на этот вопрос.

В своих работах Э. Фромм подчеркивает, что рассуждения о здоровом обществе невозможны, если следовать позиции социологического релятивизма, согласно которой любое общество является нормальным постольку, поскольку оно функционирует, а носителями патологий могут быть только отдельные индивиды, которые недостаточно приспособлены к этому обществу. В качестве альтернативы социологическому релятивизму социолог обосновывает подход нормативного гуманизма, заключающийся в следующем.

Помимо биологической природы, человек обладает рядом социальных потребностей, которые являются неизменными на протяжении всей истории человека и общества. Менялись лишь способы удовлетворения этих потребностей, главная из которых – решение проблемы человеческого существования. Одни способы решения этой проблемы ведут человека к счастью и удовлетворенности жизнью, другие – к фрустрациям и разочарованиям, несмотря на то, что иногда позволяют человеку сохранить душевное здоровье. Тот или иной общественный строй определяет, каким именно из желаний человека следует возобладать, и способствует таким образом определенному варианту решения им проблемы человеческого существования. Согласно Э. Фромму, «какими бы ни представали люди в каждой данной культуре, они всегда суть яркое выражение человеческого естества, но такое выражение, спецификой которого, однако, является его зависимость от социальных законов жизни данного общества» [1, с. 17]. При этом как самые варварские, так и самые утонченные культуры решают одну и ту же задачу: создать стандартизированную схему, которая поможет человеку разрешить базовые проблемы его существования. Различие состоит только в том, лучше или хуже их решение.

Фромм предлагает различать ущербность как индивидуальную патологию человека, когда он не может достичь спонтанности и подлинного самовыражения; и невроз – как социально заданную ущербность, в случае если большинство членов данного общества не достигает целей в связи с тем, что общество так или иначе способствует их ограничению,

а индивид, соответственно, принимается окружающими, поскольку следует социальным нормам общества.

Среди социальных психологов распространено убеждение, что психологическая природа человека всегда отличается от общепринятых ожиданий общества. Таким образом, можно заключить, что в зависимости от каждого конкретного социального строя возможность открыто и полноценно проявлять себя для каждого человека будет выражена более или менее. Фромм выдвигает гипотезу о том, что современное ему западное общество характеризуется патологией нормальности. Работы «Бегство от свободы», «Здоровое общество» и «Искусство любить», идеи которых стали предметом рассмотрения в настоящей статье, были написаны в 1941, 1955 и 1956 гг. соответствено. Следуя фроммовскому подходу нормативного гуманизма, мы проанализируем, в какой степени обладает патологией нормальности современное нам общество.

Методология и источники. В работе анализируются идеи Э. Фромма с использованием его концепции нормативного гуманизма. Также привлекаются к рассмотрению психоанализ, социально-психологические традиции бихевиоризма и когнитивизма.

Результаты и обсуждение. Раскроем более подробно, в чем Э. Фромм видит основную проблему человеческого существования. Человек, в отличие от животного, оказался в ситуации, когда удовлетворение лишь биологических потребностей не приносит ему ощущения полноценной жизни. Самосознание, разум и воображение разрушили гармонию, свойственную животному существованию. Их появление превратило человека в аномалию, в причуду мироздания. Человек – часть природы, он подчинен ее физическим законам и не может изменить их, тем не менее он выше остальной природы. Будучи частью целого, человек не может отделиться от него. Он никогда не бывает свободен от двойственности своего существования: он не может освободиться ни от разума, осознания себя, ни от своего тела. Разум заставляет человека постоянно решать проблему своего существования. Утратив единство с природой, человек не приобрел нового способа существования вне ее. Человек никогда, таким образом, не бывает свободен от двух противоборствующих стремлений. Одно из них направлено на освобождение из материнского лона, на переход от животного образа жизни к очеловеченному существованию, от зависимости – к свободе. Другое нацелено на возвращение в утробу матери, к природе, определенности и безопасности. Взамен утраченной гармонии животного с природой человек ищет новую гармонию, и этот поиск находит отражение во всех его социальных потребностях. Фромм выделяет несколько потребностей человека, вытекающих из условий его существования, и анализирует более и менее продуктивные способы удовлетворения каждой из них.

1. Приобщенность в противовес нарциссизму. Взамен связей животных со своими собратьями, регулирующихся инстинктами, человек вынужден искать новые. Фромм выделяет несколько путей такого единения с миром: подчинение отдельной личности, группе, организации или Богу и ощущение чувства тождественности в результате; попытка получить власть над группой или другим человеком, превращая их в часть самого себя. Однако человек, движимый одним из этих стремлений, становится в результате зависимым от других людей. В качестве эффективного пути обретения тождественности социолог предлагает любовь – «объединение с кем-либо или чем-либо вне самого себя при условии сохранения обособленности и целостности своего собственного Я. Это переживание причастно-

сти и общности, позволяющее человеку полностью развернуть свою внутреннюю активность» [1, с. 42]. Причем важен не конкретный объект любви, а сама способность ее испытать (по Фромму, если я люблю только одного человека, а к остальным отношусь холодно, речь, скорее всего, и идет о симбиозе – взаимозависимом существовании). В таком случае она будет проявляться и к людям в целом, и в любви матери к ребенку, между мужчиной и женщиной, и даже в любви к самому себе. Последняя противоположна эгоизму, который представляет собой всепоглощающую сосредоточенность на самом себе, возникающую вследствие недостатка любви к себе и служащую средством ее замены. В норме такая ориентация характерна для детей до 7–8 лет, которые воспринимают окружающий мир и других людей как средства удовлетворения своих потребностей. Взрослеющий ребенок со временем начинает осознавать, что потребности другого человека так же важны, как и его собственные. На этой основе он обретает способность полюбить другого человека или людей и приобщиться таким образом к окружающему миру. Однако рудименты нарциссической ориентации ребенка часто могут сохраняться и у взрослого человека. Чем более это так, тем менее взрослый переживает и воспринимает внешний мир объективно и более «уходит в себя», подменяет реальность миром собственных мыслей и чувств. Такая ориентация является основой многих расстройств психики человека.

2. Преодоление и созидательность в противовес разрушительности. «Человек может творить, выращивая растения, производя материальные вещи, создавая предметы искусства, генерируя идеи, любя друг друга» [1, с. 49]. В акте творчества человек поднимается над пассивностью своего существования, вступает на путь целеустремленности и свободы. Неэффективным способом преодоления ограниченности своего существования является разрушение. Стремления к созиданию и разрушению являются естественными для человека и носят взаимозаменяемый характер. Однако созидание ведет к счастью, а разрушение – к страданиям как окружающих (в различных масштабах, в зависимости от социальных статусов человека), так и самого разрушителя.

3. Укорененность и братство в противовес кровосмешению. Кровосмешение для маленького ребенка проявляется в тесной связи с матерью, которая дает ему ощущение безопасности и укорененности. При нормальном развитии с взрослением человек отдаляется от матери, но потребность в укорененности остается актуальной. Попытками удовлетворить ее является принадлежность к общине, государству, нации или церкви, служащая, по ощущениям человека, ему духовной опорой. Человек ощущает себя частью целого, формируется чувство «мы». Однако такое отношение всегда связано с неприятием тех, кто не относится к «нам» – другим нациям, государствам, последователям других религий. Наиболее прогрессивные государства в разные эпохи способствовали формированию у человека чувства братства – в противовес такому неудовлетворительному способу решения проблемы ухода от кровосмесительной связи с матерью. Согласно Фромму, «человек обретет новую, очеловеченную форму укорененности и превратит свой мир в подлинно человеческий дом лишь тогда, когда он преуспеет в развитии своего разума и любви больше, чем это удавалось ему до сих пор, сможет построить мир, основанный на человеческой солидарности и справедливости, ощутит, что уходит своими корнями в опыт всеобщего братства» [1, с. 81].

4. Чувство тождественности и индивидуальность в противовес стадному конформизму. Поскольку человек утратил изначальное единство с природой и вынужден принимать решения, осознает себя и своего ближнего как разных людей, постольку он должен обладать способностью почувствовать себя субъектом своих действий. В традиционном обществе это достигалось в основном за счет отождествления со своей социальной ролью в феодальной иерархии. Свое положение изменить было почти невозможно, понимание этого обстоятельства способствовало формированию у человека чувства тождественности. Вызревание индустриального строя в ряде стран Западной Европы, казалось бы, должно было избавить индивида от авторитарного давления и дать ему возможность в еще большей полноте почувствовать собственное Я, себя как субъекта активных действий. Однако, по Фромму, такого переживания достигло меньшинство, а для большинства людей идеология индивидуализма оказалась лишь фасадом, за которым скрывалась неспособность достичь подлинно индивидуального чувства самотождественности. Вместо доиндивидуалистической клановой идентичности развилась «новая стадная идентичность, в которой чувство тождественности покоится на чувстве безусловной принадлежности к толпе» [1, с. 85].

5. Потребность в системе ориентации и потребность в поклонении: разум в противовес иррациональности. По Фромму, она существует на двух уровнях: во-первых, как потребность в какой-нибудь системе ориентации, необязательно отражающей реальность, – это условие психического здоровья человека; во-вторых, как потребность в объективном постижении окружающего мира при помощи разума. Она является обязательным условием счастья, но необязательным для душевного здоровья. Поэтому многие люди подменяют реальность рационализациями, так или иначе объясняя себе все события, происходящие с ними. На ранних стадиях развития общества рационализация (следование религиозным ритуалам) была единственным возможным, ввиду отсутствия у людей достаточного количества знаний, и социально заданным способом решения этой потребности. Современный мир дает человеку больше возможностей выбора.

Понятие психического здоровья в концепции Фромма едино для всех времен и всех культур. Оно подразумевает «уважение к жизни других и своей собственной» [2, с. 544], характеризуется способностью к любви и созиданию, освобождением от кровосмесительной привязанности к роду и земле, чувством тождественности, основанным на переживании своего Я в качестве субъекта и реализатора собственных способностей, осознанием реальности вне нас и в нас самих, т. е. развитием объективности и разума. Поскольку, согласно подходу Фромма, психическое здоровье нельзя определять через приспособление индивида к обществу, в котором он живет, и, более того, его следует определять с точки зрения приспособления общества к потребностям человека, здоровое общество определяется Фроммом как развивающее способность человека любить людей, стимулирующее созидательный труд, развитие разума, объективности, обретение чувства собственного Я, основанного на ощущении своих творческих сил. А нездоровое общество «порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации, лишает его чувства Я, сохраняющегося лишь в той мере, в какой человек подчиняется другим или становится автоматом» [3, с. 99]. При этом Фромм отмечает, что «общество может выполнять обе функции: и способствовать здоровому развитию человека, и препятствовать ему. Практически в большинстве случаев оно делает и то и другое; вопрос заключается

только в том, каковы степень и направленность положительного и отрицательного влияний» [3, с. 99].

Чтобы более точно ответить на вопрос о том, насколько современное общество способствует укреплению психического здоровья человека в русле теории Фромма, необходимо сначала проанализировать отношение социолога к аналогичной ситуации в современном ему западном обществе.

Как мы уже отмечали, важнейшими способами решения человеком трудностей при реализации социальных потребностей, по Фромму, являются любовь и способность любить. Глядя на современный социологу западный мир, по его мнению, невозможно усомниться в том, что любовь является здесь достаточно редким феноменом, и ее место заняло множество форм псевдолюбви, являющихся в действительности формами распада и деградации любви. Такое положение дел он связывает прежде всего с рыночными отношениями, лежащими в основе экономической системы западного общества. Перечислим основные идеи социолога, выдвигаемые в подтверждение этого тезиса.

В западном обществе принят специфический способ организации труда, основанный на чрезвычайно высокой централизации предприятий с радикальным разделением труда, в результате чего индивид «становится расходным материалом для машины» [3, с. 144] и теряет свою индивидуальность. «Современному капитализму требуется, чтобы все большие массы людей могли трудиться без помех и сбоев и стремились ко все большему и большему потреблению; их вкусы должны быть стандартизированными и потому легко прогнозируемыми и направляемыми. Капиталу требуются люди, ощущающие себя свободными и независимыми, не подчиненными какому-либо авторитету, принципу или вероисповеданию, – и при этом готовые выполнять команды, делать то, что от них ожидается, легко включаться в работу социального механизма. Ему нужны те, кем можно управлять без принуждения, кого можно направлять без лидеров, понуждать двигаться без видимой цели, а главное – не переставая что-нибудь производить, быть на ногах, функционировать, не останавливаться» [3, с. 145]. В результате человек воспринимает себя как товар, а свои жизненные силы – как вклад, который должен принести ему максимальный доход. В такой ситуации человеческие отношения становятся отчужденными и автоматическими, люди стараются не отличаться друг от друга своими мыслями, чувствами и поведением. Что, не соответствуя истинным потребностям человека, приводит его к одиночеству, чувству неуверенности и тревоге. При этом Фромм отмечает, что «наша цивилизация предлагает многочисленные паллиативы, помогающие людям не осознавать своего одиночества: в первую очередь это жесткая рутина бюрократизированной механической работы, позволяющая человеку игнорировать свои самые основные человеческие желания – жажду преодоления барьеров и соединения с себе подобными» [3, с. 146]. А поскольку этого недостаточно, человек прибегает к пассивным развлечениям, которые общество также предлагает ему в большом объеме: кино, популярная музыка, получение удовлетворения от приобретения новых вещей, потребления пищи, напитков, сигарет и пр. Таким образом, у человека формируется «рыночный характер», который ориентирован на то, чтобы продавать и получать, обмениваться и потреблять.

Безусловно, такой характер влияет на все отношения человека с окружающими, в том числе с близкими людьми. Фромм отмечает, что, например, отношения между супругами

в семье становятся похожими на хорошо отлаженную схему взаимодействия наемных работников на предприятии: каждый из них должен быть независимым, толерантным, а также амбициозным и агрессивным. Однако отношения такого рода (основанные на обмене «личными наборами качеств») между близкими людьми сводятся к хорошо отрегулированному взаимодействию, по ходу которого люди остаются чужими друг другу на протяжении всей жизни.

По мнению ряда ученых, современное общество не сильно отличается от описанного Фроммом. Согласно мнению И. Л. Станиславовой, «идеи о здоровом обществе и здоровом человеке, высказанные достаточно подробно и основательно Э. Фроммом в его многочисленных трудах, к большому сожалению, не нашли пока должного понимания и места в нашей действительности» [4]. Более того, некоторые особенности современного общества лишь усиливают тенденции и опасения, сформулированные социологом в середине XX в.

Так, по мнению А. В. Курпатова, страница современного человека в социальной сети является новым элементом фроммовского рынка [5, с. 163]. Жизнь человека, поскольку имеет отражение на его странице в социальной сети, превратилась в некую витрину. Стараясь сделать более заметными свои достоинства, люди стремятся выглядеть в отражении социальных сетей максимально привлекательно, иногда «лучше, чем они есть на самом деле» [5, с. 163]. Таким образом, анализируя свой профиль в социальной сети, человек часто начинает переоценивать себя. Если он при этом чувствует неудовлетворение части своих потребностей (а такое ощущение сопровождает нас в той или иной мере всегда), то ему начинает казаться, что жизнь к нему несправедлива, от чего неудовлетворенность только растет, а сам человек удаляется от рационального анализа своих трудностей.

Что касается паллиативов, предлагаемых цивилизацией и способствующих уходу от осознания одиночества, то их количество в цифровую эпоху выросло многократно. «День современного человека начинается с того, что он молитвенно прикладывается к мобильному телефону – пропущенные сообщения, уведомления, почта, новостная лента. Впрочем, с этого момента он уже с ним и не расстается до самого отбоя» [6, с. 21]. Трудно не согласиться и с тем, что «ограничение интернета, отсутствие связи и wi-fi воспринимаются современным человеком как ограничение свободы, как наказание по приговору суда…» [6, с. 21].

Анализ условий, сложившихся в современном обществе для удовлетворения социальных потребностей человека более или менее здоровым образом, приводит к следующим выводам.

Как мы уже выяснили, «рыночный» подход к повседневным отношениям между людьми никуда не исчез, а, скорее, получает все большее распространение. Ожидания «лайков» в социальных сетях способствуют укреплению нарциссической ориентации, особенно у молодых людей, вся сознательная жизнь которых проходит с участием новых технологий. Такое общество, соответственно, не способствует решению проблемы единения с миром через любовь к себе и, впоследствии, к окружающим, а скорее формирует ориентированность на менее продуктивные способы решения этой проблемы, такие как подчинение или получение власти над другим человеком, формирование взаимозависимых отношений.

Предпосылок для формирования чувства братства в современном обществе, на наш взгляд, также немного. Средства массовой информации систематически оповещают о крупных скандалах, движимых или, скорее, подогреваемых агрессивным поведением пред-

ставителей одной большой социальной группы по отношению к членам другой. Человек по-прежнему и с новыми силами ищет укорененности не через солидарность, а идентифицируя себя со своей нацией, расой, предпочитаемым набором ценностных ориентаций. Появляется много новых социальных движений, выполняющих ту же функцию, как то: бодипозитив, веганство, ряд экологических движений, движений в поддержку представителей ЛГБТ-сообщества (отметим, что автор статьи не является противником или поклонником данных движений, а отмечает их влияние на поиск современным человеком скорее принадлежности группе и, следовательно, противостоянию другим группам, чем укорененности через братство и солидарность с людьми в целом).

Причем в современном обществе люди, считающие себя последователями того или иного движения, благодаря бурному развитию средств массовой коммуникации еще более настойчиво, чем во времена Фромма, противопоставляют себя группам «они». Периодически между «мы» и «они» происходят массовые формальные акции примирения, как в США летом 2020 г., когда после погромов афроамериканцев, спровоцированных убийством полицейским Д. Шовином охранника Дж. Флойда, массово по всей стране совершался ритуал – люди с белым цветом кожи вставали на колени перед людьми с черным цветом кожи (автор статьи ни в коем случае не является противником данного ритуала и, более того, оценивает его как действенный способ ухода от критической ситуации, но не более). Однако на наш взгляд, в сознании и повседневной жизни человека любое акцентирование внимания на том, что я отношусь к одной группе, а он или она – к другой, вне зависимости от заданного социальными нормами или трендами, требованиями правительств или руководителей предприятий эмоционального посыла этих действий, укрепляет неспособность человека к принятию других людей независимо от их черт и принадлежности к той или иной группе и отдаляет человека от здоровой, по Фромму, укорененности через ощущение братства. Если я действительно хочу быть солидарным с людьми в целом, то я должен уделять внимание не тому, что нас отличает, а тому, что нас связывает друг с другом и чем мы похожи.

Что касается объективного постижения окружающего мира при помощи разума как лучшего решения потребности в системе ориентации, то эта способность, на наш взгляд, развивается в большей степени вне зависимости от социального строя самим человеком. Стремление к рационализациям в противовес по-настоящему рациональному мышлению является частью человеческой природы (Фрейд), особенностью формирования базового психического здоровья. Мыслить действительно рационально, освободившись от влияния годами сформированных стереотипов, – это искусство, которое, как и любое другое, можно освоить лишь путем долгих, целенаправленных и осознанных практик.

Еще в 1955 г. Э. Фромм писал: «Сегодня человек стоит перед самым главным выбором: это выбор <…> между роботизмом <…> и гуманистическим коммунитарным социализмом. Множество фактов свидетельствует о том, что человек, по-видимому, выбирает роботизм, а это означает в конечном итоге безумие и разрушение. Однако все эти факты недостаточно убедительны, чтобы разрушить веру в человеческий разум, добрую волю и здравомыслие» [1, с. 494].

Заключение. Идеи социолога Э. Фромма о здоровом обществе, приведенные им в работах «Здоровое общество», «Искусство любить» и других в середине XX в., основываются на позиции нормативного гуманизма, согласно которой природа человека неизменна вне

зависимости от эволюции общества, и он обладает возможностью полностью раскрыть свой потенциал в соответствии со своей природой. Человек обладает большим количеством потребностей и страстей, часть которых ведет к ощущению счастья и здоровью, другие – к болезням и несчастью. Общество, одобряя те или иные способы решения проблемы человеческого существования, отчасти способствует, отчасти препятствует достижению людьми психического здоровья. Современное Фромму общество, построенное на идеях рынка, где отношения между людьми строятся на основе обмена ресурсами, мало способствует раскрытию истинного потенциала человека в соответствии с его природой и превращает его в автомат. Идеи Фромма не потеряли, но и в какой-то степени приобрели новую актуальность к 2020 г.: рыночная организация социальных отношений продолжает существовать, чему способствуют Интернет и социальные сети, другие средства массовой коммуникации, а также развитие массовых социальных движений с радикальными взглядами на повседневность, укрепляющих агрессивную манеру общения, сохранение ранее существовавших противоречий между представителями национальных и других групп. Тем не менее автор данной статьи вслед за Э. Фроммом сохраняет веру в человечество и человеческий разум.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фромм Э. Здоровое общество / пер. с англ. Т. Банкетовой, С. Карпушиной. М.: АСТ, 2019.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. А. Лактионова. М.: АСТ, 2006.
3. Фромм Э. Искусство любить / пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2014.
4. Станиславова И. Л. Э. Фромм о здоровье общества и реалии современности // Наука и образование. 2020. Т. 3, № 1. URL: http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/1496 (дата обращения: 21.09.2020).
5. Курпатов А. В. Красная таблетка. Посмотри правде в глаза! СПб.: Капитал, 2019.
6. Курпатов А. В. Чертоги разума. Убей в себе идиота. СПб.: Капитал, 2020.

Информация об авторе.

Пашковский Евгений Александрович – кандидат политических наук (2013), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5, 197376, Санкт-Петербург, Россия. Автор 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология повседневности, социология эмоций, социальная психология, межличностная коммуникация. E-mail: egn-pashkovsky@rambler.ru

REFERENCES

1. Fromm, E. (2019), *The Sane Society*, Transl. by Banketova, T. and Karpushina, S., AST, Moscow, RUS.
2. Fromm, E. (2006), *ESCAPE FROM FREEDOM. MAN FOR HIMSELF*, Transl. by. Laktionov, A., AST, Moscow, RUS.
3. Fromm, E. (2014), *The Art of Loving*, Transl. by Aleksandrova, A.V., AST, Moscow, RUS.
4. Stanislavova, I.L. (2020), “E. FROMM ON SOCIETY HEALTH AND REALITIES OF MODERNITY”, *Nauka i obrazovanie*, vol. 3, no. 1, available at: http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/1496 (accessed 21.09.2020).

5. Kurpatov, A.V. (2019), *Krasnaya tabletka. Posmotri pravde v glaza!* [Red pill. Face it!], Kapital, SPb., RUS.

6. Kurpatov, A.V. (2020), *Chertogi razuma. Ubei v sebe idiota* [The palaces of the mind. Kill the idiot in you], Kapital, SPb., RUS.

Information about the author.

Evgeny A. Pashkovsky – Can. Sci. (Policy) (2013), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 20 scientific publications. Area of expertise: sociology of everyday life, sociology of emotions, social psychology, interpersonal communication. E-mail: egn-pashkovsky@rambler.ru

УДК 316.776 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-62-72
Оригинальная статья / Original paper

Коммуникативные сценарии непонимания

Н. В. Казаринова✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉NVKazarinova@mail.ru

Введение. Предметом обсуждения в статье являются коммуникативные ситуации взаимного непонимания вплоть до взаимного отвержения друг друга сторонами. Исследовательское допущение состоит в том, что непонимание в человеческом общении необязательно сопровождается его преодолением. «Коммуникация непонимающих» формирует коммуникативное пространство, раскрывающее многообразие практик персональной самореализации, межгруппового и межкультурного взаимодействия при сохраняющемся восприятии другой стороны как непонятной.

Методология и источники. Анализ ведется в методологических рамках социально-конструкционистского подхода к изучению социальной реальности, предлагающего концептуализацию практических и наблюдаемых действий индивидов или, иначе говоря, того, «что люди делают, когда они действуют». Согласно прагматико-ориентированной методологии, мы не можем делать исчерпывающее заключение о внутренних причинах, побуждающих людей действовать так или иначе, но мы можем рассмотреть языковые и неязыковые действия, которые воспринимаются и интерпретируются ими как имеющие определенный смысл и, соответственно, запускают определенную ответную реакцию. Значения, которые коммуникаторы придают сообщению, не заданы заранее, но создаются, производятся, конструируются в ходе коммуникативного взаимодействия посредством дискурсивных процедур и практик, зависимых от контекста и в то же время приводящих в действие специфические социально узнаваемые типы контекстов.

Результаты и обсуждение. Предложен вариант классификации разнообразных видов приобретаемого людьми когнитивного и коммуникативного опыта в ситуациях непонимания. Эмпирическими данными служат имеющиеся в нашем распоряжении записи интервью, разговоров, комментариев. Основанием различения выделенных коммуникативных сценариев непонимания служит ценностная установка в диапазоне «расширение собственного опыта» ↔ «блокировка и закрытость от чужого опыта». Структура описания выделенных ситуаций включает: коммуникативный статус участника; вербальные формулы, определяющие выбор вектора общения участниками коммуникации; характеристику когнитивного и коммуникативного опыта, порождаемого ситуацией непонимания; примеры-иллюстрации, содержащие реплики, комментарии, описание жизненных ситуаций столкновения с непониманием, соответствующие конкретному коммуникативному сценарию.

Заключение. Ситуации, в которых взаимодействующие стороны заявляют или демонстрируют непонимание, разворачиваются по сценариям, обеспечивающим их участников ресурсами совладания с угрозой риска для их персональной или групповой (культурной) идентичности. Диапазон когнитивных и коммуникативных приемов такого совладания распространяется от признания ценности культурного (социаль-

© Казаринова Н. В., 2020
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ного) разнообразия для социального и персонального развития до дискриминирования чужого, включая насилие и исключение непонятного из сферы взаимодействия. Обсуждение задачи «понять непонимание» позволяет вписать непонимание в социальную ткань практики человеческого поведения как жизненный ресурс любого социального сообщества.

Ключевые слова: коммуникативный сценарий, непонимание, взаимопонимание, коммуникативная компетентность.

Для цитирования: Казаринова Н. В. Коммуникативные сценарии непонимания // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 62–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-62-72

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 02.09.2020; принята после рецензирования 24.09.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

Communication Scenarios of Misunderstanding

Nadezhda V. Kazarinova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉NVKazarinova@mail.ru

Introduction. The proposed paper discusses communication situations of mutual misunderstanding up to mutual rejection of each other by the parties. The research assumption is that misunderstanding in human communication is not necessarily accompanied by its overcoming. “Miscommunication communication” forms a communicative space that reveals the diversity of practices of personal self-realization, intergroup and intercultural interaction, while retaining the perception of the other side as incomprehensible.

Methodology and sources. The methodological framework for analysis is a social constructionalist approach to the study of social reality, offering a conceptualization of the practical and observable actions of individuals or, in other words, “what people do when they act”. According to pragmatically oriented methodology, we cannot make an exhaustive conclusion about the internal reasons that motivate people to act in one way or another, but we can consider linguistic and non-linguistic actions that are perceived and interpreted by them as having a certain meaning and, therefore, trigger a certain response. The meanings that communicators give to a message are not pre-defined, but are created, produced, and constructed in a communicative interaction through context-specific discursive procedures and practices, while also triggering specific socially recognizable types of contexts.

Results and discussion. The variant of classification of various types of cognitive and communicative experience acquired by people in situations of misunderstanding is offered. Empirical data are the records of interviews, conversations, and comments that are at our possession. The basis for distinguishing between communicative scenarios of misunderstanding is the values in the range of “expanding one's own experience” ↔ “isolation from others' experience”. The structure of description of the selected situations includes: communicative status of the participant; verbal formulas that determine the choice of vector by the participants of the communication; characteristics of cognitive and communicative experience generated by a situation of misunderstanding; examples and illustrations containing replicas, comments, description of life situations of collision with misunderstanding, corresponding to a specific communicative scenario.

Conclusion. Situations of misunderstanding are developed in scenarios that provide their participants with the resources to cope with the threat of risk to their personal or group (cultural) identity. The range of cognitive and communicative practices ranges from recognizing the value of cultural (social) diversity for social and personal development to discriminating against others, including violence and the exclusion of the incomprehensible from interaction. Discussion of the issue of "understanding misunderstanding" makes it possible to fit misunderstanding into the social fabric of human behavior practices as a vital resource for any social community.

Key words: communication scenario, misunderstanding, mutual understanding, communicative competence.

For citation: Kazarinova N. V. Communication Scenarios of Misunderstanding. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 62–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-62-72 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 02.09.2020; adopted after review 24.09.2020; published online 25.11.2020

Введение. Тема статьи – ценность принципиального несходства между людьми и группами. В основе этого тезиса – вполне очевидное признание того, что каждый из нас своеобразен и неповторим в своей уникальности, или, говоря словами Генриха Гейне, «каждый человек – это мир, который с ним рождается и с ним умирает; под всякой могильной плитой лежит всемирная история». Признание социальной и персональной уникальности социологически было осмыслено как проблема, а именно: как эти разные миры способны к совместной жизни и сотрудничеству? Современная социология предстает как теоретическое пространство, наполненное разнообразными версиями, тщательно и тонко проработанными схемами толкования самой возможности и осуществления социальной совместимости. Одним из базовых условий солидарного поведения и взаимодействия между людьми признается понимание, реализованное в разнообразных паттернах социального поведения и социальной организации.

Общепринятым считается взгляд на успешную коммуникацию как на такую, при которой достигается более или менее полное, но обязательно достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание. В свою очередь изучение непонимания толкуется в терминах *коммуникативный сбой*, *коммуникативные осечки*, *коммуникативные неудачи*. Австрийская исследовательница Р. Водак, рассуждая о специфике непонимания на социальном и индивидуальном уровнях и признавая его функциональное назначение, тем не менее сохраняет общую негативную оценку этого феномена. Так, по ее мнению, непонимание политического дискурса вызвано тем, что политики говорят много и туманно, стараясь за видимой понятностью скрыть реальное положение вещей и использовать обладание информацией, недоступной другим, в качестве ресурса власти [1, с. 52]. Таким образом, непонимание, если и оказывается предметом исследовательского интереса, то преимущественно в контексте его преодоления, как необходимое условие начала работы понимания и его возможный промежуточный отрицательный результат.

Однако неменьшее значение имеет осмысление проблемы, остро выраженной в легендарном стихе Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут…». Выражаясь социологически, уникальность и своеобразие различных социальных групп переводит в практическую область вопрос о том, какой социальный и коммуника-

тивный опыт приобретают люди с принципиально несходным культурным и социальным бэкграундом, принужденные обстоятельствами к социальному взаимодействию. Что мы можем понять об устройстве социального мира, если предметом наблюдения сделать ситуации взаимного непонимания вплоть до взаимного отвержения сторонами друг друга?

Методология и источники. Наше исследовательское допущение состоит в том, что непонимание в человеческом общении порождает важнейшие для личностного и культурного развития и самореализации коммуникативные практики, ценность которых не всегда осознается на фоне фундаментального значения для социального выживания способности людей к преодолению взаимного непонимания.

Ключевыми для данного исследования стали следующие методологические допущения прагматико-ориентированной традиции, в частности, принципы социально-конструкционистского подхода к изучению социальной реальности:

– мы не можем давать исчерпывающее заключение о внутренних причинах, побуждающих людей действовать так или иначе, но мы можем рассмотреть языковые и неязыковые действия, которые воспринимаются и интерпретируются ими как имеющие определенный смысл и, соответственно, запускают определенную ответную реакцию;

– значения, которые коммуникаторы придают сообщению, не заданы заранее, но создаются, производятся, конструируются в ходе коммуникативного взаимодействия посредством дискурсивных процедур и практик, зависимых от контекста и в то же время приводящих в действие специфические социально узнаваемые типы контекстов;

– коммуникативные нарушения и неудачи рассматриваются не в терминах индивидуального невежества, некомпетентности, порочности или ошибок, требующих исправления в соответствии с имеющейся нормой, но как возникающее напряжение, присущее любому развивающемуся процессу, каковым является коммуникативное взаимодействие;

– стабильность отношений между людьми осмысливается не как полное согласие или достижение полного созвучия, но, говоря словами И. Гофмана, как готовое к заключению «рабочее соглашение». В каждый конкретный момент поведение одного участника коммуникации приобретает свое значение благодаря соотнесению его с другим поведением и вне этого соотнесения не может считаться само по себе ни более здоровым, ни более функциональным, ни более желательным или более разрушительным, чем любое другое;

– структура любого коммуникативного взаимодействия наряду со свойством упорядочивать, стабилизировать отношения между элементами (что фиксируется понятием «паттерн взаимодействия») обладает также «порождающим» свойством, т. е. в сложной структуре отношений могут возникать качественно новые явления, специфика которых определяется способом (порядком) их организации.

Результаты и обсуждение. Исследовательские гипотезы сформулированы следующим образом:

• Ситуации непонимания структурно сходны с кризисными (стрессовыми) ситуациями, т. е. согласно теории динамических систем их отличают крайняя неустойчивость, относительно кратковременный характер такого состояния, поскольку система стремится к определенности, невозможность надежного прогнозирования их дальнейшего развития.

• Переходность и временный характер ситуаций непонимания порождают условия для эгоцентричного коммуникативного поведения участников взаимодействия, и предпочти-

тельными паттернами взаимодействия становятся подавление, подчинение и/или разрыв коммуникации.

• Коммуникативное поведение в ситуациях непонимания формирует опыт вынужденной и непрямой коммуникации, провоцирует квази- и псевдообщение, «коммуникативное безъязычие».

Эмпирическим материалом исследования послужили повседневные разговоры, фрагменты переписки, комментарии и обсуждения тех или иных событий в интернет-сообществах, экспресс-интервью с вузовскими преподавателями, студентами, аспирантами, литераторами и др.

В целях методического упорядочивания были выделены и описаны две относительно самостоятельные области персональной и социальной самореализации, а именно когнитивный и коммуникативный опыт участников коммуникативного взаимодействия в ситуациях непонимания, а также метакоммуникативное значение ситуаций такого рода.

Напомним, что в словарях социальных наук термин «непонимание» обычно вводится как антоним «пониманию», т. е. с помощью этой дихотомии описываются определенные когнитивные операции. Понять – значит наделить смыслом и значением то, что попадает в область социального восприятия, словесно вписать предмет в систему связей с уже «понятным» и тем самым обнаружить свое отношение к «этому предмету». Понять другого человека – значит объяснить себе причины его поступков и слов и определить свое отношение к ним. Понять другую культуру (социальную группу) – значит объяснить социальную логику наблюдаемых культурных практик данного сообщества людей и определить свое отношение к ним. Соответственно «не понять» – значит испытать трудности с выполнением перечисленных операций.

Уже это терминологическое противопоставление обнаруживает *когнитивные ресурсы* непонимания. Иначе говоря, в когнитивном аспекте непонимание проблематизирует нашу социальную и вербальную компетентность в наблюдении и описании социального мира, недостаточность и/или ограниченность существующих в нашем мышлении схем толкования и определения того, с чем мы сталкиваемся. Одновременно непонимание подвергает риску привычный порядок восприятия и поведения, а значит, предсказуемость и ясность, столь необходимые для воспроизводства социальной жизни.

«Осложнением» или неизбежным атрибутом социальной жизни оказывается базовая потребность любого человеческого существа в том, чтобы его поняли, т. е. если следовать приведенному определению, потребность в том, чтобы слова, желания, переживания говорящего были ясными для слушателя, воспринимались как уместные и вызывали ожидаемую обратную реакцию. Вспомним афористичное «Счастье – это когда тебя понимают» или не менее расхожее «Ты меня понимаешь/уважаешь?». Важность такой «понимающей реакции» от другого человека социальные философы и психологи объясняют (т. е. делают понятной) теориями персональной и социальной идентичности, связывая саму возможность формирования личности с получаемой от других информацией о том, кто я такой, каким меня видят другие люди и как они обо мне говорят. Однако негарантированность или отсутствие ожидаемой и желаемой обратной связи и переживается как непонимание, провоцируя активную коммуникативную работу участников взаимодействия и раскрывая тем самым *коммуникативный потенциал* ситуаций непонимания.

Очевидно, что ситуации непонимания следует отнести к трудным, с высокой степенью социального риска, к категории «нарушенной коммуникации» именно потому, что в силу возникающей смысловой, ролевой, эмоциональной, мировоззренческой неясности между коммуникаторами ключевыми для них становятся вопросы «что происходит?», «что это такое?», «что с этим делать?», прямо связанные с переопределением самой структуры социальных и коммуникативных отношений.

Нарушенная коммуникация – это трудность или невозможность достижения взаимопонимания, связанности, взаимности между участниками коммуникативного взаимодействия. Нарушенная коммуникация активизирует механизмы негативной солидарности и негативной идентификации. Основным критерием различения позитивной и негативной солидарности в социологической литературе рассматривают социальную установку, связанную с направленностью на другого человека или на другую группу, а именно: какая установка доминирует при решении задачи самоидентификации индивида (группы, сообщества) – установка «на» или «против» другого социального субъекта [2]. При *позитивной солидарности* доминирующей установкой является восприятие себя и других как независимых и самодостаточных субъектов. Стороны относятся друг к другу как к партнерам, заинтересованным в тех или иных действиях друг друга, признающим ценность и важность друг друга. Позитивная солидарность означает, что в длительной перспективе люди и группы заинтересованы в постоянном улучшении жизни друг друга. При *негативной солидарности* доминирует установка «против» или «от противного». Самоопределение социального субъекта осуществляется посредством поиска противника, общей опасности, через понижение стандартов жизнедеятельности, демонстрацию невозможности и неспособности выполнять те или иные действия, ожидание негативного опыта и т. п. [2, с. 283]. Иначе говоря, при негативной солидарности сообщество конституируется через отношение к негативному фактору, к тому, что определяется как чужое или враждебное. Негативное напряжение и становится ресурсом для солидарности сообщества. В результате возникает граница, социальная дистанция между своими и чужими, позволяющая поддерживать одни правила поведения внутри группы и другие – вне ее.

Негативная солидарность обеспечивается механизмами негативной идентификации. Это означает, что люди не могут более или менее отчетливо и осмысленно определить свои собственные позитивные мотивы и представления. Они могут быть выражены только в виде негативных значений, чаще всего в виде различных страхов (страх перед чужим, незнакомым, кажущимся враждебным, беспокоящим, таящим угрозу). По мнению социологов, негативная идентификация представляет собой наиболее архаичный способ группообразования и социализации, формирования социальной общности через запреты, табу или угрозу. Национальные и иные социальные предрассудки в современном обществе, будучи проявлением негативной идентичности, могут служить сигналами социокультурной деградации, свертывания свободного или всеобщего пространства действия под влиянием специфических защитно-компенсаторных интересов. К последним относятся силовая защита достигнутых позиций, оттеснение конкурентов внеэкономическими средствами, произвол как ресурс, не усиление собственного влияния, но ослабление оппонентов [2, с. 178]. Существенным моментом негативной идентификации является сильнейшая зависимость от того, что отвергается. «Поношение ценности и ценного (предмета, пространства,

символа) есть способ их признания <…> Снижение чужого высокого – это не столько циничное переворачивание того, что другие люди считают значимым, сколько средство придать себе существенность, значимость» [2, с. 291].

Для целей исследования, как уже было сказано, когнитивные и коммуникативные нарушения интересны не только в контексте их преодоления, но как самостоятельное пространство персонального и социального жизнеустройства.

Используя имеющиеся в нашем распоряжении записи интервью, разговоров, комментариев, предложим вариант классификации разнообразных видов приобретаемого людьми когнитивного и коммуникативного опыта в ситуациях непонимания.

В основе различения выделенных коммуникативных сценариев – переживание непонимания как ценностной установки в диапазоне «расширение собственного опыта» ↔ «блокировка и закрытость от чужого опыта».

Структура описания выделенных ситуаций включает:

1. Коммуникативный статус участника: адресант (инициатор, отправитель сообщения) или адресат (получатель, реагирующий на сообщение).

2. Вербальные формулы, определяющие выбор вектора общения участниками коммуникации (расширение опыта или его блокировка).

3. Характеристика когнитивного и коммуникативного опыта, порождаемого ситуацией непонимания.

4. Примеры-иллюстрации, содержащие реплики, комментарии, описание жизненных ситуаций столкновения с непониманием, имеющиеся в собранном материале и соответствующие конкретному коммуникативному сценарию.

Коммуникативный сценарий № 1

Непонимание как ресурс расширения собственного когнитивного и коммуникативного опыта

Вербальные формулы:

Адресант: *Как это возможно? / Вот что мне пришло в голову… / Я бы это определил(а) как…*

Адресат: *Надо же как бывает / Неужели такое возможно? / Это действительно так?*

Приобретаемый опыт:

Когнитивный: открытие иного/другого как чужого, не своего, самобытного, но обогащающего палитру культурного разнообразия.

Коммуникативный: готовность к риску, смирение перед разнообразием, экспериментирование с иными культурными установками в организации собственной жизни.

Примеры:

#1. «Непрозрачность для понимания, герметичность произведения современного искусства, на самом деле это одно из важнейших его качеств. В значительной степени актуальные русские художники воспринимали непонимание как одно из положительных свойств работы. <…> Это эффект “позитивного непонимания”, который должен быть присущ любому хорошему произведению современного искусства. Если зритель готов к новому, готов размышлять о том, что выглядит как нечто чужое, незнакомое, и чувствовать что-то по поводу того, что находится за пределами обыденности, тогда у него есть шанс прорваться на более высокий уровень понимания реальности, не только

современного искусства» (Александра Обухова, руководитель научного отдела Музея современного искусства «Гараж») [3].

#2. «…интересно, какой реакции вы ждете от человека, когда говорите, что в его любимом городе много хамов и иммигрантов не лучшего качества?.. :) Патологическая агрессия вам только кажется. Но еще раз повторяю: вы обобщаете и переносите свой негативный опыт общения на весь Торонто. Я живу здесь больше 12 лет и очень люблю этот город и его людей. Здесь очень интересная культурная жизнь – именно благодаря наличию иммигрантов со всех концов света...» [4].

Коммуникативный сценарий № 2

Непонимание как сопряжение с таинственным, недоступным, сокровенным

Вербальные формулы:

Адресант: *Не все доступно нашему пониманию… / Едва ли это можно объяснить…*

Адресат: *Это понять невозможно… / Это выше моего (нашего) понимания…*

Приобретаемый опыт:

Когнитивный: принятие ограниченности рационального познания, тайна и таинственность как ценность и наслаждение.

Коммуникативный: фиксация границ своего и чуждого, отстраненность от чужого без его дискриминации.

Примеры:

#1. Наука не в состоянии разгадать последние тайны природы, потому что в конечном счете мы сами есть часть тайны, которую пытаемся разгадать (Макс Планк).

#2. «Современное искусство, как и все изобразительное искусство, отличается от всех других видов, таких как литература, театр, музыка и кинематограф, тем, что оно имеет отношение к созданию уникальных предметов. Это дает ему большую независимость от публики. <…> Независимость от публики и является основной причиной того, что современное искусство наиболее экспериментальное из всех других видов, которые существуют в данный момент. Естественно, что эксперимент и создание необычных объектов влечет за собой создание сложного научного языка для их описания. Многие зрители, сталкиваясь с непонятными объектами современного искусства, надеются получить разъяснения в различных текстах, которые также оказываются "герметично закрыты" для понимания. <…> Закрытость и непонятность выполняют очень важную роль отсеивания различных спекулянтов, людей, которые хотят заработать легкие деньги на искусстве» (Анатолий Осмоловский, представитель Московского акционизма, ректор Московского института современного искусства «База») [3].

Коммуникативный сценарий № 3

Незнание (непонимание) – сила!

Вербальные формулы:

Адресант: *Лучше бы я этого не знал(а) / Лучше этого не знать…*

Адресат: *Это твои проблемы… / Меня это не касается… / Даже не хочу слушать (вникать, разбираться).*

Приобретаемый опыт:

Когнитивный: формирование безопасного персонального (социального) пространства; определение собственных ресурсов влияния.

Коммуникативный: навыки защитного поведения в коммуникативном взаимодействии.

Пример:

«Точно ли тебе надо знать это? Точно ли тебе надо читать это? Точно ли тебе надо видеть это? А главное – точно ли тебе надо репостить это? Точно ли ты должен непременно заставить своих друзей увидеть это на своем экране? Знать и не делать – хуже, чем не знать. Если Вы не можете влиять на ситуацию – Вы имеете право на незнание. Помните об этом» [5].

Коммуникативный сценарий № 4

Непонимание как индикатор выживаемости

Вербальные формулы:

Адресант: *Стоит ли рисковать? / Вы взвесили все «за» и «против»? / Кто знает, чем это чревато (чем это закончится, кто за этим стоит, кому это нужно)… /А зачем это нужно?*

Адресат: *Лучше довериться опыту / Лучше проторенной дорогой / Не надо усложнять!*

Приобретаемый опыт:

Когнитивный: экономичность ритуализированного знания, ценность прогнозируемого результата, избегание неоправданной сложности.

Коммуникативный: воспроизводство культурной нормы, социального порядка.

Пример:

«…Я не терпел поражений. Я просто нашел 10000 способов, которые не работают» [6].

Коммуникативный сценарий № 5

Непонимание как насилие

Вербальные формулы:

Адресант: *Неужели это непонятно? / Это же элементарно… / Тупому ясно… / Всем известно… / Им бесполезно объяснять! / О чем с ними можно говорить! / Лучше помолчу…*

Адресат: *Неужели нельзя говорить ясно! / Не разбираешься – не высовывайся (не смеши, не выставляй себя дураком…) / Ничего из сказанного невозможно понять…*

Приобретаемый опыт:

Когнитивный: стереотипное, категоричное, туннельное мышление.

Коммуникативный: агрессивность, выученная беспомощность, социальная изоляция.

Примеры:

#1. «Будучи олимпиадником, я привык к тому, что если я чего-то не понимаю, значит, я тупой. Отсутствие понимания тормозило не только решение задач, но и общение. Когда я просил сокомандника в очередной раз объяснить мне идею, то видел его раздражение. Когда на разборе я задавал вопрос, но все равно не мог ухватить мысль на лету, то сникал и решал, что лучше спрошу в кулуарах. Я наблюдал, как увлеченно ребята болтают вместе о том, что понимают, и как рвется коммуникация, когда кто-то из них вдруг начинал упорно не понимать. Вообще в IT-сфере крайне принято знать и понимать» [7].

#2. «В квартирах москвичей вещи копятся годами… от пыльных фолиантов, которые 50 лет никто не доставал с антресолей, несет затхлостью и аллергией. Все это можно объяснить – квартиры дороги, они достаются из поколения в поколение, но почему ремонт в них не делается десятилетиями, старая мебель не выбрасывается, а хлам не вывозится на помойку – это тот факт, который я так и не смогла понять. Никого не хочу

обидеть, но у нас в Сибири принято жить по-другому» (Марьяна Берязева, журналист, несколько лет жила в Москве) [8].

Заключение. Таким образом, ситуации, в которых взаимодействующие стороны заявляют или демонстрируют непонимание друг друга, разворачиваются по сценариям, обеспечивающим их участников ресурсами совладания с угрозой риска для собственной персональной или групповой (культурной) идентичности. Диапазон когнитивных и коммуникативных приемов такого совладания распространяется от признания культурного (социального) разнообразия как фундаментального условия социального и персонального развития до дискриминирования чужого в самых разнообразных формах, включая насилие и исключение непонятного из сферы взаимодействия. Обсуждение поставленной нами парадоксальной задачи «понять непонимание» нацелено не только на реабилитацию непонимания как вписанной в социальную ткань практики человеческого поведения, но и на решение методической задачи, а именно своеобразной разметки социального пространства с выделением «территорий», на которых непонимание включено в человеческий опыт именно как жизненный ресурс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997.

2. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.

3. Фролова Е. «Банальный вопрос»: как непонимание современного искусства влияет на зрителя? // 365. 2016. URL: https://365mag.ru/culture/banal-ny-j-vopros-kak-neponimanie-sovremennogo-iskusstva-vliyaet-na-zritelya (дата обращения: 28.07.2020).

4. Примеры межкультурного непонимания (особенно для тех, кто живет за границей). URL: http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/3884167/13/ (дата обращения: 28.07.2020).

5. Бабченко А. Право на незнание // Эхо Москвы. 2016. URL: http://echo.msk.ru/blog/ababchenko/1732948-echo/ (дата обращения: 28.07.2020).

6. Эдисон Т. Афоризмы про неудачи и промахи. URL: https://aforisimo.ru/pro-neudachi (дата обращения: 28.07.2020).

7. Куприн А. Ценность непонимания // Medium. 2018. URL: https://medium.com/@kouprin/ценность-непонимания-48fc6e5eaf88 (дата обращения: 28.07.2020).

8. Фарберова К. Москвичи и приезжие о нелюбви друг к другу // The Village. 2014. URL: https://www.the-village.ru/village/people/people/165335-moskvichi-i-priezzhie-o-nelyubvi-drug-k-drugu (дата обращения: 28.07.2020).

Информация об авторе.

Казаринова Надежда Васильевна – кандидат философских наук (1986), доцент (1992), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор и соавтор 5 монографий и более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального знания, межличностная и межгрупповая коммуникация. E-mail: NVKazarinova@mail.ru

REFERENCES

1. Wodak, R. (1997), *Language. Discourse. Policy,* Transl. by Troshina, N.N. and Karasik, V.I., Peremena, Volgograd, RUS.

2. Gudkov, L. (2004), *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997-2002 godov* [Negative identity. Articles 1997-2002], Novoe literaturnoe obozrenie, «VCIOM-A», Moscow, RUS.

3. Frolova, E. (2016), "'A banal question': how does misunderstanding of contemporary art affect the viewer?", *365*, available at: https://365mag.ru/culture/banal-ny-j-vopros-kak-neponimanie-sovremennogo-iskusstva-vliyaet-na-zritelya (accessed 28.07.2020).

4. *Primery mezhkul'turnogo neponimaniya (osobenno dlya tekh, kto zhivet zagranitsei)* [Examples of intercultural misunderstanding (especially for those who live abroad)], available at: http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/3884167/13/ (accessed 28.07.2020).

5. Babchenko, A. (2016), "The right to not know", *Echo Mosvky*, available at: http://echo.msk.ru/blog/ababchenko/1732948-echo/ (accessed 28.07.2020).

6. Edison, T., *Aforizmy pro neudachi i promakhi* [Aphorisms about failures and mistakes], available at: https://aforisimo.ru/pro-neudachi/8144.html (accessed 28.07.2020).

7. Kuprin, A. (2018), "The value of misunderstanding", *Medium*, available at: https://medium.com/@kouprin/ценность-непонимания-48fc6e5eaf88 (accessed 28.07.2020).

8. Farberova, K. (2014), "Residents of Moscow and visitors about dislike to each other", *The Village*, available at: https://www.the-village.ru/village/people/people/165335-moskvichi-i-priezzhie-o-nelyubvi-drug-k-drugu (accessed 28.07.2020).

Information about the author.

Nadezhda V. Kazarinova – Can. Sci. (Philosophy) (1986), Docent (1992), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author and coauthor of 5 monographs and more than 60 scientific publications. Area of expertise: methodology of social knowledge, interpersonal and intergroup communication. E-mail: NVKazarinova@mail.ru

УДК 316.772.5 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-73-86
Оригинальная статья / Original paper

Дискурсивные практики онлайн-взаимодействия врачей и пациентов (на примере медицинского интернет-форума «Health.mail.ru»)

Л. В. Искандерова✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉liliyaiskanderova@gmail.com

Введение. В настоящее время стремительно развиваются и набирают популярность различные онлайн-сервисы медицинской направленности. В рамках реализации государственной программы «Медицинская система 4П» развивается телемедицина. Несмотря на то, что современная социология на данный момент не часто изучает онлайн-взаимодействие врачей и пациентов, интернет-площадки являются ценным ресурсом для исследователей, позволяющим изучить и проанализировать информацию, которую трудно получить другими способами.

Методология и источники. Статья содержит результаты исследования дискурсивных практик взаимодействия врачей и пациентов на медицинских онлайн-форумах на примере платформы «Health.mail.ru». В качестве теоретико-методологической рамки была использована трехмерная модель анализа дискурса Н. Феркло, позволяющая на основе изучения текстовых сообщений делать предположения о социальных практиках. Исследование реализовано в нереактивной стратегии. Эмпирическую базу составили 28 800 сообщений (по 14 400 сообщений врачей и пациентов), размещенных на форуме «Health.mail.ru». Данные были обработаны и проанализированы в программе «R».

Результаты и обсуждение. По результатам исследования были сформулированы выводы о социальных и дискурсивных практиках участников онлайн-ресурса. Так, пациенты обращаются с запросом на форум с целью заменить онлайн-коммуникацией очное посещение врача, а для врачей одной из задач выступает продвижение своих услуг. Взаимодействие происходит в формате «запрос – экспертная оценка». Если пациенты стремятся сохранить свою анонимность, то медики, напротив, подчеркивают свою идентичность, что не только выступает способом поддержания имиджа, но и обеспечивает легитимность экспертизы. Дискурсы врачей и пациентов содержат специальную медицинскую терминологию, которая не расшифровывается, что требует от пациента выступать в роли компетентного субъекта взаимодействия.

Заключение. Онлайн-консультирование представляет собой новый тип взаимоотношений между врачом и пациентом, подразумевающий более демократичную и более симметричную, но в то же время более безличную коммуникацию без глубокого анализа индивидуальной ситуации пациента и формирования устойчивых межличностных связей.

Ключевые слова: интернет-форум, взаимодействие врача и пациента, Н. Феркло, дискурсивные практики, медицина, врач, пациент, нереактивная стратегия.

© Искандерова Л. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Искандерова Л. В. Дискурсивные практики онлайн-взаимодействия врачей и пациентов (на примере медицинского интернет-форума «Health.mail.ru») // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 73–86. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-73-86

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-013-00770А «Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.09.2020; принята после рецензирования 01.10.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

Discursive Practices of Doctor-Patient Online-Communication (the Case of "Health.mail.ru")

Liliya V. Iskanderova✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉liliyaiskanderova@gmail.com

Introduction. Nowadays medical online services are evolving rapidly and become more and more popular. Telemedicine is developed as a part of the Russian government program "The medical system 4P". However, doctor-patient online communication has rarely been the subject of research in modern sociology. Nevertheless, online-services are valuable resource for researchers to study and analyze information that is difficult to obtain in other ways.

Methodology and sources. The paper is devoted to the research of doctor-patient discursive practices on the internet medical advice forums by the example of "Health.mail.ru". The general method of research is critical discourse analysis, based on the theory and methodology of N. Fairclough, which gives an opportunity to make suggestions about social practices using text analysis and discursive practices analysis. A non-reactive strategy was used in the empirical research. During the research 28 800 messages, which include 14 400 messages from patients and 14 400 messages from doctors, were analyzed. Data analysis was performed in the "R" program.

Results and discussion. As a result, some assumptions about social practices and discursive practices on the online forum were formulated. The main patient's goal on online forums is avoiding face-to-face interaction with doctors in a hospital. One of doctor's goals is promoting their services. Interaction is carried out in a form of request from the patient and expert assessment from the doctor in response. Usually, patients send their messages anonymously. Doctors, by contrast, emphasize their identity. It helps them to maintain their image and to legitimate their expertise. Doctor's and patient's discourses are using special medical terminology, and they are not interpreting it. It demands from the patients being experts.

Conclusion. Online communication is a new type of doctor-patient communication, which is more democratic, more complementary and more impersonal than face-to-face communication. Usually doctor-patient online communication on the internet medical advice forums does not involve thorough analysis of individual patient's situation and maintaining sustainable interpersonal relationships.

Key words: online-forum, doctor-patient interaction, N. Fairclough, discursive practices, medicine, doctor, patient, non-reactive strategy of research.

For citation: Iskanderova L. V. Discursive Practices of Doctor-Patient Online-Communication (the Case of "Health.mail.ru"). DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 73–86. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-73-86 (Russia).

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-013-00770A "Digital and biomedical technologies in health care practices: the Russian context").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.09.2020; adopted after review 01.10.2020; published online 25.11.2020

Введение. Цифровизация здравоохранения стремительно набирает обороты, проявляясь, в частности, в широком распространении медицинских онлайн-сервисов и развитии телемедицины [1–3]. Сегодня функционирует множество веб-ресурсов медицинской направленности, среди которых сайты Министерства здравоохранения, коммерческих и государственных медучреждений, частных врачей, медицинские форумы, сообщества и группы в социальных сетях. С 1 января 2018 г. в нашей стране вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья», регулирующий создание телемедицины [4]. Новый формат оказания врачебной помощи не только служит упрощению доступа пациентов к необходимой им медицинской информации и обеспечивает дистанционную запись к врачу, но и позволяет получить консультацию специалистов онлайн. Популяризация дистанционных форм взаимодействия между врачом и пациентом, а также внутри медицинского сообщества и использование интернет-технологий для этих целей являются важным элементом актуальных трансформаций современной системы здравоохранения. В свою очередь, анализ современных способов медицинской коммуникации может пролить свет на происходящие преобразования в области заботы о здоровье.

В то время как взаимодействие в системе «врач-пациент» в ситуации лицом к лицу является вполне традиционным предметом интереса социологии [5–8 и др.], особенности такого общения с использованием интернет-технологий пока сравнительно редко попадают в фокус внимания ученых. Тем не менее здесь можно отметить ряд интересных исследований [9–12 и др.], посвященных изучению содержания сообщений, коммуникативно-речевых особенностей дискурса взаимодействия между врачом и пациентом, стратегий и тактик конструирования статуса эксперта и др. Между тем медицинские онлайн-платформы представляют собой ценный исследовательский ресурс, который часто недооценивается. Предметом нашего интереса являются дискурсивные практики взаимодействия врачей и пациентов на медицинских интернет-форумах, а внимание сосредоточено на анализе сообщений, оставленных пользователями электронных сервисов, обращающимися за медицинской помощью. Полагаем, что их изучение позволит высветить новейшие изменения в ролевом взаимодействии в системе «врач-пациент».

Методология и источники. В качестве теоретико-методологической рамки исследования использовалась трехмерная модель дискурс-анализа Н. Феркло, позволяющая на основе анализа текста делать предположения о социальных практиках. Подход Н. Феркло основан на представлении о наличии взаимосвязей между текстом, дискурсивными практиками и социальными практиками [13]. Дискурс понимается как динамичная структура, представленная устными и письменными текстами. Н. Феркло выделяет три уровня его анализа – текст, дискурсивные практики, социальные практики, – каузально и диалектически взаимосвязанные между собой. Выделенные уровни частично пересекаются и взаимно

формируют друг друга. При перемещении от языковых абстракций к событиям язык оказывается неотделимым от социальных элементов. Лексико-грамматические конструкции формируются, с одной стороны, в соответствии с нормами языка, а с другой – под влиянием социальных факторов. В силу этого свойства на основе анализа дискурса могут быть сделаны выводы о социальных событиях, об отношении к ним, о социальных нормах и о социальных практиках [13, с. 24–25, 29]. Несмотря на то, что в реальности все элементы дискурса существуют в единстве, аналитически они могут быть различимы.

Функционально текст и производство текста включают три типа значения: действие, репрезентация и идентификация. Все они, одновременно присутствуя в тексте, взаимодействуют между собой. Типичные примеры действий – консультирование, информирование, выражение беспокойства, обещание. Репрезентации – описание событий или ситуаций. Идентификации – выражение мнений, соглашений, обязательств, которые могут артикулироваться как категорически, так и в качестве вероятностного суждения, т. е. степень уверенности может различаться. Например, можно сказать: *«это не так»*, *«вполне возможно, что это не так»*, *«может оказаться, что это не так»* [13, с. 27]. Текст производится при помощи языка, который включает одни значения, описывая их как возможные, и исключает другие. В нашем исследовании в виде текстов могут быть отражены события, повлекшие за собой обращение на медицинский онлайн-форум, например возникновение проблем со здоровьем.

Дискурсивные практики понимаются как способы производства, потребления и распространения текста. Они выражают значимость тех или иных событий и отношение к ним. На основе изучения дискурсивных практик могут быть сформулированы выводы и сделаны предположения о более широком контексте социальных событий, в котором возникает коммуникация на медицинском онлайн-форуме, о социальных практиках и их социальной значимости.

Социальные практики – это артикуляция социальных элементов, которые ассоциированы с определенной сферой жизнедеятельности. Социальные практики, социальные отношения, события и установки являются связующими звеньями для частей текста, соединяя их с контекстом ситуации. В нашем исследовании в качестве общих примеров социальных практик рассмотрены взаимодействие на медицинском онлайн-форуме для решения проблем со здоровьем и последующее применение информации, полученной в результате дистанционной консультации. Онлайн-взаимодействие подразумевает артикуляцию языковых практик как врачом, так и пациентом, в результате чего воспроизводятся социальные отношения, характерные для определенного пространства. Среди элементов артикуляции социальных практик выделяют следующие: действие и интеракция, социальные взаимоотношения, конкретные персоны (persons), материальный мир и дискурсивные составляющие.

Дискурсу и социальным практикам присуще свойство интертекстуальности, что означает их неразрывную связь с предшествующими событиями. Также им свойственны интердискурсивность – связь с дискурсами, сформированными ранее или принадлежащими другой предметной области, и интерсубъективность – связь с социальными субъектами, которые лично не участвуют в формировании дискурса. Примерами таких социальных

субъектов могут служить пациенты, родственники которых обращаются на онлайн-форум, знакомые, проблема которых на нем обсуждается. Интертекстуальность, интердискурсивность и интерсубъективность – характеристики процессуальности дискурса, его подверженности трансформации в ходе интерпретации действующими субъектами, порождения ими новых смыслов и новых текстов. Из сказанного следует, что дискурс не статичен, а динамичен, что выражается в его постоянном производстве, интерпретации и реинтерпретации действующими и воспринимающими субъектами.

Таким образом, анализ дискурса как метод социологического исследования хорош тем, что позволяет получить информацию о социальных практиках и событиях, а также об отношении к ним, представленных в виде текста.

Эмпирическое исследование дискурсивных практик онлайн-взаимодействия врачей и пациентов реализовано в рамках нереактивной стратегии [14], обеспечивающей использование и анализ данных, созданных спонтанно, с различными целями, а не специально для нужд исследования. Так, пользователи, вступая в онлайн-коммуникацию, оставляют «цифровые следы», которые и становятся объектом социологического интереса и специального изучения. Данная стратегия, безусловно, имеет как достоинства, так и ограничения, однако для нас были важны следующие аспекты. Во-первых, это возможность изучить действительное поведение людей в реальных жизненных ситуациях, а не гипотетические суждения о возможных действиях в абстрактных социальных контекстах. Во-вторых, доступность исследовательского поля и однообразность структуры данных, упрощающие поиск релевантной информации. В-третьих, доступ к большому объему данных, поставляемых широким кругом пользователей интернет-ресурсов.

В соответствии с критериями доступности, открытости, размера и активности пользователей в качестве источника эмпирических данных был выбран медицинский онлайн-форум «Health.mail.ru»[1]. Как не подходящие для анализа были исключены такие онлайн-площадки: «MedAboutMe»[2], «Medspecial.ru» и «03.ru»[3]. «Health.mail.ru» легко найти при помощи поисковых систем Google и «Яндекс» по запросам «медицинский онлайн-форум», «здоровье консультация онлайн», «вопрос врачу». На момент выбора источника данных на форуме было размещено значительное количество актуальных, т. е. оставленных в течение последнего месяца как врачами, так и пациентами сообщений, что обеспечило необходимый для анализа объем «свежей» информации. Кроме того, данная платформа позволяет свободно просматривать и скачивать массив сообщений, размещенных на нем.

В итоге было проанализировано 36 рубрик онлайн-форума «Health.mail.ru», относящихся к разным медицинским направлениям. Суммарно было отобрано 28,8 тыс. сообщений врачей и пациентов. Их них 14,4 тыс. вопросов пациентов и 14,4 ответов врачей – по 400 сообщений врачей и пациентов из каждого раздела. В исследовательских целях

[1]«Health.mail.ru». URL: https://health.mail.ru/consultation/ (дата обращения: 11.09.2020).

[2]«MedAboutMe». URL: https://medaboutme.ru (дата обращения: 11.09.2020). Был недоступен для скачивания.

[3]«Medspecial.ru». URL: http://medspecial.ru/forum/ (дата обращения: 11.09.2020). «03.ru». URL: http://0-3.ru/ (дата обращения: 11.09.2020).«Medspecial.ru» и «03.ru» отсеяны из-за низкого уровня активности пользователей – на форуме публиковалось несколько сообщений в месяц и менее.

использовались хронологически последние цепочки обсуждений. Несмотря на то, что формат форума предполагает возможность задавать уточняющие вопросы в последующих сообщениях и продолжать обсуждение сколь угодно долго, анализировались только первый вопрос и первый ответ каждой из отобранных для анализа цепочек обсуждения как наиболее содержательные. Запросы на форуме публикуются ежедневно, однако в разные дни их количество заметно варьируется. Так, в день суммарно по всем рубрикам может быть опубликовано 10, 50 или 100 сообщений. Для наиболее популярных рубрик число запросов в сутки обычно не превышает 20. В большинстве рубрик зарегистрировано в среднем по 4–5 консультантов. Выгрузка материалов производилась 6–8 апреля 2019 г.

Анализ данных проводился в два этапа. На первом этапе – количественном – с привлечением программы «R» был реализован статистический анализ массива данных, выявлены связи между показателями и закономерности, получено статистическое подтверждение значимости выявленных связей. Так, были проанализированы частотность слов и словосочетаний, контексты их употребления, проведено сравнение слов и выражений, характерных для дискурсов врачей и пациентов. Программа также предоставляет широкие возможности для визуализации данных в удобной для восприятия графической форме. В ходе второго – качественного – этапа содержание сообщений подверглось «ручному» просмотру и систематизации для проверки, дополнения и уточнения полученных на первом этапе исследования результатов, а также для их иллюстрирования примерами. Количественный анализ дискурсивных практик с использованием программы «R» выступал основным методом работы с данными. Качественный анализ, являясь дополнительным приемом, служил для подтверждения, корректировки и дополнения выводов, полученных в ходе количественного анализа.

Результаты и обсуждение. В ходе исследования были выделены следующие категории, характеризующие взаимодействие на форуме: тип сообщения, анонимность/публичность, цели коммуникации, детализация информации и лексическое разнообразие, использование специализированной терминологии, обсуждаемые проблемы, упоминание субъектов.

Тип сообщения. Анализ данных позволил зафиксировать два основных типа сообщений на форуме: просьба (запрос) и услуга (экспертиза). Сообщение пациента можно охарактеризовать как просьбу, выражающую потребность в экспертном мнении или совете. Сообщение врача может быть определено как оказание услуги в форме предоставления экспертного мнения. И врачи, и пациенты демонстрируют уважительное отношение друг к другу, о чем свидетельствует анализ ключевых слов, присущих их дискурсам. Так, для сообщений пациентов характерны такие слова и выражения, как *«пожалуйста»*, *«подскажите»*, *«спасибо».* Дискурсу врача присущи высказывания *«Ваш»*, *«необходимо»*, *«обязательно»*, *«рекомендую»*, *«возможно»*, *«С уважением*, *…».* Можно сказать, что сообщение пациента с функциональной точки зрения представляет собой репрезентацию возникшей у него или его родственника либо знакомого проблемы, а ответ врача является действием, выражающимся в консультировании пациента и иногда – в выражении беспокойства. Данная специфика ключевых слов указывает на неравную, но комплементарную коммуникацию врача и пациента. Также сообщение врача содержит элементы идентификации в виде высказывания своего мнения в отношении описанной пациентом ситуации. Точка зрения специалиста может быть выражена в качестве вероятностного предположе-

ния (например, при использовании слова «возможно») или в качестве категорического суждения (с использованием слов «необходимо», «обязательно»). На форуме представлены все три типа значений дискурса (репрезентация – обычно пациент, действие – обычно врач и идентификация – обычно врач). Во время онлайн-коммуникации конкуренция между профессионалом и пациентом отсутствует, скорее, их действия можно назвать согласованными – пациент задает вопрос, на который врач отвечает.

Анонимность/публичность. Если пациенты, оставляя вопрос на форуме, предпочитают сохранять свою анонимность, то врачи, напротив, всячески подчеркивают идентичность. Правила платформы предполагают, что медики обязаны зарегистрироваться и указать данные о себе – ФИО, портретное фото, специализацию, информацию о месте и опыте работы, об образовании, контакты: телефон, город проживания, сайт медучреждения, в котором врач работает, рейтинг (формируется автоматически на основе оценок пользователей) и др. В конце сообщения по собственной инициативе врачи могут оставлять подпись с указанием личных данных, например: «С уважением, (ФИО и специализация врача)». Такая практика не является обязательной и реализуется только частью медиков. Наиболее популярна она в рубриках о пластической хирургии и репродуктологии и в целом может выступать как часть маркетинговой стратегии, направленной на создание дополнительного стимула для дальнейших обращений к врачу как онлайн, так и оффлайн. В качестве аватара на сайте врачи используют портретное фото, тогда как пациентам это несвойственно. Как правило, пациенты размещают исключительно ту информацию о себе, которая будет, с их точки зрения, полезна для правильной постановки диагноза и получения ответа на интересующий их вопрос. Такими данными могут быть пол, возраст, рост, вес. В некоторых случаях указывается имя без фамилии. К запросу могут быть прикреплены дополнительные материалы (например, результаты анализов), доступные только специалисту, которому адресовано сообщение. Можно сказать, что политика анонимности и публичности, диктуемая правилами форума, в целом согласуется с целями врачей и пациентов.

Цели коммуникации. Идентичность врача подчеркивается не только публикацией личных данных, но и использованием в сообщениях ссылок на сайты медицинской тематики. Ссылки содержатся в 1,7 % сообщений медиков, что более, чем в 5 раз превышает суммарное количество ссылок в вопросах пациентов (0,3 %). С функциональной точки зрения назначения ссылок также различаются. Врачи с их помощью обычно продвигают собственные услуги, а пациенты, как правило, размещают ссылку на свои документы для получения более точного ответа на интересующий вопрос. Такими документами могут быть фотоматериалы, копии результатов анализов и другая информация.

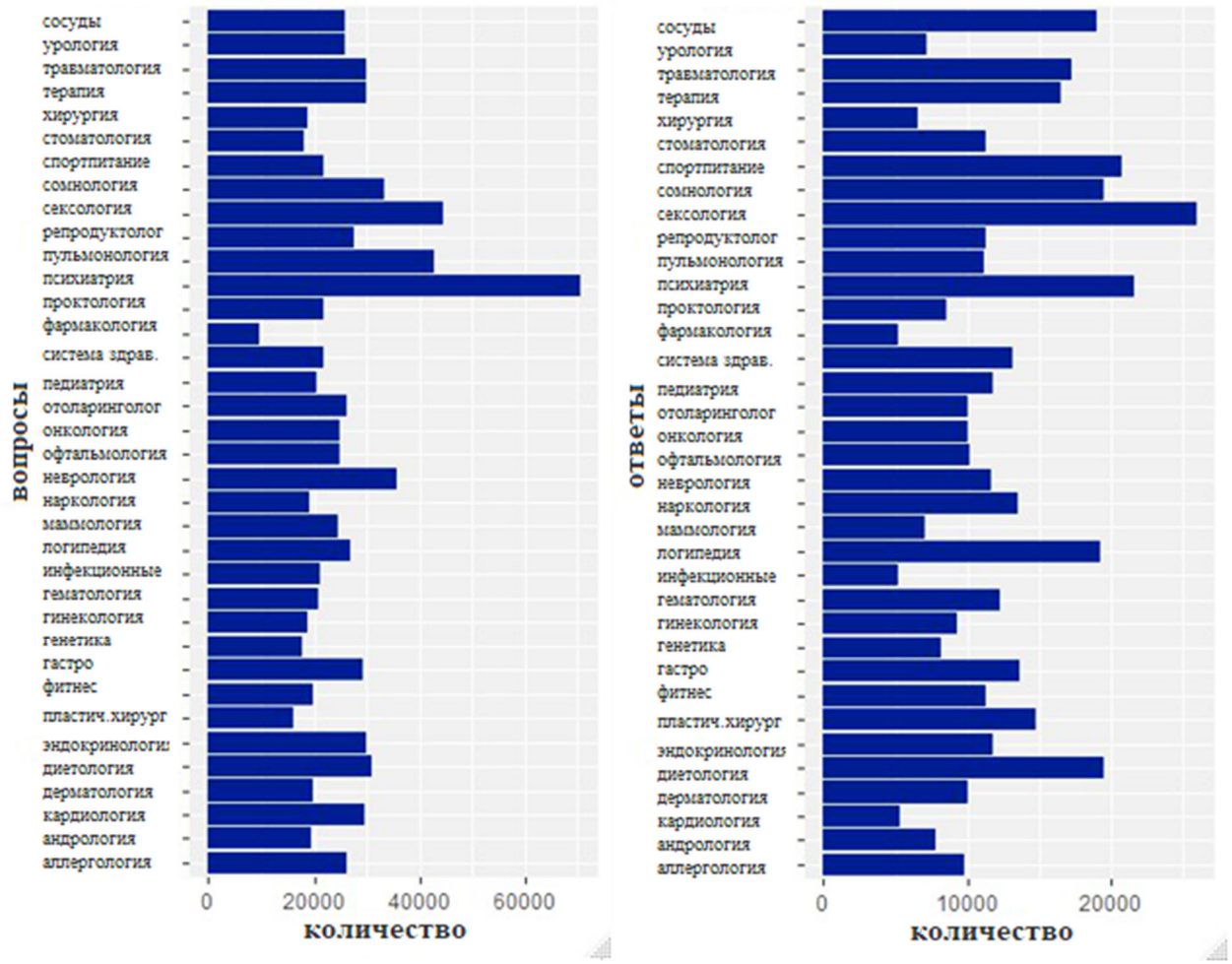
Таким образом, если основной целью пациентов, обращающихся на интернет-ресурс, является решение проблем со здоровьем при сохранении анонимности, то врачи помимо онлайн-консультирования стремятся привлечь новых клиентов, а также улучшить имидж и повысить популярность аффилированной медицинской организации. С одной стороны, сохранение анонимности пациентами, а с другой – исчерпывающая информация о враче способствуют повышению взаимного доверия между участниками взаимодействия. Пациент может размещать сенситивные сообщения и обсуждать личные проблемы, будучи уверенным, что получит не анонимный совет, а рекомендацию квалифицированного медицинского специалиста.

Детализация информации и лексическое разнообразие. В результате анализа данных было выявлено, что пациенты, по сравнению с медиками, формулируют свои мысли более развернуто. Так, по количеству слов общий объем отобранных для анализа сообщений пациентов почти в два раза превосходит объем сообщений врачей. Средний объем вопроса пациента – около семидесяти слов, а ответа специалиста – около сорока слов. При этом сообщения врачей обладают бóльшим лексическим разнообразием, чем запросы пациентов. Если коэффициент лексического разнообразия[1] ответов медиков равен 0,012, то для вопросов пациентов он составляет 0,008. Полагаем, что обнаруженные различия обусловлены тем, что сообщения пациентов более развернуты в силу необходимости подробного описания ситуации, а также в большей степени, чем сообщения врачей, наполнены общеупотребительными словами, которые используются во множестве контекстов и являются высокочастотными. Высказывания врачей, будучи более сжатыми по объему, более плотно наполнены специализированной терминологией, тогда как плотность общеупотребительных слов не так высока, как у пациентов.

Степень развернутости сообщений обеих сторон варьируется в зависимости от рубрики (рисунок). Более подробно, по сравнению с другими рубриками, пациенты формулируют запросы в разделе по психиатрии (в среднем 175 слов): он обычно включает в себя краткую историю жизни пациента, описание его личности и контекста, в котором возникли трудности с психическим здоровьем (*«Добрый день, у меня очень тяжелая ситуация, даже не знаю с чего начать. Началось все 2 года назад, в обычный пятничный день, я как всегда…»*). Наиболее лаконично формулируются вопросы в фармакологическом разделе (в среднем 25 слов): обычно запрос направлен на получение информации о том, допустимо ли сочетание определенных лекарств (*«Здравствуйте! Можно ли при анемии принимать Мальтофекр и Пикамилон вместе? Заранее Спасибо!»*). Наиболее развернуто врачи формулируют ответы в разделе по сексологии (в среднем 65 слов), наиболее кратко – в рубриках по кардиологии, фармакологии и инфекционным болезням (в среднем по 12,5 слов). Однако ни в одной из рубрик среднее количество слов в сообщениях врачей не превышает аналогичный показатель в сообщениях пациентов. Таким образом, если дискурс пациента подразумевает подробное описание ситуации, ее особенностей, то дискурс врача более лаконичен. Несмотря на разницу в средних объемах сообщений в зависимости от рубрики, в любом разделе врачи в целом менее многословны, чем пациенты.

---

[1]Рассчитывается по формуле TTR = V / N, где TTR – коэффициент лексического разнообразия, V – количество уникальных слов в сообщениях, N – общее количество слов в сообщениях. При подсчете коэффициента не учитывались стоп-слова, встроенные в библиотеку «tm» (*и, в, во, не, что, он, на, я, с, со, как, а, то, все, она, так, его, но, да, ты, к, у, же, вы, за, бы, по, только, ее, мне, было, вот, от, меня, еще, нет, о, из, ему, теперь, когда, даже, ну, вдруг, ли, если, уже, или, ни, быть, был, него, до, вас, нибудь, опять, уж, вам, сказал, ведь, там, потом, себя, ничего, ей, может, они, тут, где, есть, надо, ней, для, мы, тебя, их, чем, была, сам, чтоб, без, будто, человек, чего, раз, тоже, себе, под, жизнь, будет, ж, тогда, кто, этот, говорил, того, потому, этого, какой, совсем, ним, здесь, этом, один, почти, мой, тем, чтобы, нее, кажется, сейчас, были, куда, зачем, сказать, всех, никогда, сегодня, можно, при, наконец, два, об, другой, хоть, после, над, больше, тот, через, эти, нас, про, всего, них, какая, много, разве, сказала, три, эту, моя, впрочем, хорошо, свою, этой, перед, иногда, лучше, чуть, том, нельзя, такой, им, более, всегда, конечно, всю, между*), другие слова длиной менее трех символов и слова с частотностью менее 10 слов на весь массив сообщений врачей либо пациентов.



Количество слов в сообщениях врачей и пациентов по рубрикам форума
Number of words in messages of doctors and patients by forum headings

Результаты корреляционного анализа содержания сообщений позволяют заключить, что, несмотря на имеющиеся различия, дискурсы врачей и пациентов взаимосвязаны. Связи между вопросами, размещаемыми в разных рубриках, значительно сильнее, чем между ответами врачей. Это указывает на большую дифференцированность дискурсов врачей в зависимости от раздела по сравнению с дискурсами пациентов. Обнаруженные различия могут объясняться большей насыщенностью текстов врачей специфическими для конкретной медицинской проблематики лексическими категориями, а также наполненностью запросов пациентов общеупотребительными словами. Полученные данные свидетельствуют о большей унифицированности сообщений пациентов и меньшей связанности их лексического содержания с принадлежностью к определенной рубрике по сравнению с ответами врачей. Таким образом, дискурс врачей в большей степени детерминирован рубрикой, чем дискурс пациентов. Содержания сообщений врачей и пациентов тоже достаточно сильно коррелируют (значение коэффициента – 0,71), что позволяет сделать вывод о том, что вопросы и ответы на форуме в большой степени согласованы между собой.

Использование специализированной терминологии. Все участники взаимодействия используют специализированные медицинские термины, среди которых названия заболеваний, лекарств, процедур и другие понятия, специфические для разных разделов. Применение медицинской терминологии не сопровождается ее расшифровкой или интерпретацией.

К примеру, врач может ответить следующим образом: *«…Из косметологических процедур в Вашем случае будут эффективны пилинги и PRP-терапия. Удачи! С уважением, …»*, *«Вероятно, в вашем случае имеется спонтанная крапивница и ангиоотек. При этом заболевании определенных провоцирующих факторов нет, и необходим подбор адекватной терапии для контроля над симптомами. Обращайтесь очно к аллергологу»*. Пациент, оперируя специальными понятиями и не уточняя их значения, дискурсивно выравнивает коммуникацию. Так, он демонстрирует, что способен самостоятельно разобраться с содержанием термина или уже знает его значение. Кроме того, использование специализированной терминологии обеспечивает большую однозначность формулировок – значение терминов строго фиксировано.

Обсуждаемые проблемы. Анализ поднимаемых вопросов продемонстрировал, что чаще всего обсуждаются проблемы со здоровьем, вызвавшие беспокойство недавно. Обращение к специалисту на форуме позволяет определить действительное наличие проблемы, решить, к какому врачу обратиться, заменить онлайн-консультацией первичное посещение медицинского учреждения. Одним из распространенных запросов является просьба расшифровать результаты диагностики: в этом случае обращение заменяет вторичное посещение врача.

Наиболее часто пациенты оставляют сообщения в рубриках по гинекологии, инфекционным и паразитарным заболеваниям, отоларингологии, педиатрии – в этих рубриках в день максимально может публиковаться по 10–20 сообщений. Реже, но тоже активно задают вопросы по неврологии, стоматологии, хирургии, онкологии, кардиологии и урологии. Нечасто и нерегулярно используются разделы по маммологии, репродуктологии, фитнесу и спортивному питанию, пластической хирургии, а также рубрика «Пациент и здравоохранение». Интенсивность запросов в ветках по фитнесу и спортивному питанию имеет выраженную сезонность: они наименее популярны в зимние месяцы. Можно предположить, что данные тематики воспринимаются как немедицинские, и значительная часть обсуждений разворачивается на других электронных площадках.

Упоминание субъектов. Запросы пациентов могут содержать описание проблемы со здоровьем не только у себя, но и у родственника/знакомого. Таким образом, помимо авторов запросов пациентами на онлайн-форуме становятся дети, родственники или другие знакомые, фигурирующие в тексте сообщения. Дети упоминаются или в качестве пациентов – ребенок, сын, дочь, дочка *(«…цитрусовые отменила, дыхание, нос потихоньку возвращается. Ребенок просит малиновое варенье, яблоки, бананы…»*), или в контексте репродуктивных проблем (*«Пытаемся с супругой завести ребенка уже 2 года. Она проверялась у гинеколога, сдавала АМГ, все в норме. У меня дети от первого брака есть…»*). Родственники фигурируют в нескольких основных ситуациях: как имеющие аналогичные проблемы со здоровьем (в контексте генетики и наследственности); как пациенты (*«по линии мужа трое ближайших родственников умерли от рака: брат от лейкоза детском возрасте…»*); как участники контекста ситуации (*«поела у родственников торт белковым кремом…»*, *«ребенок общается основном родственниками»*, *«Ушел в запой… каждый день родственники поднимали*, *нервы с каждым днем все хуже»*). Родители (в формулировке «мама» и «папа»), как правило, обозначены в качестве пациентов. Однако «мать» и «отец», кроме того, часто фигурируют в контексте обсуждения проблем наследственности (*«в детстве была полной*, *отец полный*, *мать худая – школу окончила с весом…»*), беременно-

сти, отцовства или описания жизненной ситуации (*«живу одна ребенком, отец ушел…», «отец работает учителем в школе последнее время»*). «Дед» и «бабушка» выступают в основном как пациенты (*«у бабушки часто в течение дня скачет давление»*), иногда – в качестве няни для ребенка (*«сына отправляли бабушке»*) или в контексте генетических вопросов (*«у бабушки отцы разные, мать одна получается»*[1]).

Слово «пациент», распространенное у врачей для обозначения субъектов, о которых идет речь в сообщениях, обычно используется ими для типизации ситуации и способов решения проблемы пациента (*«вообще обычно специалисты знают куда направлять пациента», «диета пациента с атопическим дерматитом должна формироваться…»*). Его применение способствует обезличиванию ситуации задающего вопрос. Для представления сообщения в персонализированном виде используются местоимения «Вам», «Ваш» (*«…вашу ситуацию лабораторной диагностики…», «…понадобится минимум 1,5–2 месяца при условии соблюдения Вами всех предписаний врача (прием железа, лечение сопутствующих заболеваний)…»*). Если для пациента характерно использование в описании ситуации различных субъектов, таких как ребенок, мать, отец, муж, бабушка, дедушка и другие, то для врачей главный субъект – пациент. Исключением являются дети, для обозначения которых медики используют понятие «ребенок», что дискурсивно выделяет их в отдельную категорию. Таким образом, если сообщение пациента подразумевает описание уникальной ситуации, то врач при ответе на вопрос дискурсивно типизирует случай пациента, относит его к определенной категории и представляет подходящее для типизированной ситуации решение. Во многих случаях ответ специалиста включает рекомендацию очного посещения врача определенной специализации.

Заключение. В условиях цифровизации здравоохранения медицинское консультирование онлайн становится все более распространенной практикой, а потому трансформации во взаимодействии между врачом и пациентом, обусловленные новым типом коммуникации, представляют значительный научный интерес. Мы попытались описать и проанализировать дискурсивные практики взаимодействующих на медицинском интернет-форуме «Health.mail.ru», что позволило сформулировать предположения о соответствующих социальных практиках.

Обращение с запросом на форуме заменяет посещение пациентом медицинского учреждения – как первичное (например, на этапе возникновения проблемы), так и повторное (например, когда требуются конкретизация и проверка обоснованности предписаний врача или расшифровка результатов анализов и обследований). Ответное сообщение врача представляет собой экспертную оценку ситуации, а также выдачу рекомендаций. Легитимация экспертизы в онлайн-коммуникации обеспечивается требованиями размещения на сайте профессиональной и личной информации специалиста. При этом пациент имеет возможность оставаться анонимом, что способствует обсуждению сенситивных вопросов, развернутому описанию беспокоящей ситуации, упоминанию в сообщении родных и знакомых и т. д. Таким образом, свойственная любой интернет-коммуникации дихотомия «публичное–приватное» проникает и сюда, но специфическим образом: только один из участников взаимодействия точно знает, с кем общается. Поэтому при развернутых описаниях случая со стороны пациента наблюдаются лаконичные ответы врачей, типизирующие

[1] Дословная цитата из сообщения на форуме.

ситуацию. В результате личностный аспект исключается из коммуникации, а запрос предстает как еще один клинический случай в ряду других.

Врачи обычно представляют конкретные медицинские учреждения, и для них взаимодействие на форуме является частью профессиональной деятельности в рамках занимаемой должности. Как для организации, так и для самого врача такая платформа полезна в качестве средства для продвижения своих услуг и укрепления имиджа. В некоторых случаях медики рекомендуют пациенту обратиться к специалистам очно.

Дискурсы и врачей, и пациентов насыщены специальной медицинской терминологией, которая не расшифровывается, что требует от пациента быть компетентным в вопросе, который он задает. Это особенно интересно, если учесть, что чаще всего на форуме обсуждаются проблемы, возникшие недавно, и в этом случае онлайн-консультация заменяет первичный прием. Эквивалентное использование медицинских категорий выравнивает традиционно несимметричную коммуникацию между медиком и обывателем. В роли пациента может выступать не только человек, размещающий запрос, но и его родственник или знакомый. Если дискурс пациентов содержит упоминания различных субъектов, нуждающихся в помощи, например, членов семьи участника форума, то в дискурсе врачей для их обозначения используется только слово «пациент». Для специалиста спрашивающий выступает типичным пациентом, что также обезличивает коммуникацию.

Таким образом, распространение онлайн-консультирования по медицинским вопросам вносит вклад в формирование новых типов отношений между врачом и пациентом. Переход медицинской коммуникации в онлайн-формат подразумевает некоторую демократизацию во взаимодействии врача и пациента. С одной стороны, их отношения становятся более автономными и более симметричными, а с другой – более безличными, нивелирующими возможность установления персональных связей и погружения в уникальный случай пациента и не способствующими развитию долгосрочных взаимоотношений между врачом и пациентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lucivero F., Jongsma K. R. A mobile revolution for healthcare? Setting the agenda for bioethics // J. of Medical Ethics. 2018. Vol. 44, № 10. P. 685–689. DOI: 10.1136/medethics-2017-104741.

2. Swan M. Health 2050: The realization of personalized medicine through crowdsourcing, the quantified self, and the participatory biocitizen // J. of Personalized Medicine. 2012. Vol. 2, № 3. P. 93–118. DOI: 10.3390/jpm2030093.

3. Синицын В. Скворцова рассказала, как в России будет работать цифровая медицина будущего. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201802221759-lo9l.htm (дата обращения: 11.09.2020).

4. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья».

5. Denton J. A. Medical sociology. Boston: Houghton Mifflin, 1978.

6. Hughes E. C. Book review: Profession of Medicine // Science. 1970. Vol. 169, iss. 3948. P. 846. DOI: 10.1126/science.169.3948.846.

7. Парсонс Т. Профессии и социальная структура / пер. с англ. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. Реферативный журнал. 2015. № 4. С. 153–170.

8. Парсонс Т. Социальные системы / пер. с англ. В. Г. Николаева // Вопр. социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1 (2). С. 38–71.

9. Ахнина К. В. Коммуникативно-речевые особенности сетевого медицинского дискурса // Вестн. РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 3. С. 7–11.

10. Гущин А. В. Интернет-общение как материал для анализа отношений врача и пациента // Социология медицины. 2012. № 1 (20). С. 38–41.

11. Дайнеко М. П., Ирисханова О. К. Речевые стратегии и тактики конструирования статуса эксперта/специалиста в институциональной интернет-коммуникации // Вестн. МГЛУ. 2010. Вып. 18. С. 118–199.

12. Сидорова И. Г. Медикализация интернет-дискурса: коммуникативно-прагматические характеристики персонального сайта врача // Homo loquens (вопросы лингвистики и транслатологии): сб. ст. Волгоград: ВолГУ, 2017. С. 186–199.

13. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual analysis for social research. London, NY: Routledge, 2003.

14. Николаенко Г. А., Федорова А. А. Нереактивная стратегия: применимость незаметных методов сбора социологической информации в условиях Web 2.0 на примере цифровой этнографии и Big Data // Социология власти. 2017. Т. 29, № 4. С. 36–54.

Информация об авторе.

Искандерова Лилия Витальевна – магистр социологии (2019), Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 7 научных статей. Сфера научных интересов: социология медицины, социология демографии, социология коммуникаций, дискурс-анализ, онлайн-взаимодействие. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3281-192X. E-mail: liliyaiskanderova@gmail.com

Благодарность. Автор выражает благодарность Елене Сергеевне Богомягковой за ценные советы и помощь в подготовке статьи.

REFERENCES

1. Lucivero, F. and Jongsma, K.R. (2018), “A mobile revolution for healthcare? Setting the agenda for bioethics”, *Journal of Medical Ethics*, vol. 44, no. 10, pp. 685–689. DOI: 10.1136/medethics-2017-104741.

2. Swan, M. (2012), “Health 2050: The realization of personalized medicine through crowdsourcing, the quantified self, and the participatory biocitizen”, *Journal of personalized medicine*, vol. 2, no. 3, pp. 93–118. DOI: 10.3390/jpm2030093.

3. Sinitsyn, V. *Skvorcova rasskazala, kak v Rossii budet rabotat' cifrovaja medicina budushhego* [Skvorcova told how will work digital medicine of the future in Russia], available at: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201802221759-lo9l.htm (accessed 11.09.2020).

4. *Federal'nyi zakon RF ot 29 iyulya 2017 g. N 242-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam primeneniya informatsionnykh tekhnologii v sfere okhrany zdorov'ya»* [Federal Law of the Russian Federation of July 29, 2017 N 242-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Application of Information Technologies in the Sphere of Health Protection”].

5. Denton, J.A. (1978), *Medical sociology*, Houghton Mifflin, Boston, USA.

6. Hughes, E.C. (1970), “Book review: Profession of Medicine. Freidson, E. Dodd, Mead, NY, 1970”, *Science*, vol. 169, iss. 3948, p. 846. DOI: 10.1126/science.169.3948.846.

7. Parsons, T. (2015), “The professions and social structure”, Transl. by Nikolaev, V. G., *Social sciences and humanities. domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, no. 4, pp. 153–170.

8. Parsons, T. (2008), “International Encyclopedia of the Social Sciences”, Transl. by Nikolaev, V.G., *Scientific almanac questions of the social theory*, vol. II, no. 1(2), pp. 38–71.

9. Akhnina, K.V. (2015), "Communicative pecularities of internet medical discourse", *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Russian and foreign languages, methods of its teaching*, no. 3, pp. 7–11.

10. Guschin, A.V. (2012), "The internet communication as material to analyze the physicianpatient relationship", *Sociology of Medicine*, no. 1 (20), pp. 38–41.

11. Dayneko, M.P. and Iriskhanova, O.K. (2010), "Communicative strategies and tactics of expert status construction in the computer mediated institutional discourse", *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 18, pp. 118–199.

12. Sidorova, I.G. (2017), "Medicalization of internet discourse: communicative and pragmatic characteristics of a doctor's personal website", *Homo loquens (voprosy lingvistiki i transljatologii)* [Homo loquens (linguistic and translation issues)], VolSU, Volgograd, pp. 186–199.

13. Fairclough, N. (2003), *Analysing Discourse: Textual analysis for social research*, Routledge, London, NY, USA.

14. Nikolaenko, G.A. and Fedorova, A.A. (2017) "Non-Reactive Strategy: Unobtrusive Methods of Gathering Sociological Information in Web 2.0 Age – Evidence from Digital Ethnography and Big Data", *Sociology of Power*, vol. 29, no. 4, pp. 36–54.

Information about the author.

Liliya V. Iskanderova – Master (Sociology) (2019), Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 7 scientific publications. Area of expertise: sociology of medicine, sociology of demography, sociology of communication, discourse analysis, online-communication. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3281-192X. E-mail: liliyaiskanderova@gmail.com

Acknowledgments. The author would like to express her gratitude to E. S. Bogomyagkova for valuable advice and help in preparation of the paper.

Языкознание
Linguistics

УДК 81.442 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-87-96
Оригинальная статья / Original paper

Вокалический коэффициент как один из важнейших параметров фонетической классификации языков мира

Н. К. Генидзе✉

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

✉lingvotheory@inbox.ru

Введение: Статья посвящена анализу одного из важнейших критериев фонетической типологии – соотношению гласных и согласных фонем в различных языках мира. Вокалические и консонантные системы могут насчитывать разное количество единиц и, по всей видимости, функции гласных и согласных в языке различаются. Актуальность и научная новизна состоит в проведении качественного и количественного анализа и сравнения грамматических и фонологических систем типологически, генетически и исторически различных языков.

Методология и источники. Для определения типа языка вводится понятие «вокалический коэффициент» (vocalic ratio), обозначающий отношение количества гласных к количеству согласных, выражаемое формулой: $vk = V / C$. С учетом данного коэффициента предложено разделение языков на *вокалические* – $vk > 1.3$, *консонантные* – $vk < 0.7$ и *смешанные* – $0.7 > vk > 1.3$. В статье используются концепции Ф. де Соссюра (структура индоевропейского корня) и А. В. Исаченко (фонетическая типологическая классификация).

Результаты и обсуждение. Автор предпринял сравнительный анализ фонологических систем и фонетический анализ отрывков текста на нескольких языках разной степени родства и относящихся к разным историческим периодам: готского, древнеанглийского, древнеисландского, английского, датского, французского, финского. Отмечается факт определенного соответствия между строем языка и соотношением гласных и согласных фонем в нем, т. е. связь фонетической и морфолого-синтаксической классификаций.

Заключение. Как показало проведенное исследование, проявление аналитических тенденций на фонетическом уровне связано с распределением гласных и согласных фонем в языке и речи, а также с исторически обусловленным различием роли согласных и гласных фонем в языке. По всей видимости, тенденция развития языка от флективно-синтетического к аналитическому или агглютинативному (агглютинативно-аналитическому) должна затрагивать различные уровни языка, и, в частности, фонетический. Согласные звуки более устойчивы и реже подвергаются изменениям, они несут в основном смыслоразличительную функцию, поэтому родственные слова так похожи. По-видимому, развитие системы гласных фиксирует развитие аналитических функций, которые не могут не отражаться на организации системы языка. Возможно, увеличение количества гласных, появление дифтонгов и трифтонгов связано со становлением аналитизма в языке.

© Генидзе Н.К., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: вокалический коэффициент, вокалические языки, консонантные языки, фонетическая типология, сравнительная типология.

Для цитирования: Генидзе Н. К. Вокалический коэффициент как один из важнейших параметров фонетической классификации языков мира // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 87–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-87-96

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 10.06.2020; принята после рецензирования 31.07.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

Vocalic Ratio as One of the Most Important Criteria of Phonetic Classification of World Languages

Natalia K. Genidze✉

Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

✉lingvotheory@inbox.ru

Introduction. The article analyses the vowel-consonant ratio as one of the most important criteria of phonetic typology in the world languages. Scientific relevance of the research is based on quantitative and qualitative analysis and comparison of grammar and phonetics in typologically, genetically and historically different languages.

Methodology and sources. Certain language is determined by vocalic ratio – a concept introduced to identify the vowels-consonant relation and measured through $vk = V/C$. Thus, all the languages can be either *vocalic* ($vk > 1.3$), *consonantal* ($vk < 0.7$) or *mixed* ($0.7 > vk > 1.3$). The article concerns the ideas by Ferdinand de Saussure (Indo-European root's structure) and Aleksander V. Isachenko (phonetic typology).

Results and discussion. The author conducts a comparative analysis of phonological systems and phonetic analysis of text fragments in several languages of different families and different historical periods: Gothic, old English, old Icelandic, English, Danish, French, and Finnish. The research reveals how the language's structure matches its vowel-consonant ratio, i. e. disclose a link between its phonetic and morphology-syntactic classifications.

Conclusion. The research has proved the fact that analytic trends in phonemes, on the one hand, depend on the vowel-consonant distribution in the language and speech, and on historically determined difference between the phonemes' function – on the other. Inevitably, too, the language's evolution from inflectional-synthetic to analytic or agglutinative (analytic-agglutinative) type affects all language levels, including the phonetic one. Consonants are stronger and almost resistible to changes; they function to distinguish the sense, making relative words so similar. The development of vowel system triggers the development of analytic functions, which are bound to impact the language system. Increasing number of vowels, emerging diphthongs and triphthongs are the result of analytic abilities of the language.

Key words: vocalic ratio, vocalic languages, consonantal languages, phonetic typology, comparative typology.

For citation: Genidze N. K. Vocalic Ratio as One of the Most Important Criteria of Phonetic Classification of World Languages. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 87–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-87-96 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.06.2020; adopted after review 31.07.2020; published online 25.11.2020

Введение. В настоящее время ни один из известных языков мира не обладает неограниченным набором фонем: в каждом языке существует определенное, легко перечисляемое множество звуковых характеристик, образующих более или менее упорядоченную систему. Согласно одной из фонетико-фонологических универсалий количество фонем в различных языках мира находится в интервале от 10 до 81, в среднем составляя 40–50 единиц. При этом существует определенное минимальное количество фонем, которое может быть в языке, а также фонемы, встречающиеся в большинстве языков. Так, например, практически во всех фонологических системах имеется некоторый консонантный и вокалический минимум: взрывные **p**, **t**, **k**; фрикативный **s** или **h**; сонорные: **j**, плавный **r** или **l**, носовой **n** и не менее 2 гласных фонем. Согласно еще одной универсалии, если в системе есть лишь одна оппозиция гласных, то это оппозиция по высоте подъема языка (противопоставление открытых и закрытых гласных), а не оппозиция по ряду (противопоставление передних и задних гласных). При этом количество гласных нижнего подъема не превышает общее количество гласных среднего и верхнего подъема [1, с. 266]. Интересна в данном случае и связь с онтогенезом речи: в детской речи противопоставление гласных по подъему появляется раньше, чем противопоставление по ряду. При этом различия между гласными ребенок усваивает раньше различий между согласными. Что касается порядка усвоения согласных, то он достаточно универсален для языков мира: губные появляются раньше язычных, при этом твердые губные раньше мягких губных, а мягкие зубные раньше твердых; смычные согласные появляются раньше щелевых, а свистящие раньше шипящих [2, с. 73–75].

Количество гласных фонем в различных языках может варьироваться от достаточно простого и бедного вокализма, например, 3 гласных (что является достаточно редким случаем) в абхазском, австралийском языке аранта и южно-американских языках кечуа и аймара, 5–6 гласных в целом ряде языков различных семей и групп (греческий, испанский, таджикский, гавайский, японский и др.) до богатого вокализма (фризский – 19 монофтонгов, 26 дифтонгов и 6 трифтонгов, корейский – 10 монофтонгов и 11 дифтонгов и др.). Аналогичная картина и в системе согласных: от достаточно редко встречающегося бедного консонантизма в гавайском (8 согласных) до богатого консонантизма (68 в абхазском, 45 в литовском, 39 в норвежском, 36–39 в исландском, 35 в шведском и др.); часто встречается и среднее количество согласных (20–25), например, в английском, немецком, испанском, итальянском, французском, нидерландском, узбекском, персидском, таджикском и др.

Практически для любой системы характерно наличие гласных основного треугольника: /**i**/ – /**u**/ – /**a**/. Во многих языках также имеются гласные /**e**/, /**o**/. Нередко лингвистика, описывая эти пять фонем, использует понятие «базовые фонемы». Наличие базовых гласных и согласных фонем практически в любой языковой системе можно объяснить, обратившись к истории языка или группы языков. Отметим также, что наряду с основными в системе возможно наличие факультативных фонем, что, в частности, отражает перестройку фонемной системы: исчезновение старых и появление новых фонем не может происходить одновременно в речи всех носителей языка.

В. Г. Таранец, изучающий энергетическую структуру слога и слова, считает, что среди согласных, и гласных первоначально выделялись наиболее контрастные с точки зрения энергетичности звуки. Этот физиологический признак находит выражение в противопо-

ставлении гласных низкого подъема и гласных высокого подъема (**a** – **i**, **u**), гласных переднего и заднего ряда (**i** – **u**). По мнению автора, письменные памятники некоторых языков свидетельствуют о том, что эти противопоставления очень древние. Так, например, в алфавите древнеперсидского языка (IV в. до н. э.) существовали знаки только для трех гласных звуков – **a**, **i**, **u**, в то же время 33 знака для согласных. Таким образом, гласные **a**, **i**, **u**, (долгие и краткие) считаются древнейшими и наиболее общими гласными индоевропейских языков. Ссылаясь на исследования Я. Гримма, автор отмечает, что индийский и готский языки также свидетельствуют о том, что первоначально возникли краткие гласные **a**, **i**, **u**, в то время как гласные **e**, **o** представляют собой результат развития вокализма более позднего периода. В древнеперсидском и авестийских языках гласные среднего подъема **e**, **o** также возникают в более позднее время.

Из всего вышесказанного, можно предположить, что на одном из последующих этапов развития языка появляется противопоставление гласных среднего подъема, с одной стороны, и гласных высокого и низкого подъема, с другой. Одновременно происходит противопоставление гласного **e** переднего ряда и **o** заднего ряда. История германских языков свидетельствует также о возникновении лабиализованных гласных переднего ряда **ü**, **ö** в противоположность лабиализованным гласным заднего ряда **u**, **o**. Таким образом, лингвистическое противопоставление закрепляется на наиболее контрастных в артикуляторном отношении участках, что приводит к дифференциации тех или иных гласных. Своеобразное развитие фонологической системы в каждом языке привело к возникновению различных вариантов противопоставления гласных звуков [3, с. 31, 37–38].

История отдельных языков показывает неустойчивость отдельных фонем, например, межзубных (**θ**, **ð**), придыхательных смычных (**bh**, **dh**, **gh**, **kh**, **ph**), палатализованных согласных; наблюдается тенденция к устранению долгих гласных, сокращению дифтонгов и упрощению групп согласных, что, по-видимому, связано с тенденцией к экономии физиологических затрат в звуковой сфере [4, с. 95–112].

Вокалические и консонантные системы могут насчитывать разное количество единиц и, по всей видимости, функции гласных и согласных в языке различаются. Подтверждением того, что роль согласных и гласных фонем в языке исторически не одинакова, является структура индоевропейского корня, выделенная Ф. де Соссюром: **CVC**, где согласные (**C**) не выражали грамматического значения глагола, в то время как чередование гласных (**V**) являлось грамматическим показателем формы глагола. Это явление, известное как *аблаут*, свидетельствует о том, что функциональным назначением гласных была передача грамматического значения, более абстрактного, чем лексическое, по своей природе. По-видимому, развитие системы гласных фиксирует развитие аналитических функций, которые не могут не отражаться на организации системы языка. В семито-хамитских языках также можно наблюдать несоответствие между ролью гласных и согласных фонем: значение слова выражается преимущественно согласными, в то время как гласные, которые практически не выделяются на письме, выражают главным образом грамматические категории. Согласные звуки более устойчивы и реже подвергаются изменениям, они несут в основном смыслоразличительную функцию, поэтому родственные слова так похожи. Кроме того, текст, написанный без букв, обозначающих гласные звуки, может быть понят носителями языка практически без потери информации [5].

Методология и источники. Количественный состав фонологических систем различных языков является одним из основных для фонетической типологической классификации языков. Критерии количества гласных, музыкального ударения, твердости и мягкости согласных были выдвинуты А. В. Исаченко на материале славянских языков. Автор выделил три (два основных и один промежуточный) типа языков [6, с. 106–121]: языки радикального **вокалического** типа (сербохорватский, словенский, кашубский), языки радикального **консонантического** типа (восточнославянские, лужицкий, болгарский) и языки **промежуточного** типа (литературный словацкий язык).

В дальнейшем исследования соотношения гласных и согласных продолжались. Так, например, московский лингвист О. С. Широков также условно разделяет языки на два типа: *консонантные* языки (например, русский, украинский, испанский), в которых основная информация передается согласными, и *вокалические* (смешанный тип, так как языков с большим перевесом числа гласных, по мнению автора не существует, например, французский, немецкий, английский), в которых различия гласных играют почти такую же роль при передаче информации, как и различия согласных [7, с. 13]. По-видимому, нельзя полностью согласиться с автором, который отмечает, что в самых различных языках согласных всегда больше, чем гласных, и, следовательно, в текстах они встречаются чаще. Из результатов проведенного исследования и вышеприведенных данных [5] видно, что существуют языки, в которых гласных больше, чем согласных. Таким образом, утверждение О. С. Широкова о том, что «языков с большим перевесом числа гласных над числом согласных вообще не существует» [7, с. 13] представляется неверным (например, в датском по разным оценкам выделяют 29–32 гласных и 19–15 согласных), а такого рода разделение на два типа неточным. Кроме того, как показало то же исследование, соотношение гласных и согласных фонем в языке и речи может различаться.

По нашему мнению, необходимо выделение трех типов: на основании соотношения гласных и согласных языки могут быть условно разделены на **консонантные**, **вокалические** и **смешанные**. Для определения типа языка был введено понятие «вокалический коэффициент» (vocalic ratio). Данный коэффициент обозначает отношение количества гласных к количеству согласных, выражаемое формулой: $vk = V/C$. С учетом выделения смешанного типа, было предложено следующее условное разделение: вокалические языки – **vk > 1.3**, консонантные – **vk < 0.7**, смешанные – **0.7 > vk > 1.3**.

Результаты и обсуждение. Таким образом, для классификации языков на основе параметра соотношения гласных и согласных необходимо найти численное значение вокалического коэффициента для каждого языка. Вокалический коэффициент может быть применен к любой системе, в которой наблюдается противопоставление *гласный: согласный*: алфавит данного языка (буквы, обозначающие гласные и согласные); система фонем данного языка; письменный текст; устный текст. Нельзя не учитывать, что значение коэффициента может варьироваться в известных пределах, вследствие того, что вопрос о статусе и фонематической самостоятельности отдельных согласных и гласных фонем в различных языках является дискуссионным: количественные характеристики фонологических систем могут отличаться в работах разных исследователей.

В качестве примера, рассчитаем численное значение вокалического коэффициента для некоторых языков (табл. 1). Для наглядности в каждом случае ограничим данные одним

источником. Языки в таблице расположены по степени увеличения вычисленного вокалического коэффициента (***vk***).

Таблица 1. Вокалический коэффициент
Table 1. Vocalic ratio (ratio of vowels to consonants)

Язык	Всего фонем (**Ph**) (100 %)	Гласные (**V**) (% от **Ph**)	Согласные (**C**) (% от **Ph**)	Вокалический коэффициент (**vk**)
Шведский	52	17 (33%)	35 (67%)	0.49
Готский	30	10 (33%)	20 (67%)	0.5
Древнеисландский	44	16 (36%)	28 (64%)	0.57
Древнеанглийский (вариант 1)	54(55)	20 (37 %)	34(35) (63 %)	0,57 (0,59)
Древнеанглийский (вариант 2)	39	23(59 %)	16 (41%)	1,44
Фарерский	59	23 (39 %)	36 (61%)	0,64
Норвежский	64(63)	25 (39–40 %)	39(38) (61–60%)	0,66 (0,64)
Исландский	62–65	26 (42–40 %)	36–39 (58–60%)	0,72–0,67
Французский	36	16 (44 %)	20 (56 %)	0,8
Латинский	35	16 (46 %)	19 (54 %)	0,84
Английский	45	21 (47 %)	24 (53 %)	0,88
Немецкий	40	19 (47,5 %)	21 (52,5 %)	0,9
Нидерландский	42	21 (50 %)	21 (50 %)	1,00
Финский (вариант 1)	39	26 (67 %)	13 (33 %)	2,00
*Финский (вариант 2)	56	34 (61 %)	26 (39 %)	1,55
Датский	47	32 (68 %)	15 (32 %)	2,13
Фризский (без учета трифтонгов (6), которые часто рассматривают как полифонемные сочетания)	64(65)	45 (70–69 %)	19(20) (30–31 %)	2,37–2,25

Таким образом, из указанных выше языков готский, древнеисландский, шведский, фарерский, норвежский, исландский являются консонантными; датский, фризский и финский – вокалическими; а английский, немецкий, латинский, французский, нидерландский – смешанными. Древнеанглийский язык можно считать консонантным, если рассматривать геминаты как отдельные фонемы (вариант 1) или близким к вокалическим, если их не выделять как отдельные фонемы (вариант 2). Мы придерживаемся первого варианта, потому что так же, как и в древнеисландском языке, долгота гласных и согласных была фонематична. Долгие согласные характерны и для современных скандинавских языков (кроме датского): для исландского, фарерского, норвежского, шведского, например, шв. *väg**g**en* – стена и *väg**e**n* – дорога, a**l** – ольха и a**ll** – весь, di**t** [i:] – туда и di**tt** [i] – твое; норв. ta**k** – крыша и ta**kk** – спасибо. Финский язык можно отнести к вокалическим независимо от того, считать ли долгие и краткие гласные и согласные отдельными фонемами (вариант 1) или нет (вариант 2). Мы также придерживаемся первого варианта, так как долгота и краткость гласных и согласных несет смыслоразличительный характер: t**il**i – счет, t**ii**li – кирпич, t**ill**i – укроп, t**ul**i – огонь, t**uul**i – ветер, t**ull**i – таможня.

По-видимому, для точной характеристики степени вокаличности того или иного языка необходимо учитывать соотношение гласных и согласных фонем не только в системе, но и в различных текстах, а также статистические данные, указывающие на то, как часто те или иные гласные и согласные фонемы встречаются в текстах. Эти показатели могут значительно расходиться. Такая классификация, безусловно, требует статистической обработки большого количества текстов, сложность представляет и тот факт, что не во всех языках

написание отражает произношение. Значение коэффициента может варьироваться в известных пределах в зависимости от того, к какому жанру и функциональному стилю принадлежит текст. Поэтому сравнительное постоянство этого коэффициента для разных текстов одного языка является экспериментальным фактом, который, по нашему мнению, не может быть доказан теоретически. Необходимо также вычисление погрешности.

Исследователи отмечают, что «в целом в германских языках («вокалических» по составу фонем в системе) преобладают согласные в текстах, а «консонантические» романские языки показывают статистическое преобладание гласных» [8, с. 26]. М. В. Гордина, ссылаясь на данные различных исследователей, отмечает, что во французском языке гласные составляют 45–46 %, а согласные 55–54 % всех фонем в речевой цепи [9, с. 198], т. е. **vk = 0.82** (**0.85**).

Интерес также представляет факт определенного соответствия между строем языка и соотношением гласных и согласных фонем в нем, т. е. связь фонетической и морфолого-синтаксической классификаций. Приведем примеры таких соответствий (табл. 2).

Таблица 2. Случаи соответствия между различными типологическими классификациями
Table 2. Cases of correspondence between different typological classifications

Язык	vk	Тип языка	
		Фонетика	Морфология, синтаксис
Русский	0.14 (0.17)	Консонантный	Синтетический, флективный
Армянский	0.2	Консонантный	Синтетический, флективный
Албанский	0.24	Консонантный	Синтетический, флективный
Литовский	0.27	Консонантный	Синтетический, флективный
Чукотский	0.43	Консонантный	Инкорпорирующий, агглютинативный
Готский	0.5	Консонантный	Синтетический, флективный
Древнеисландский	0.57	Консонантный	Синтетический, флективный
Древнеанглийский	0.59 (0.57)	Консонантный	Синтетический, флективный
Бурятский	0.63	Консонантный	Синтетический, агглютинативный
Исландский	0.72–0.67	Консонантный	Синтетический, флективный
Французский	0.8	Смешанный	Аналитический, агглютинативно-флективный
Английский	0.88	Смешанный	Аналитический, агглютинативно-флективный
Нидерландский	1.00	Смешанный	Аналитический, агглютинативно-флективный
Корейский	1.11	Смешанный	Агглютинативный
Финский	2.00	Вокалический	Агглютинативный
Датский	2.13	Вокалический	Аналитический, агглютинативно-флективный

Тем не менее в некоторых языках наблюдается и иная ситуация (например, шведский, норвежский, фризский, немецкий и др.), представленная в табл. 3.

Таблица 3. Случаи несоответствия между различными типологическими классификациями
Table 3. Cases of discrepancy between different typological classifications

Язык	vk	Тип языка	
		Фонетика	Морфология, синтаксис
Грузинский	0.18	Консонантный	Агглютинативный
Узбекский	0.25	Консонантный	Агглютинативный
Болгарский	0.26	Консонантный	Аналитический
Шведский	0.49	Консонантный	Аналитический
Эвенкийский	0.61	Консонантный	Агглютинативный
Норвежский	0.64	Консонантный	Аналитический
Немецкий	0.90	Смешанный	Синтетический
Латинский	0.84	Смешанный	Синтетический
Фризский	2.37–2.25	Вокалический	Синтетический

Для объяснения этих несоответствий, по всей видимости, нужны более точные критерии разделения языков на синтетические и аналитические, флективные и агглютинативные, и в первую очередь это должны быть количественные измерения. По всей видимости, так же как и для разделения языков на вокалические и консонантные, необходимо рассматривать соотношение гласных и согласных не только в системе фонем данного языка, но и в текстах. Кроме того, для исследования внутренних тенденций языка к изменению его типа важно изучение изменений значения вокалического коэффициента во времени для каждого отдельного языка.

В ходе исследования был проведен анализ фонологических систем и фонетический анализ отрывков текста на нескольких языках разной степени родства и относящихся к разным историческим периодам: готского, древнеанглийского, древнеисландского, английского, датского, французского, финского.

При анализе фонологических систем (графы 2 и 3 табл. 4) вокалический коэффициент был отдельно рассчитан для системы букв (алфавита) и системы звуков (фонем). При этом учитывались все буквы алфавита, хотя некоторые из них практически не используются: встречаются в заимствованных словах (например, некоторые буквы для обозначения согласных в финском, датском). При подсчете фонем использовались данные учебников и практических учебных пособий по данным языкам, а не данные теоретических описаний языков (учитываемые в первую очередь при подготовке ранее приведенных табл. 1–3). Это вынужденная мера связана с необходимостью использования одинаковых параметров при анализе языковой системы и текстов, и наличия точного перечня всех единиц, что не всегда представлено в полной мере в теоретических описаниях языков. Тем не менее в большинстве случаев разница находится в пределах погрешности.

Полученные результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4. Вокалический коэффициент в языке и речи
Table 4. Vocalic ratio in language and discourse

Язык	vk				Тип языка
	Система		Текст		
	Буквы	Звуки	Буквы	Звуки	
Готский	0.26	0.57	0.73	0.63	Синтетический, флективный
Древнеанглийский	0.82	0.53	0.72	0.81	Синтетический, флективный
Древнеисландский	0.84	0.67	0.62	0.60	Синтетический, флективный
Английский	0.30	0.83	0.64	0.62	Аналитический, агглютинативно-флективный
Датский	0.45	1.74	0.60	0.71	Аналитический, агглютинативно-флективный
Французский	0.52	0.76	0.85	0.78	Аналитический, агглютинативно-флективный
Финский	0.40	1.46	0.92	0.78	Агглютинативный

Результаты можно представить в следующем виде [5, с. 16]:

– во-первых, среди исследуемых языков готский, древнеанглийский, древнеисландский являются консонантными, датский и финский вокалическими, а английский и французский – смешанными (графа 3). При этом языки, в которых вокалический коэффициент системы фонем **vk < 0.7**, т. е. консонантные, являются флективно-синтетическими, а для языков, в которых **vk > 0.7**, т. е. для смешанных и вокалических, характерна агглютинация (графы 3 и 6);

– во-вторых, в текстах согласные все-таки преобладают (графа 5). По-видимому, это также указывает на роль согласных для передачи лексического значения. При этом языки

либо относятся к смешанному типу, либо ближе скорее к нему, нежели к консонантному, что, возможно, указывает на внутреннюю тенденцию в языке к увеличению роли гласных;

– в-третьих, в агглютинативных датском и финском количество гласных в тексте заметно меньше, чем в системе (графы 3 и 5), что, возможно, объясняется особенностями агглютинации: в составе большинства финских и датских аффиксов согласных больше; чем гласных; аффиксы, состоящие только из гласных, сравнительно редки. Достаточно близки к этому и английский, и французский, но, по-видимому, менее заметные изменения объясняются значительным расхождением устной и письменной речи в этих языках;

– в-четвертых, расхождение между соотношением гласных и согласных фонем в тексте (графа 5) и букв для их обозначения (графа 4) незначительны: максимум 18 % в финском языке, в системе языка такого сближения не наблюдается (графы 2 и 3) – минимум 27 % в древнеисландском. При этом в языках со значительным расхождением устной и письменной речи общее количество фонем намного меньше количества букв для их обозначения: в 1,3 раза в английском, и 1,4 – во французском (гласных в 1,5, а согласных в 1,3); для сравнения: в остальных языках – в 1,1 раза, а в финском – в 1,2 (гласных в 1,3, согласных в 1,1) за счет большого количества дифтонгов и долгих гласных.

Заключение. Как показало проведенное исследование, проявление аналитических тенденций на фонетическом уровне связано с распределением гласных и согласных фонем в языке и речи, а также с исторически обусловленным различием роли согласных и гласных фонем в языке. Согласные более устойчивы и несут в основном смыслоразличительную функцию, в то время как гласные отчасти сохраняют функцию выражения грамматических значений, что восходит к индоевропейскому аблауту. Явление аблаута свидетельствует, что функциональным назначением гласных была передача грамматического значения, которое по своей природе является более абстрактным чем лексическое. По всей видимости, тенденция развития языка от флективно-синтетического к аналитическому или агглютинативному (агглютинативно-аналитическому) должна затрагивать различные уровни языка, и в частности, фонетический. Возможно, увеличение количества гласных, появление дифтонгов и трифтонгов связано со становлением аналитизма в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М.: ФЛИНТА, 2016.

2. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка. М.: Владос, 2017.

3. Таранец В. Г. Энергетическая теория речи. Киев; Одесса: Высш. шк., 1981.

4. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.

5. Генидзе Н. К. Аналитизм в синхронии и диахронии (на материале германских языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / СПбГУЭФ. СПб., 2009.

6. Исаченко А. В. Опыт типологического исследования славянских языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. С. 106–121.

7. Широков О. С. Введение в языкознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

8. Общая и прикладная фонетика. 2-е изд. / Л. В. Златоустова, Р. К. Потапова, В. В. Потапов, В. Н. Трунин-Донской. М.: Изд-во МГУ, 1997.

9. Гордина М. В. Фонетика французского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Информация об авторе.

Генидзе Наталья Кирилловна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры теории языка и переводоведения, и. о. заведующего кафедрой теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, сравнительная типология, сравнительно-историческое языкознание, история германских языков. ORCID https://orcid.org/0000-0003-4467-2012. E-mail: lingvotheory@inbox.ru

REFERENCES

1. Mechkovskaya, N.B. (2016), *Obshchee yazykoznanie. Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov* [General linguistics. Structural and social typology of languages], Flinta, Moscow, RUS.

2. Tseitlin, S.N. (2017), *Yazyk i rebenok. Osvoenie rebenkom rodnogo yazyka* [The language and the child. Native language learning in childhood], Vlados, Moscow, RUS.

3. Taranets, V.G. (1981), *Energeticheskaya teoriya rechi* [Energy speech theory], Vysshaya shkola, Kiev, Odessa, USSR.

4. Serebrennikov, B.A. (1988), *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie* [The role of the human factor in the language. Language and thinking], Nauka, Moscow, USSR.

5. Genidze, N.K. (2009), "Analyticism in synchronicity and diachrony (based on the material of the Germanic languages)", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, Saint Petersburg State Univ. of Economics and Finance, SPb., RUS.

6. Isachenko, A.V. (1963), "Experience of typological research of Slavic languages", *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], no. 3, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, USSR, pp. 106–121.

7. Shirokov, O.S. (1985), *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics], Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR.

8. Zlatoustova, L.V., Potapova, R.K., Potapov, V.V. and Trunin-Donskoi, V.N. (1997), *Obshchaya i prikladnaya fonetika* [General and applied phonetics], 2nd ed., Izdatel'stvo MGU, Moscow, RUS.

9. Gordina, M.V. (1997), *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [Phonetics of the French language], Izdatel'stvo SPbGU, SPb., RUS.

Information about the author.

Natalia K. Genidze – Can. Sci. (Philology) (2009), Associate Professor at the Department of Theory of Language and Translation Studies; Acting Head at the Department of Theory of Language and Translation Studies, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 20 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, comparative typology, historical and comparative linguistics, history of Germanic languages. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4467-2012. E-mail: lingvotheory@inbox.ru

УДК 81-139; 81'23 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-97-112
Оригинальная статья / Original paper

Критерии отбора стимульного материала для исследования визуального восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка методом «лексическое решение»

М. А. Флаксман[1]✉, Ю. В. Лавицкая[2], Ю. Г. Седёлкина[2], Л. О. Ткачева[2]

[1]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[2]*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

✉maria.alexeevna@gmail.com

Введение. Целью настоящей статьи является описание этапов отбора стимульного материала для психосемантического исследования визуального восприятия звукоизобразительных слов родного (русского) и иностранного (английского) языка методом «лексическое решение» и уточнения критериев его отбора. Впервые звукоизобразительные стимулы отобраны с учетом стадии деиконизации слова, т. е. исторического распада иконической изобразительной связи между формой и значением.

Методология и источники. Методологическую базу исследования составили как труды основоположника отечественной фоносемантики С. В. Воронина и его последователей, в частности, одного из соавторов данной статьи, М. А. Флаксман, так и работы в области фонотактики английского языка. Авторы также опирались на сформулированные ими ранее критерии отбора стимульного материала для психосемантической методики «лексическое решение». В качестве источников использовались этимологический словарь М. Фасмера, Большой Оксфордский словарь и частотный словарь О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова. С целью проведения классификации звукоизобразительной лексики русского и английского языка по стадиям деиконизации применялся метод диахронической оценки звукоизобразительного лексикона.

Результаты и обсуждение. Отобранный стимульный материал (128 лексем) содержит равное количество слов и квази-слов (64). Квази-слова сконструированы в соответствии с правилами фонотактики и с сохранением фонемной структуры соответствующих им слов. Слова, в свою очередь, представлены равным количеством звукоизобразительных и незвукоизобразительных слов (32), отвечающих условию гомоморфизма, т. е. выровненные по количеству слогов, по принадлежности к части речи и по частотности. В число звукоизобразительных стимулов вошли оба вида звукоизобразительных слов, звукоподражания и звукосимволизмы, всех четырех стадий деиконизации. Введение классификации звукоизобразительной лексики по стадиям деиконизации в сочетании с обозначенными критериями позволит уменьшить количество вмешивающихся переменных при проведении эксперимента.

Заключение. Тщательная подготовка стимулов для последующего нейролингвистического эксперимента позволит выявить паттерны реорганизации системной деятельности мозга в процессе визуального восприятия звукоизобразительности в зависимости от ее типа и стадии деиконизации.

Ключевые слова: звукоизобразительность, деиконизация, фоносемантика, фонотактика, частотность слов, квази-слова, лексическое решение.

© Флаксман М. А., Лавицкая Ю. В., Седёлкина Ю. Г., Ткачева Л. О., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Флаксман М. А., Лавицкая Ю. В., Седёлкина Ю. Г., Ткачева Л. О. Критерии отбора стимульного материала для исследования визуального восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка методом «лексическое решение» // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 97–112. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-97-112

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-013-00575 А «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной статьей, не сообщалось.

Поступила 29.06.2020; принята после рецензирования 01.09.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

Stimuli Selection Criteria for the Experiment "Visual Perception of Imitative Words in Native and Non-Native Language by the Method Lexical Decision"

***Maria A. Flaksman*[1]✉*, Yulia V. Lavitskaya*[2]*, Yulia G. Sedelkina*[2]*, Liubov O. Tkacheva*[2]**

[1]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

[2]*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

✉maria.alexeevna@gmail.com

Introduction. The present article is aiming to describe the procedure of stimuli selection for the psycho-semantic experiment on visual perception of imitative words in native (Russian) and non-native language (English). The methodology of the experiment is predominantly based on the implementation of the "lexical decision" method. Thus, the aim of the article is to verify the procedure of and to define clear-cut criteria for the material selection. In particular, we introduce indicating de-iconization stage of imitative words as an important criterion for data pre-selection. De-iconization is a gradual loss of an iconic sound-sense link in an imitative word due to the parallel impact of regular sound changes and semantic shifts.

Methodology and sources. The research methodology is based on the works of S. V. Voronin who is the founder of phonosemantics as a linguistic discipline in Russia, as well as on works of his followers (including a co-author of this paper, M. A. Flaksman). The article is also based on the methodology of research on phonotactics. The authors also use psycho-semantic methods such as the method of lexical decision. The main sources of stimuli selection are The Russia Etymological Dictionary by M. Vasmer, The Oxford English Dictionary, the frequency dictionaries by O. N. Liashevskaya and S. A. Sharov. The classification of imitative words according to their de-iconization stages was done by the method of the diachronic evaluation of the imitative lexicon.

Results and discussion. As a result of a rigorous selection procedure described in the article the authors arrived on 128 stimuli (an even number (64 + 64) of words and quasi-words). The quasi-words are coined according to phonotactic rules and made according to the same pattern as the corresponding words. The group of real words is constituted of two sub-groups: 32 imitative words and 32 non-imitative words. The words from these two subgroups are homomorphous – they have the same number of syllables, frequency and belong to the same parts of speech. Imitative words include onomatopoeic and sound-symbolic words of different sub-classes and de-iconization stages. The combination of the material selection methods discussed in this paper (especially, the introduction of the distinction of imitative words according to their de-iconization stage) is aiming at facilitating the experiment procedure as well as eliminating the chance factors.

Conclusion. The stimuli selection for the psycholinguistic experiment based on the procedure introduced in this paper allows to establish the existing patterns of the systematic function of human brain in the process of visual perception of imitative words on different de-iconization stages.

Keywords: iconicity, de-iconization, phonosemantics, phonotactics, word frequency, quasi-words, lexical decision.

For citation: Flaksman M. A., Lavitskaya Yu. V., Sedelkina Yu. G., Tkacheva L. O. Stimuli Selection Criteria for the Experiment "Visual Perception of Imitative Words in Native and Non-Native Language by the Method Lexical Decision". DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 97–112. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-97-112 (Russia).

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-013-00575 "Psychophysiological indicators of the perception of imitative words in native and foreign languages").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 29.06.2020; adopted after review 01.09.2020; published online 25.11.2020

Введение. Если рассматривать язык как абстрактную систему, визуально-звуковые элементы которой (символы в универсальной классификации Ч. С. Пирса [1]) воздействуют на сенсорные каналы восприятия человека, то она представляется высоко вариативной для различных языков. Однако те ее элементы, которые сохранили явную или скрытую иконическую связь между означаемым и означающим (иконы в классификации Ч. С. Пирса [там же]) носят характер универсальности [2, 3] и присутствуют во множестве языков мира, о чем свидетельствует возрастающее число работ, посвященных их изучению (см., например: [4–7]).

Эти элементы получили название звукоизобразительных (далее: ЗИ) и являются предметом изучения с точки зрения их функционирования в языке и речи (лингвистика) и с позиции алгоритмов обработки информации мозгом (нейронаука). В настоящее время широко исследуется электрическая и функциональная активность мозга в процессе аудиального восприятия ЗИ слов различных языков (см., например: [8–10]). Тем не менее нейрокогнитивные механизмы визуального восприятия ЗИ слов остаются неизвестными. Необходимость системного описания разноуровневых процессов, протекающих в мозге, и психических процессов, связанных с декодированием ЗИ слов, подтверждает актуальность фоносемантических исследований, находящихся на стыке лингвистики и когнитивной нейронауки.

Особенности визуального восприятия ЗИ слов по сравнению с не-звукоизобразительными (не-ЗИ) является предметом нашего научного интереса уже на протяжении нескольких лет. Так, в наших ранее проведенных исследованиях с использованием метода «лексическое решение» (ЛР) были получены данные, свидетельствующие о значимой временной задержке в визуальном опознании ЗИ слов по сравнению с не-ЗИ словами как на родном языке испытуемых (русском), так и на иностранном (английском), независимо от возраста и уровня иноязычной компетенции респондентов [11]. Обнаруженная задержка, возможно, связана с когнитивной сложностью задачи опознания ЗИ слов, требующей декодирования как семантической, так и образной информации, что задействует дополнительные информационные и энергетические ресурсы.

С целью проверки этого предположения решено использовать междисциплинарный подход, объединяющий лингвистические методы исследования, в частности, методы фоносемантического и фонотактического анализа, а также психосемантические и психофизиологические методы. На первом этапе решаются три задачи: 1) для использования в методе ЛР сформировать корпус гомоморфного стимульного материала, включающего оба типа ЗИ слов (звукоподражательные, своим фонемным составом имитирующие звуковой признак денотата, и звукосимволические, артикуляторно или акустически имитирующие неакустический признак денотата [2]), находящихся на всех четырех стадиях деиконизации [12], а также не-ЗИ слова и квази-слова; 2) в результате психосемантического эксперимента методом ЛР на выборке взрослых испытуемых (N = 100) получить данные о точности и скорости опознания ЗИ слов по сравнению с не-ЗИ и квази-словами; 3) основываясь на полученных результатах из корпуса стимульного материала отобрать стимулы, являющиеся типичными представителями явной и стертой звукоизобразительности для второго этапа исследования – психофизиологического эксперимента. Задача второго этапа заключается в изучении интегративной электрической активности мозга в процессе визуального и аудиального опознания ЗИ слов родного (русского) и иностранного (английского) языков методом ЭЭГ.

Новизной данного исследования является не только его междисциплинарный подход, но и комплексный учет особенностей ЗИ слов как при подготовке стимулов для эксперимента, так и при анализе и интерпретации полученных данных.

Методология и источники. Формирование корпуса стимульного материала производилось с опорой на критерии, сформулированные авторами в ходе исследований, проведенных в предыдущие годы. Основными критериями являются следующие:

1) гомоморфность стимульного материала;

2) равномерность представленности в корпусе стимулов трех типов – ЗИ, не-ЗИ, квази-слов – причем, слова и квази-слова, так же, как и ЗИ и не-ЗИ слова, представлены в равном количестве [13]. Кроме того, были задействованы следующие специальные лингвистические методы исследования: метод фоносемантического анализа [14], метод диахронической оценки ЗИ лексикона [12] и законы фонотактики.

Установление ЗИ происхождения слова производилось *методом фоносемантического анализа*, включающим в себя шесть последовательных операций [14]:

1) семантика – определение звукового или незвукового значения слова;

2) критерии идентификации – семантические, грамматические, словообразовательные, структурно-фонетические, функциональные;

3) этимология – установление этимологии слова;

4) экстралингвистика – установление мотива номинации слова;

5) типология – выявление слов со сходными фонотипами и семантикой в неродственных языках;

6) summa summarum – анализ данных и выводы о наличии или отсутствии изначальной звукоизобразительности в слове.

С целью разграничения на синхронном уровне «старых» звукоизображений, утративших свой изобразительный потенциал, и новых, «ярких» звукоизображений, воспринимаемых как таковые носителями языка, использовался *метод диахронической оценки ЗИ лек-*

сикона [12, с. 120]. Для описания процесса утраты изобразительности используется термин «деиконизация», под которым понимается процесс постепенной утраты в ходе языковой эволюции иконической связи между фонетическим обликом ЗИ слова и его денотатом [там же]. Согласно методу диахронической оценки ЗИ лексикона, вся ЗИ лексика языка группируется на четыре большие, переходящие друг в друга категории на основании трех критериев:

– наличие или отсутствие конвенциональной структуры, лексической и синтаксической сочетаемости с другими членами предложения;

– факт утраты исходной формы (в результате регулярных фонетических изменений);

– факт утраты исходного значения (в результате долгого семантического развития).

Поскольку утрата фонетического облика и семантические сдвиги происходят не параллельно, выделяются четыре стадии деиконизации:

– СД-1 – междометия, имеющее ряд внесистемных черт, не разрушенные регулярными фонетическими изменениями (англ. *zzz*! «обозначение храпа», рус. *уф!*);

– СД-2 – полнозначные одно- или многозначные слова, не разрушенные регулярными фонетическими изменениями и сохраняющие «первичную» семантику (англ. *boom* «греметь», рус. *шлепать*);

– СД-3 – полнозначные слова, которые либо подверглись действию регулярных фонетических изменений, но сохранили «первичную» семантику (англ. *hum* «жужжать»)[1], либо не были разрушены регулярными фонетическими изменениями, но утратили «первичную» семантику (англ. *claque* /klæk/ «клака, группа зрителей, хлопающих за деньги», изначально фр. *claquer* «хлопать» от звукоподражания – звука хлопка; рус. *гул*);

– СД-4 – это полнозначные слова, подвергшиеся действию регулярных фонетических изменений и утратившие «первичную» семантику, их ЗИ статус восстанавливается только путем этимологического анализа (англ. *mot*, рус. *пуф*) [12].

При построении квази-слов принимались во внимание *принципы фонотактики* в английском и русском языках. Для английского языка ключевым является понятие *сонорности*. Сонорность сегмента понимается как его относительная громкость по сравнению с другими сегментами, которые произносятся с той же длиной, ударением и высотой [15]. Звуки языка могут быть упорядочены по уровню их сонорности: глухие взрывные согласные имеют минимальную сонорность, низкие гласные – максимальную.

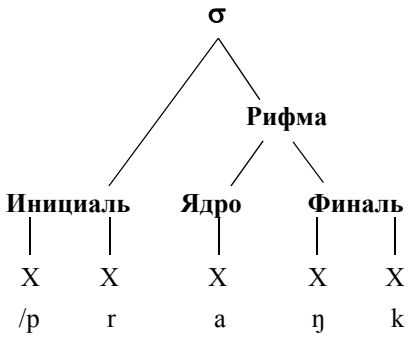
Сонорность, в свою очередь, непосредственно связана с понятием *слога*. С помощью шкалы сонорности в большинстве случаев можно определить количество слогов в английских словах. В слоге звуки объединены волной звучности: в начале слога звучность возрастает, в конце слога падает, таким образом, каждый слог соответствует одному пику сонорности [16]. Например, в односложном слове prank /praŋk/ сочетание согласных звуков /pr/ составляет инициаль слога, в которой звучность возрастает, /a/ – ядро, /ŋk/ – финаль слога с падением звучности.

С понятием сонорности связана *теория разницы в сонорности* [17]. Каждой группе согласных авторы приписывают значение от единицы до пяти: шумные смычные (1), фрикативы (2), носовые (3), плавные (4), глайды (5). В английском языке *минимальная разница*

[1]Фонетическая адаптация при заимствовании приравнивается к прохождению регулярного фонетического изменения.

в сонорности (MPC) равна 2, т. е. допустимы следующие сочетания согласных: /fr, fl, θr, ʃr/ (MPC = 2), /pl, pr, br, bl, tr, dr, kl, kr, gl, gr, θw/ (MPC = 3), /kw, gw, tw, dw/ (MPC = 4). Соответственно, такие начальные сочетания, как /ml/ и /pf/ являются недопустимыми несмотря на возрастающую звучность.

Однако одного понятия сонорности недостаточно для описания структуры инициали. Необходимо учитывать другие закономерности фонотактики: звуки /v, ð, z, ʒ/ никогда не встречаются в инициали, так же, как и сочетания /tl, dl/, несмотря на допустимую разницу в сонорности. Поскольку /s/ является аппендиксом, сочетания с этим фрикативом не подчиняются правилу минимальной разницы в сонорности: помимо /sl, sw/ допустимы сочетания /sm, sn/. Ядро и финаль составляют рифму слога (см. рисунок).



Структура слога в английском языке
English syllable structure

Допустимым является только сочетание двух согласных с понижающейся звучностью (например, /nk, ln, lp, mp/). Консонантные кластеры с одинаковой звучностью в финали слога невозможны (например, /mn/, /sf/, /tp/).

Число X-позиций (временных единиц) в рифме не должно превышать трех, т. е. разрешены следующие сочетания: напряженная гласная (дифтонг) и один согласный, ненапряженная гласная и один (два) согласных. Например, слово /praɪnk/ будет неприемлемым односложным словом в английском языке, поскольку рифма содержит четыре X-позиции. Следует отметить, что в финали мы можем наблюдать следующие отклонения от вышеуказанных правил: согласные могут находиться на одной шкале сонорности (fox /fɒks/), число X-позиций превышает три (mind /maɪnd/), сочетание этих двух отклонений (texsts /tɛksts/). Так как все согласные, нарушающие правило трех X-позиций и падения звучности в финали, составляют группу корональных не носовых согласных, их относят к аппендиксу, присоединяющемуся к финали. При составлении квази-слов это необходимо принимать во внимание. Например, в то время как слово /praɪnk/ является невозможным в английском языке, слово /praɪnd/ составлено согласно правилам структуры английского слога, поскольку дифференциальный признак фонемы /k/ [-coronal], а /d/ [+coronal].

Фонотактика финали также накладывает ряд определенных ограничений на сочетания согласных: /np, nb, nk, ng, mb, mk, mg, ŋt, ŋp, ŋb, ŋg/ недопустимы в конце слога [18].

В отличие от английского в русском языке любой согласный может стоять в начале слова. Многие двучленные сочетания согласных, недопустимые в английском языке, разрешены в русском (/кн/ *книга*, /пт/ *птица*, /вн/ *внук*, т. д.). Для русского языка на материале односложных слов *всплеск* и *черств* была выведена следующая максимальная формула

слога: (СССС)Г(СССС), где С – позиция согласного, а Г – позиция гласного [19]. Сочетания из трех согласных в начале слова распространены и отличаются бóльшим разнообразием, чем в английском языке: /стл, спр, здр, збр, згл, згн, взв, фкл, фтр/ и др.

Разница в сонорности между сегментами не играет такой важной роли в построении инициали или финали слога, как в английском языке. В русском языке есть много примеров нарушения принципа восходяще-нисходящей звучности слога: *льстивый* /л'ст'/, *мзда* /мзд/ [20]. Возможно, по этой причине в русском языке отсутствуют строгие законы, определяющие фонемную структуру слога.

Источником ЗИ слов английского языка являлся «Словарь звукоизобразительной лексики английского языка в диахроническом освещении» М. А. Флаксман [21], содержащий около 1500 лексем, ЗИ по происхождению. Создание корпуса русских ЗИ слов производилось методом сплошной выборки из четырехтомного «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера [22], общим объемом около 20 000 единиц. Отбор не-ЗИ стимулов производился по словарю О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова [23] для русских стимулов и по Оксфордскому словарю (OED) [24] для английских.

Результаты и обсуждение.

Этапы отбора стимулов.

Отбор стимулов проводился в пять этапов, в ходе которых были уточнены и детализированы критерии их отбора.

Этап 1 – поиск и отбор гомоморфной ЗИ лексики.

Из словаря отбирались лексемы, отвечающие следующим признакам:

– односложные;

– существительные и междометия, поскольку остальные части речи либо в русском, либо в английском языке грамматически маркированы;

– имеющие пометы «(звуко)подражательного происхождения», а также те слова, ЗИ происхождение которых представлялось возможным установить методом фоносемантического анализа.

Полученный корпус русской ЗИ лексики первоначально насчитывал 1031 лексему и включал как звукоподражательные (например, *визг, шлеп*), так и звукосимволические слова (например, *кхе*, *чмок*). Однако больше половины отобранных ЗИ слов (544 против 487) были исключены, поскольку являются устаревшими или диалектизмами (*бзык* «овод»).

Этап 2 – классификация полученного корпуса по стадиям деиконизации с использованием метода диахронической оценки ЗИ лексикона.

Для русского языка были отобраны следующие ЗИ стимулы:

– СД-1: *бах, бац, бряк, буль, бух, вжих, вжух, вяк, гав, квак, мяу, ням, тик, тпру, трах, трень, тук, тык, тьфу, тяв, фу, фе, фыр, ха, хлоп, хрюк, хрю, цок, цыц, чавк, чик, чмок, шкварк, шлеп, шмяк, щелк;*

– СД-2: *визг, вой, вопль, гам, гвалт, гул, крик, лязг, писк, рев, рык, свист, скрип, стук, тик, трель, треск, храп, хрип, хруст, чих, шум;*

– СД-3: *выпь, жук, зуд, поп, клест, мопс, пух, хрыч, хряк, шмель, гонг, клип;*

– СД-4: *буф, гусь, дрозд, клок, поп, путч, пуф, ланч*.

Для английского языка были отобраны следующие ЗИ стимулы:

– СД-1: *bam, boing, bom, boo, brr, eek, ew, fie, grr, heck, hem, hist, ho, hoosh, mm.., num, oof, ouch, paff, pah, pfui, pho, phut, pooh, psst, sh.., shish, st, tchick, twee, ugh, uh, um, voom, yah, yeh, yiks;*

– СД-2: *baa, bang, beep, biff, bleep, bong, boom, buss, buzz, champ, cheep, chirk, chock, clack, clang, clap, clomp, clop, cluck, coo, creak, crool, crump, crunch, drone, fizz, frizz, gab, glug, goo, grunt, hiss, hizz, hoot, hush, huzz, jink, klop, puff, lall, lap, lull, maa, mewl, moo, munch, oink, pang, parp, peep, pink, plap, plink, plonk, pluff, plump, plunk, plup, pop, pring, punt, quaff, quelch, rap, siss, smack, smooch, tap, throb, thud, twang, whang, yaff*;

– СД-3: *auk, bash, bib, bling, bomb, caw, chick, claque, clip, cock, dap, dink, fife, fluff, foul, fuss, gag, gash, gong, miff, mock, mumps, row, snip, swap, swarm;*

– СД-4: *craze, funk, lunch, mot, murre* /mə:/, *owl, rat, rook, rut, sow, stun, touch*.

Следует подчеркнуть, что для русского языка количество потенциальных односложных стимулов заметно ограничено по сравнению с английским.

Для вычисления средней частотности русских ЗИ стимулов использовался показатель *общей частоты*, т. е. числа словоупотреблений на миллион слов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) – ipm (instances per million words). Объем НКРЯ, представляющего современный русский язык периода 1950–2007 гг., составляет 92 млн словоформ. Тот факт, что НКРЯ построен на словоформах, а не на леммах (исходных формах слов), существенно увеличивает его объем.

В список русских ЗИ стимулов вошли слова со следующим средним показателем общей частоты: для СД-1 – 2,7875; СД-2 – 5,375; СД-3 – 4,225; для СД-4 – 6,1. Средняя общая частота русских ЗИ стимулов равна 4,6219.

Частотность английских стимулов определялась по словарю OED, насчитывающему 600 тыс. слов, представляющих современный английский язык периода последних 150 лет (1870–2020). В список английских ЗИ стимулов вошли слова со следующим средним показателем частотности: для СД-1 – 0,063 (гр. 3); СД-2 – 0,075 (гр. 3); для СД-3 и СД-4 – 0,375 (гр. 4). Средняя частотность английских ЗИ стимулов равна 0,222 (гр. 4).

Обращает на себя внимание тот факт, что русские ЗИ стимулы кажутся на порядок более частотными (4,6219), чем английские (0,222). Это объясняется различиями в объемах и характере построения НКРЯ и словаря OED. Поэтому средние величины общей частоты русских и частотности английских ЗИ стимулов являются относительными и не могут сопоставляться. После выравнивания корпуса материала по частотности сформировался окончательный список ЗИ стимулов для эксперимента (см. табл. 1).

Таблица 1. ЗИ стимулы для психосемантического эксперимента
Table 1. Imitative stimuli for the psycho-semantic experiment

Тип ЗИ		Стимулы	
		русские	английские
Явные ЗИ	СД-1	бах, цыц трах, тьфу, фу, хлоп, чмок, ша	bom, fie, heck, hem, ouch, phut, pooh, twee
	СД-2	вой, гул, лязг, писк, тик, храп, чих, щелк	bleep, buzz, chock, frizz, hiss, hoot, puff, thud
Стертые ЗИ	СД-3	жук, зуд, клест, мопс, пух, хряк, чиж, шмель	bib, claque, clock, fluff, gag, miff, hock, swarm
	СД-4	ланч, гусь, дрозд, клок, хрыч, поп, путч, пуф	craze, funk, mot, rook, rut, sow, stun, touch

Этап 3 – отбор не-ЗИ стимулов, отвечающих условию гомоморфности.

Первым ограничением является количество слогов в слове. Поскольку в число ЗИ стимулов вошли исключительно односложные слова, то и в качестве не-ЗИ стимулов также отбирались только односложные слова.

Второе ограничение связано с часторечным признаком – все ЗИ стимулы отбирались только из числа существительных за редким исключением в пользу междометий для слов с явной звукоизобразительностью (СД-1, СД-2). Поэтому в число не-ЗИ стимулов вошли только существительные.

Третьим ограничением стала частотность. Не-ЗИ слова для стимульного материала отбирались с учетом показателя средней частотности ЗИ стимулов для каждого языка. Очевидно, что частотность слова находится в обратно-пропорциональной зависимости от характера звукоизобразительности. Поэтому не-ЗИ слова по определению более частотны, чем ЗИ.

Итоговый список не-ЗИ стимулов представлен в табл. 2. Средняя общая частота русских не-ЗИ стимулов равна 5,9594. Средняя частотность английских не-ЗИ стимулов равна 0,8 (гр. 4).

Таблица 2. Не ЗИ стимулы для психосемантического эксперимента
Table 2. Non-imitative stimuli for the psycho-semantic experiment

Русские не-ЗИ стимулы	Английские не-ЗИ стимулы
бег, вар, воск, галл, гад, гроздь, даль, дерн, дубль, кал, жар, жезл, лом, лоск, люд, месть, мол, паз, рань, рать, рейд, рябь, сан, свод, сень, сук, сыпь, таз, трость, фавн, шест, шах	balm, box, fir, frost, glen, heel, helm, hilt, hood, hoof, lad, lamb, leash, lidm morph, palm, pear, pen, perch, pike, pons, pore, reel, shah, shrine, shy, silt, sock, stab, steak, twig, wig

Этап 4 – построение квази-слов с учетом правил фонотактики и с сохранением фонемной структуры соответствующего слова.

Полученные английские квази-слова (см. табл. 3) полностью соответствуют стимулам для эксперимента в отношении способа производства и глухости/звонкости сегментов. Например, со стимулом heck /hɛk/ соотносится квази-слово sutt /sʌt/: фрикатив + ненапряженный гласный + глухой взрывной. Напряженные гласные и дифтонги использовались взаимозаменяемо, так как им соответствуют две X-позиции в структуре слога. Кроме ограничений со стороны законов фонотактики и фонемной структуры экспериментального слова при создании квази-слов исключались фонестемные сочетания, имеющие ЗИ символику (такие как br-, gr-, scr-, sl-, gl-, sm-, fl-, sn-, sw-).

Таблица 3. Список английских стимулов квази-слов для психосемантического эксперимента
Table 3. English non-word stimuli for the psycho-semantic experiment

Квази-слова, соответствующие явным ЗИ стимулам	Квази-слова, соответствующие «стертым» ЗИ стимулам	Квази-слова, соответствующие не ЗИ стимулам
bemn, vea, sutt, shen, audge, fepp, tir, quow, blait, dozz, jott, threzz, thoss, saipe, cuth, seb	dibb, plark, clat, freff, gubb, nith, thop, thwane, preeze, shunck, nair, lart, lupp, shoy, stamn, kidge	baine, gecks, fow, shrast, drem, hile, selm, thult, shud, shoof, rabb, lenn, reesh, lub, norph, parn, kuy, kem, toudge, pite, kinze, cair, lile, thar, shrewn, fuy, shilk, thop, speb, steat, twed, wib

Создание русских квази-слов (см. табл. 4) ограничилось законами сочетаемости согласных в начале и конце слова, способом образования и глухостью/звонкостью сегментов в исходном экспериментальном слове. Поскольку напряженность/ненапряженность не является фонематическим признаком русских гласных, весь состав гласных фонем использовался без ограничений. Мы также старались придерживаться одинаковой частотности тех или иных сочетаний. Например, слову *тьфу*, которое входит в группу экспериментальных стимулов с явной звукоизобразительностью, соответствует квази-слово *пфо*. Последовательность согласных [тф] не свойственна русскому языку, поэтому для квази-стимула мы выбрали последовательность [пф], которая также не распространена в начале русских слов и встречается только в заимствованном слове *пфеннинг*. То же самое относится к стимулу *чмок*: последовательность [чм] не встречается на начальной границе слова в русском языке, поэтому ему соответствует квази-слово *цнук* (сочетание *цн* зафиксировано только в редких топонимах).

Таблица 4. Список русских стимулов квази-слов для психосемантического эксперимента
Table 4. Russian non-word stimuli for the psycho-semantic experiment

Квази-слова, соответствующие «стертым» ЗИ стимулам	Квази-слова, соответствующие не-ЗИ стимулам
зап, вут, тлиск, накс, пус, шрет, цуф, смуль, лонц, дась, граст, клут, фруч, кып, катч, каф	дег, зур, зеск, гил, дюб, друск, гыль, гирм, габль, тил, зер, вазл, лум, лефт, лупь, нусть, нел, тав, румь, ропь, райп, рить, шун, свеп, шинь, шуп, хапь, пыс, присть, хивн, шуск, сыв

В русском языке шумные согласные оглушаются в конце слова, например, *таз* произносится как /тас/. Позиционные изменения касаются и соседних согласных: в результате регрессивной ассимиляции тоже происходит их оглушение, например, слово *дрозд* произносится как /дрост/.

При составлении квази-слов мы ориентировались на произношение, так как зрительное восприятие слова завершается его узнаванием и пониманием, для чего необходимо воссоздать слухо-моторный образ графического слова [25, с. 7]. В орфографии мы использовали как звонкие, так и глухие согласные в конце слова. Например, экспериментальному слову *шах* /шах/ соответствует квази-слово *сыв* /сыф/, а слову *лязг* /л’аск/ – *ляcп* /л’асп/. Как и в случае английских квази-слов, мы избегали изобразительно маркированного сочетания *чм-*.

Этап 5 – валидизация стимулов – квази-слов методом лексикологической проверки и верификационного психолингвистического теста.

Проблема валидизации английских квази-слов оказалась тесно связана с фактором частотности, поскольку примерно 60 % содержательных слов английского языка составляют односложные слова [26]. В связи с этим при построении односложных английских квази-слов согласно законам фонотактики велика вероятность того, что то или иное квази-слово может быть либо неологизмом, либо входить в словарь англоязычного сленга.

То же касается и русских квази-слов, несмотря на то, что доля односложных слов в русском языке не так велика [27, с. 40] – они так же могут оказаться аббревиатурами, акронимами, именами собственными или принадлежать определенному узусу.

Учитывая крайне ограниченное число вариантов квази-слов, отвечающих выдвинутым требованиям, было решено оставить в числе квази-слов редкие аббревиатуры и имена собственные, а также редкие слова, указанные в диалектных и сленговых словарях.

С целью исключения из списка тех квази-слов, которые с большой вероятностью могут быть опознаны испытуемыми как содержательные слова, была проведена короткая верификационная психолингвистическая сессия. К участию было привлечено 18 респондентов из числа носителей русского языка со знанием английского языка на уровне B2 – C1. Перед ними стояла задача за 3 минуты прочитать списки английских и русских квази-слов (по 64 стимула), представленные в электронном виде, и пометить стимулы, кажущиеся им словами. Квази-слова, опознанные 30 % респондентов (6 человек) как одно и то же слово, а также те квази-слова, которые не менее 50 % опрошенных (8 человек и более) опознали как различные слова.

В числе английских стимулов-квази-слов было решено оставить такие редкие диалектные и сленговые слова, как *thoss, cuth, shoy, hile, shud, rabb, reesh, lub, shilk, wib*; редкие аббревиатуры и акронимы *SEB, SELM, PARN*; а также имена собственные *Drem, Nith*. Тем не менее пришлось заменить *gan* на *bemn*, *shet* на *sutt*, *oadge* на *audge*, *fip* на *fepp*, *tur* на *tir* и др. Итого по результатам валидизации замене подверглись 24 английских квази-слова (37,5 %). В числе русских стимулов-квази-слов было решено заменить следующие стимулы: *гуф* на *геш*, *праш* на *пруш*, *фо* на *сы*, *слат* на *флек*, *зой* на *жей*, *луст* на *ласп* и др. Итого по результатам валидизации замене подверглись 20 квази-слов (31,25 %).

В результате проведенной работы был сформирован корпус стимульного материала, в который вошло 32 ЗИ слова, столько же (32) не-ЗИ слова и 64 квази-слова – всего по 128 стимулов для русского и для английского языка. Стимульный материал отвечает следующим уточненным критериям:

Общие:

– гомоморфность по трем аспектам: а) морфологический – односложные, в) частиречный – имена существительные и междометия, с) частотный – сопоставимый показатель частотности;

– равномерность – в корпусе представлено равное количество: а) слов и квази-слов, в) ЗИ и не-ЗИ слов, с) ЗИ слов с явной и стертой звукоизобразительностью, а также звукоподражаний и звукосимволизмов.

Частные:

– ЗИ слова: а) имеют подтвержденный статус изобразительности, в) четко позиционируются на определенной стадии деиконизации, с) относятся к разным типологическим классам;

– квази-слова: а) отвечают правилам фонотактики, в) отражают фонемную структуру соответствующего слова, с) прошли лексикологическую и психосемантическую валидизацию.

При формировании корпуса стимульного материала исключаются элементы, характеризующиеся следующими признаками:

1) грамматическая маркированность слов;

2) повторяющаяся «специфическая» и поэтому узнаваемая структура ЗИ слов;

3) омонимы (как ЗИ – ЗИ, так и ЗИ – не-ЗИ);

4) диалектизмы, устаревшие слова, слова с экстремально низкой или высокой частотностью;

5) фонестемные сочетания, имеющие ЗИ символику, в квази-словах.

В качестве побочных результатов проделанной работы можно отметить следующее:

При отборе ЗИ стимулов обнаружилось, что в русском языке количество односложных вариантов значительно меньше (79), чем в английском (149).

Впервые отбор ЗИ стимулов проводился с учетом стадии деиконизации. В результате выяснилось, что условие гомоморфизма по аспекту части речи (существительные) невозможно выдержать, поскольку на стадии деиконизации СД-1 находятся междометия. Кроме того, при определении показателей частотности возникло впечатление, что русские ЗИ стимулы на порядок более частотны, чем английские. Однако средние величины общей частоты русских (4,6219) и частотности английских (0,222) ЗИ стимулов являются относительными и не могут сопоставляться, учитывая различия в объемах и характере построения НКРЯ и словаря OED. Также частотность слова находится в обратно-пропорциональной зависимости от характера звукоизобразительности (стадии деиконизации), поэтому не-ЗИ слова более частотны, чем ЗИ.

Корпус стимульного материала составляется для его визуального предъявления в методе ЛР, поэтому при составлении квази-слов учитывалось их произношение (зрительное восприятие, узнавание и понимание графического стимула происходит после воссоздания его слухо-моторного образа). Важным этапом стала валидизация квази-слов, по результатам которой подверглась корректировке более трети корпуса как русских (31,25 %), так и английских квази-слов (37,5 %).

Заключение. Проведенное лингвистическое исследование с целью формирования корпуса гомоморфного стимульного материала для использования в методе ЛР является лишь первым этапом комплексного проекта по изучению системных информационных процессов работы мозга при восприятии ЗИ слов. Психосемантический эксперимент методом ЛР на выборке взрослых испытуемых (N = 100) позволит получить данные о точности и скорости опознания отобранных ЗИ слов по сравнению с не-ЗИ и квази-словами. Руководствуясь критериями скорости и точности опознания стимулов, будет отобран стимульный материал для психофизиологического эксперимента, нацеленного на понимание нейрокогнитивных механизмов, стоящих за визуальным и аудиальным восприятием ЗИ слов родного (русского) и иностранного (английского). Практическая значимость многоэтапного исследования заключается в расширении зоны практического применения ЗИ в таких областях, как усвоение родного и иностранного языка, в когнитивной лингвистике и сравнительно-историческом языкознании, лингводидактике и лингвопрагматике, а также в нейропсихологической коррекции по восстановлению нарушенных функций речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000.

2. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006.

3. Iconicity Atlas Project. URL: http://www.iconicity-atlas.com/index.htm (дата обращения: 24.06.2020).

4. Hinton L., Nichols J., Ohala J. (eds.). Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.

5. Voeltz E. F. K., Ch. Kilian-Hatz (eds.). Ideophones. Typological Studies in Language 44. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001.

6. Armoskaite S., Koskinen P. Structuring sensory imagery: Ideophones across languages and cultures // Canadian J. of Linguistics. 2017. Vol. 62, iss. 2. P. 149–153. DOI: https://doi.org/10.1017/cnj.2017.12.

7. Sound-meaning association biases evidenced across thousands of languages / D. E. Blasi, S. Wichmann, H. Hammarström and etc. // Proceed. of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2016. Vol. 113, № 39. P. 10818–10823. DOI:10.1073/pnas.1605782113.

8. Dingemanse M. Advances in the Cross-Linguistic Study of Ideophones // Language and Linguistics Compass. 2012. Vol. 6, iss. 10. P. 654–672. DOI: https://doi.org/10.1002/lnc3.361.

9. Oda H. An embodied semantic mechanism for mimetic words in Japanese: Ph.D. dissertation / Indiana Univ. Indiana, 2011.

10. Cross-linguistic sound symbolism and crossmodal correspondence: Evidence from fMRI and DTI / K. P. Revill, L. L. Namy, L. C. DeFife, L. C. Nygaard // Brain and Language. 2014. Vol. 128, iss. 1. P. 18–24. DOI: 10.1016/j.bandl.2013.11.002.

11. Tkacheva L. O., Sedelkina Y. G., Nasledov A. D. Possible Cognitive Mechanisms for Identifying Visually-presented Sound-Symbolic Words // Psychology in Russia: State of the Art. 2019. Vol. 12, iss. 1. P. 188–200. DOI: 10.11621/pir.2019.0114.

12. Флаксман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2015.

13. Седёлкина Ю., Ткачева Л., Наследов А. К вопросу о визуальном восприятии звукоизобразительности родного и иностранного языка // Актуальные проблемы языкознания: мат. VIII межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. уч., 22–23 апр. 2019 г. Т. 1. СПб.: СПбГЭТУ, 2019. С. 261–266.

14. Воронин С. В. О методе фоносемантического анализа // Лингвометодические аспекты семантики и прагматики текста. Курск, 1990. С. 98–100.

15. Ladefoged P. A Course in Phonetics, 3rd ed. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1993.

16. Roca I., Johnson W. A Course in Phonology. Oxford: Blackwell, 1999.

17. Broselow E., Finer D. Parameter setting in second language phonology and syntax // Second language research. 1991. Vol. 7, iss.1. P. 35–59. DOI: https://doi.org/10.1177/026765839100700102.

18. Giegerich H. J. English Phonology. An Introduction. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.

19. Halle M. The Sound Pattern of Russian: A Linguistic and Acoustical Investigation (Description and Analysis of Contemporary Standard Russian). Paris: De Gruyter Mouton, 1971.

20. Redford M. A. The mandibular cycle and reversed-sonority onset clusters in Russian / J. J. Ohala, Y. Hasegawa, M. Ohala, D. Granvill, A. C. Bailey (eds.) // Proceed. from the 14th International Congress of Phonetic Sciences, American Institute of Physics. (ICPhS-99 San Francisco, USA). 1999. P. 1893–1896.

21. Флаксман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении / Ин-т иностранных языков, РХГА. СПб., 2016.

22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. О. Н. Трубачева. М.: Астрель, АСТ, 2009.

23. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: https://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения: 18.06.2020).

24. Oxford English Dictionary. 2020. URL: https://www.oed.com (дата обращения: 18.06.2020).

25. Фоломкина С. К. Обучение чтению (текст лекций по курсу «Методика преподавания иностранных языков»). М.: МГПИИЯ, 1980.

26. Cutler A. Native listening. Language experience and the recognition of spoken words. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.

27. Иванов В. В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Информация об авторах.

Флаксман Мария Алексеевна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 55 научных публикаций. Сфера научных интересов: фоносемантика, звукоизобразительность, ономатопея, сравнительно-историческое языкознание, этимология, германские языки. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8258-4825. E-mail: maria.alexeevna@gmail.com

Лавицкая Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук (2015), ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 9 научных публикаций. Сфера научных интересов: фонетика, фонология, усвоение второго иностранного языка, фонология второго иностранного языка. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3566-4598. E-mail: y.lavitskaya@spbu.ru

Седёлкина Юлия Георгиевна – кандидат педагогических наук (2006), доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 34 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингводидактика, английский язык, фоносемантика, фоностилистика текста, психолингвистика. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6091-5710. E-mail: y.sedelkina@spbu.ru

Ткачева Любовь Олеговна – кандидат психологических наук (2011), старший преподаватель кафедры педагогики и педагогической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, наб. Макарова, д. 6, В. О., Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 21 научной публикации. Сфера научных интересов: психофизиология, нейролингвистика, психосемантика, нейропсихология. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9822-1914. E-mail: tkachewa.luba@gmail.com

Авторский вклад.

Флаксман Мария Алексеевна – отбор звукоизобразительных стимулов русского и английского языка методом сплошной выборки по указанным этимологическим словарям, а также проведение классификации по стадиям де-иконизации.

Лавицкая Юлия Валерьевна – создание квази-слов согласно правилам фонотактики русского и английского языка.

Седёлкина Юлия Георгиевна – отбор не-звукоизобразительных стимулов русского и английского языка и их выравнивание по частотности.

Ткачева Любовь Олеговна – общее руководство.

REFERENCES

1. Peirce, C.S. (2000), *Collected Papers*, Transl. by Golubovich, K., Chukhrukidze, K. and Dmitriev, T., Logos, Moscow, RUS.

2. Voronin, S.V. (2006), *Osnovy fonosemantiki* [The Fundamentals of Phonosemantics], Lenand, Moscow, RUS.

3. *Iconicity Atlas Project*, available at: http://www.iconicity-atlas.com/index.htm (accessed 24.06.2020).

4. Hinton, L., Nichols, J. and Ohala, J. (eds.) (1994), *Sound Symbolism*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

5. Voeltz, E.F.K. and Kilian-Hatz, Ch. (eds.) (2001), *Ideophones. Typological Studies in Language 44*, John Benjamins, Amsterdam and Philadelphia, NLD.

6. Armoskaite, S. and Koskinen, P. (2017), "Structuring sensory imagery: Ideophones across languages and cultures", *Canadian Journal of Linguistics*, vol. 62, iss. 2, pp. 149–153. DOI: https://doi.org/10.1017/cnj.2017.12.

7. Blasi, D.E., Wichmann, S., Hammarström, H., Stadler, P.F. and Christiansen M.H. (2016), "Sound-meaning association biases evidenced across thousands of languages", *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 113, no. 39, pp. 10818–10823. DOI:10.1073/pnas.1605782113.

8. Dingemanse, M. (2012), "Advances in the Cross-Linguistic Study of Ideophones", *Language and Linguistics Compass*, vol. 6, iss. 10, pp. 654–672. DOI: https://doi.org/10.1002/lnc3.361.

9. Oda, H. (2011), "An embodied semantic mechanism for mimetic words in Japanese", Ph.D. dissertation Thesis, Indiana Univ., Indiana, USA.

10. Revill, K.P., Namy, L.L., DeFife, L.C. and Nygaard, L.C. (2014), "Cross-linguistic sound symbolism and crossmodal correspondence: Evidence from fMRI and DTI", *Brain and Language*, vol. 128, iss. 1, pp. 18–24. DOI: 10.1016/j.bandl.2013.11.002.

11. Tkacheva, L.O., Sedelkina, Y.G. and Nasledov, A.D. (2019), "Possible Cognitive Mechanisms for Identifying Visually-presented Sound-Symbolic Words", *Psychology in Russia: State of the Art*, vol. 12, iss. 1, pp. 188–200. DOI: 10.11621/pir.2019.0114.

12. Flaksman, M.A. (2015), "Diachronic development of English iconic vocabulary", Can. Sci. (Philol.) Thesis, St Petersburg State Univ., SPb, RUS.

13. Sedelkina, Yu.G., Tkacheva, L.O. and Nasledov A.D. "On visual recognition of sound-symbolic utterances in native and foreign languages", *Aktual'nye problemy yazykoznaniya* [Actual problems of linguistics], VIII interuniversity scientific and practical conference with international participation, SPb., RUS, 22-23 apr. 2019, vol. 1, pp. 261–266.

14. Voronin, S.V. (1990), "About the method of phonosemantic analysis", *Lingvometodicheskie aspekty semantiki i pragmatiki teksta* [Linguo-methodological aspects of the semantics and pragmatics of the text], Kursk, pp. 98–100.

15. Ladefoged, P. (1993), *A Course in Phonetics*, 3rd ed., Harcourt Brace College Publishers, Fort Worth, USA.

16. Roca, I. and Johnson, W. (1999), *A Course in Phonology*, Blackwell, Oxford, UK.

17. Broselow, E. and Finer, D. (1991), "Parameter setting in second language phonology and syntax", *Second language research*, vol. 7, iss. 1, pp. 35-59. DOI: https://doi.org/10.1177/026765839100700102.

18. Giegerich, H.J. (2006), *English Phonology. An Introduction*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

19. Halle, M. (1971), *The Sound Pattern of Russian: A Linguistic and Acoustical Investigation (Description and Analysis of Contemporary Standard Russian)*, De Gruyter Mouton, Paris, FRA.

20. Redford, M.A. (1999), "The mandibular cycle and reversed-sonority onset clusters in Russian", in Ohala, J.J., Hasegawa, Y., Ohala M., Granvill D. and Bailey, A.C. (eds.), *Proceedings from the 14th International Congress of Phonetic Sciences*, (ICPhS-99 San Francisco, USA), pp. 1893–1896.

21. Flaksman, M.A. (2016), *Slovar' angliiskoi zvukoizobrazitel'noi leksiki v diakhronicheskom osveshchenii* [Dictionary of English sound-visual vocabulary in diachronic lighting], Institute of Foreign Languages, RKhGA, SPb., RUS.

22. Vasmer, M.Ju.F. (2009), *Russisches Etymologisches Worterbuch*, Transl. by Trubachev, O.N., Astrel', AST, Moscow, RUS.

23. Lyashevskaya, O.N. and Sharov, S.A. (2009), *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Frequency dictionary of the modern Russian language], Azbukovnik, Moscow, available at: https://dict.ruslang.ru/freq.php (accessed 18.06.2020).

24. *Oxford English Dictionary*, (2020), available at: https://www.oed.com (accessed 18.06.2020).

25. Folomkina, S.K. (1980), *Obuchenie chteniyu (tekst lektsii po kursu «Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov»)* [Teaching to read (text of lectures for the course "Methods of teaching foreign languages")], MGPIIYa, Moscow, USSR.

26. Cutler, A. (2012), *Native listening. Language experience and the recognition of spoken words*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.

27. Ivanov, V.V. (2004), *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budushchemu* [Linguistics of the third millennium: questions for the future], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.

Information about the authors.

Maria A. Flaksman – Can. Sci. (Philology) (2015), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 55 scientific publications. Area of expertise: iconicity studies, phonosemantics, onomatopoeia, historical linguistics, etymology, Germanic languages. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8258-4825. E-mail: maria.alexeevna@gmail.com

Yulia V. Lavitskaya – Can. Sci. (Philology) (2015), Assistant Lecturer at the Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Saint Petersburg State University, 11 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 9 scientific publications. Area of expertise: phonology, phonetics, second and foreign language acquisition, second language phonology. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3566-4598. E-mail: y.lavitskaya@spbu.ru

Yulia G. Sedelkina – Can. Sci. (Pedagogy) (2006), Assosiate Professor of the Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Saint Petersburg State University, 11 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 34 scientific publications. Area of expertise: foreign language teaching, English, phonosemantics, phonostylistics, psycholinguistics. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6091-5710. E-mail: y.sedelkina@spbu.ru

Liubov O. Tkacheva – Can. Sci. (Psychology) (2011), Senior Lecturer at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology, Saint Petersburg State University, 6 emb. Makarova, V. O., St Petersburg 199034, Russia. The author of 21 scientific publications. Area of expertise: psycho-physiology, neurolinguistics, psycho-semantics, neuropsychology. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9822-1914. E-mail: tkachewa.luba@gmail.com

Author's contribution.

Maria A. Flaksman – pre-selection of imitative stimuli by the method of continuous sampling from Russian and English etymology dictionaries; classification of the selected imitative words according to their de-iconization stages.

Yulia V. Lavitskaya – creation of non-word stimuli in accordance with the laws of phonotactics of the Russian and English languages; validation of non-words by the means of lexicological and psycholinguistic verification.

Yulia G. Sedelkina – selection of non-imitative stimuli and verification of their frequency; validation of non-words by the means of lexicological and psycholinguistic verification.

Liubov O. Tkacheva – general supervision.

УДК 81'272 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-113-129
Оригинальная статья / Original paper

Особенности языковой политики в отношении плюрицентрических языков на примере французского языка

В. А. Иванова, Л. А. Ульяницкая✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Введение. Настоящее исследование посвящено рассмотрению особенностей языковой политики в отношении французского языка во Франции, Бельгии, Канаде и Швейцарии. Научная новизна определяется тем, что данный вопрос изучается с учетом неизвестных ранее обстоятельств, позволяющих считать французский язык плюрицентрическим. Актуальность представляется авторам в необходимости изучения социально-политического контекста функционирования языков, анализе тенденций к распространению плюрицентрических языков, а также в выявлении механизмов использования одного языка для позитивного объединения разных стран, или же для негативного манипулирования ими.

Методология и источники. Методологическим основанием выступает комплексный подход, заключающийся в соотношении множества лингвистических и социальных переменных. Исследование проводилось на материале официальных сайтов франкофонных организаций, описывающих официальные институции и учреждения, отвечающие за проведение языковой политики, а также на материале статей из различных изданий (Le soir, The Guardian, Ethnologies), посвященных обсуждению проблем регулирования нормы французского языка.

Результаты и обсуждение. Основным результатом исследования является обзор плюрицентрического положения французского языка в мире, в частности, в странах, в которых французский является официальным языком и которые считаются центрами развития его особых вариантов. В статье раскрываются основные характеристики плюрицентрического языка, а также факторы, превращающие моноцентрический язык в плюрицентрический (на примере французского языка) и описываются различные действия Международной организации Франкофонии, деятельность которой направлена на укрепление отношений между франкофонными странами и продвижение французского языка по всему миру. Рассматривается зависимость периферийных языковых центров от Франции. Отдельное внимание отводится политике, проводимой Французской академией и направленной на унификацию французского языка во всех странах, где он занимает положение официального. Высказывается предположение о причинах разной степени отклонения вариантов французского языка в Канаде, Бельгии и Швейцарии от стандартного французского языка.

Заключение. Язык обслуживает потребности социума, поэтому его нельзя назвать самостоятельно существующим и развивающимся феноменом. Органы, проводящие языковую политику, имеют возможность напрямую воздействовать на его развитие, но в ситуациях с плюрицентрическими языками единого центра языкового регулирования становится недостаточно. Возникают локальные институции, политика которых может идти вразрез с языковой политикой центра. При этом гендерные ре-

© Иванова В. А., Ульяницкая Л. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

формы могут стать новой волной языковых изменений, способных привести к еще большему отклонению одного языкового варианта от другого.

Ключевые слова: языковая политика, плюрицентрический язык, французский язык, франкофония.

Для цитирования: Иванова В. А., Ульяницкая Л. А. Особенности языковой политики в отношении плюрицентрических языков на примере французского языка // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 113–129. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-113-129

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 16.09.2020; принята после рецензирования 06.10.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

Pluricentric Languages Policy Features through the Example of French

Victoria A. Ivanova, Liubov A. Ulianitckaia✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Introduction. The paper reviews features of the French language policy in France, Belguim, Canada, and Switzerland. The novelty of the study is implied by the fact that features of the language policy are analyzed with previously unknown circumstances taken into account: the circumstances that allow French to be seen as a pluricentric language. The relevance of the study is conditioned by the necessity of observing the sociopolitical space of language functioning, as well as the importance of both analyzing the dynamics of pluricentric languages spreading and identifying mechanisms of using a single language for either uniting disparate nations or countries manipulating.

Methodology and sources. The method of the study is a comprehensive approach with a number of linguistic and social variables correlations. The study was conducted using official websites of Organisation international de la Francophonie describing official bodies and institutions responsible for language policy implementation, as well as articles of various publications (Le soir, The Guardian, Ethnologies), devoted to the discussion of French norm regulation problems as the material of the study.

Results and discussion. The main result of the study is a review of the status of French as a pluricentric language worldwide, particularly in countries considered to be centres of French variants development and having French as an official language. Main features of a pluricentric language, as well as the factors that turn a monocentric language into a pluricentric one (through the example of French) are looked at. The actions taken by the Organisation internationale de la Francophonie and aimed at the strengthening of relations between French-speaking countries and the promoting of the French language worldwide are described. The study also illustrates the dependence of peripheral language centres from France. An emphasis is put on the politics of the Académie Française aimed at the French language unification in all the countries having it as an official language. An assumption on the reasons of different deviation extent of French variants in Canada, Belgium, and Switzerland from Standard French is made.

Conclusion. It is impossible to consider language to be an independent and isolated phenomenon as it exists and evolves within society serving its needs. Institutions pursuing a language policy are in position to affect its development directly, yet in the context of pluricentric languages it is insufficient to have a single centre of linguistic regulation. Local institutions may have a policy that runs contrary to the language policy of the centre.

Gender reforms can also become a new wave of linguistic changes leading to further distancing of different language variants.

Keywords: language policy, pluricentric language, French, Francophonie.

For citation: Ivanova V. A., Ulianitckaia L. A. Pluricentric Languages Policy Features through the Example of French. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 113–129. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-113-129 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.09.2020; adopted after review 06.10.2020; published online 25.11.2020

Введение. Сегодня французский язык имеет статус официального языка во многих странах, включая Бельгию, Канаду, Люксембург, Гаити, Гвинею и т. п. По сути, это плюрицентрический язык – он имеет несколько центров развития, в которых формируются национальные варианты с собственными языковыми процессами, собственными нормами и статусом (плюрицентрическим в лингвистике считается язык, в состав которого входят два и более национальных варианта, при этом отличительными чертами последних является их статус как официального государственного языка и наличие собственной языковой нормы) [1].

Статусом плюрицентрического языка может обладать любой язык мира, широко распространенный в нескольких государствах, каждое из которых вырабатывает свои языковые варианты. Эти варианты сохраняют общность в едином языковом пространстве и стремятся, на литературном уровне, выработать нейтрально-международную норму. Плюрицентрическим язык может быть де-факто, базируясь на фактическом речевом материале, и де-юре, когда языковые варианты имеют еще и общемировое признание, т. е. зафиксированы в словарях, грамматиках и т. д. [2].

Французский язык является одним из самых ярких примеров активно развивающегося плюрицентрического языка. На французском языке говорят на всех пяти континентах, и он занимает 5-е место в мире по распространению. Французский является одновременно рабочим и официальным языком ООН, Европейского Союза, ЮНЕСКО, Международного олимпийского комитета, Международного Красного Креста. Французский – это также язык трех столиц европейской интеграции: Страсбурга, Брюсселя и Люксембурга. При этом наличии множества центров, способных спровоцировать формирование особых вариантов французского языка, официально зарегистрированных вариантов французского языка до сих пор нет.

Методология и источники. Методология исследования базируется, преимущественно, на подходах к изучению плюрицентрических и региональных языков таких ученых, как А. А. Джундубаева, Д. Шайбакова, Л. В. Разумова, а для изучения непосредственно статуса французского языка в разных странах были изучены работы Н. Д. Довгаль, Т. Ю. Загрязкиной, С. И. Косенко, Дж. Рикардо. Тем самым, в работе применен комплексный подход, основанный на соотнесении множества лингвистических и социальных переменных, изучено современное состояние вопроса. На этапе отбора материала был проведен анализ статей из авторитетных периодических интернет-изданий на французском, английском и русском языках. Сайты Французской академии, Международной организации Франкофонии, официальные страницы Валлонии-Брюселя, Квебека, Швейцарии были ис-

пользованы в качестве информационных источников, описывающих разного рода нормативные документы (принятые или находящиеся в разработке) и касающиеся статуса французского языка в разных странах, а также описывающие деятельность разных институций, отвечающих за проведение языковой политики в его отношении.

Результаты и обсуждение. Причины появления плюрицентрических языков различны. Чаще всего главной движущей силой выступали колонизаторы, которые на завоеванных землях устанавливали свои порядки, а также распространяли свой язык на чужих территориях и он, впоследствии, видоизменялся в соответствии с местными наречиями. Помимо колонизации не менее редкой причиной появления плюрицентрических языков выступало разделение языкового сообщества (например, разделение некогда единой Кореи). Другие причины – распространение религии, миграция и политические обстоятельства [3].

Характерными чертами плюрицентрического языка обычно считаются следующие: несколько вариантов языковой нормы и центров развития, наличие у каждого центра собственной вариативности и упорядоченной нормы, трансграничность, возможное несовпадение языковой и этнической идентичности [2]. При описании плюрицентрических языков следует учитывать геополитическое положение страны, языковые изменения в ней и степень владения языком, а также языковую идеологию – систему взглядов и идей, выражающую отношение государства и общества к языку и к языковой ситуации в целом [4, 5].

В оппозиции плюрицентризм / моноцентризм рассматривать тот или иной язык довольно сложно, поскольку он функционирует, так или иначе, в противостоянии с местными языками, присоединяясь к иерархии отношений с ними. Для описания этого противостояния иногда пользуются понятием «вертикальный языковой континуум», под которым понимается одновременное использование на одной территории нескольких форм языка, образующих ряд: акролект – мезолект – базилект. Под акролектом понимается пришлый язык, т. е. плюрицентрический, под мезолектом – промежуточный язык между акролектом и базилектом, под базилектом – местные языки. Однако стоит отметить, что на сегодняшний день окончательно установившейся системы терминов для описания плюрицентрических языков не существует [4].

В настоящий момент в мире насчитывается 17 языков с признаками плюрицентризма. А именно: китайский, хиндустани, испанский, английский, французский, португальский, русский, арабский, малайский, немецкий, тамильский, корейский, нидерландский, сербскохорватский, армянский, шведский, македонский [3].

Например, полицентрическими языками де-факто и де-юре признаны: *немецкий* (свои варианты имеют Германия, Австрия и Швейцария); *английский* (свои варианты имеют все англоязычные страны, но эти варианты, в особенности канадский и, в меньшей степени, австралийский и британский, постепенно приближаются к стандартам США, т. е. происходит моноцентризация английского языка); *испанский* (свои варианты имеют Испания, Аргентина, Мексика и др.); *португальский* (свои варианты имеют Бразилия и Португалия; но эти варианты постепенно приближаются к стандартам Бразилии, т. е. происходит моноцентризация португальского языка).

Полицентрическим языком де-факто признан французский язык. Свои варианты имеют Франция, Квебек, Бельгия, Швейцария. Однако Французская академия не признает их существования из-за опасения стимулировать тем самым дивергентные процессы в языке.

Франция в наши дни является одним из самых ярких примеров страны, выступающей за чистоту родного языка. В государстве осуществляется ряд мер, которые призваны предотвратить проникновение в общефранцузскую норму слов и выражений из других языков. Так, французское правительство предоставляет средства для открытия и развития французских центров за рубежом. Французы стараются возвратить родному языку прежнее величие, ведь, как известно, совсем недавно французский язык обладал высочайшим международным статусом [6]. Как отмечал бывший Президент Франции Николя Саркози, расширение французской культуры за границей возможно при условии сохранения в самой Франции культурной идентичности. Сохранению языковой самобытности способствует ряд законов о защите языка, принимаемых правительством Франции. Например, в 1975 г. был принят закон Ба-Лорьоля, не позволявший употребление иноязычных терминов в СМИ при наличии французских эквивалентов. А закон 1986 года устанавливает, что все теле- и радиокомпании обязаны использовать в своих эфирах исключительно французский язык [6].

Также стоит отметить работу французских институтов языковой политики, таких как *Commission générale de terminologie et de néologie* (Генеральная комиссия по терминологии и неологии) и *L'Académie française* (Французская академия). Одной из их задач является обеспечение замены терминов английского языка новыми аналогичными терминами французского происхождения. Например, *e-mail* (электронный адрес) следует заменять на *adresse électronique*, *computer* (компьютер) – на *ordinateur*, *RAM (random access memory)* (оперативная память) – на *mémoire vive*.

Уже упомянутая Французская академия является, пожалуй, главным научным учреждением, отвечающим за регулирование обиходной и литературной нормы французского языка. Сформированная в XVII в. Академия провоцирует множество споров вокруг своей политики, одних привлекая своей консервативностью, других отталкивая. В ее составе 40 академиков (их называют также «immortels» («бессмертные»), поскольку занять кресло академика можно только в том случае, когда кто-то из действующих академиков «бессмертным» быть перестанет), занимающихся, в первую очередь, составлением и переизданием академического словаря французского языка. В наши дни осуществляется публикация томов 9-го издания, работа над которым началась в 1986 г.; редакция 8-го издания была закончена в 1935 г., что объясняет необходимость добавления актуальных лексических единиц в академический словарь), т. е. в первую очередь регулируется официальный лексический состав языка.

Среди новых появившихся в 9-м издании словаря слов наличествуют *politiser* (политизировать), *pollueur* (загрязнять), *poster* (публиковать), *optimizer* (оптимизировать), *megawatt* (мегаватт), *micro-onde* (микроволна), *activism* (активизм), *désinformer* (дезинформировать), *écologiste* (защитник окружающей среды*), militarism* (милитаризм), *non-fumeur* (некурящий), *mec* (парень (разг.)), *joint* (косяк (разг.)) [7] и мн. др.

Также были добавлены слова иностранного происхождения: из японского *bonzaï* (банзай), *geisha* (гейша), *ikébana* (икебана), *kamikaze* (камикадзе), *karaté* (карате); из испанского *flamenco* (фламенко), *matador* (матадор), *patio* (патио), *poncho* (пончо); из русского *blini, bortsch, goulag, kalachnikov, koumis* и *langue du Caucase* (какой именно кавказский язык подразумевался, остается только догадываться), *kéfir, mazout, menchevik, merzlota, nomen-*

klatura, ostiak, oukase, pogrom; из английского *barbecue, barman, breakfast, drugstore, import-export, jogging, ketchup, match, night-club, non-stop* [8], а также слова из многих других языков. Примечательно, что использование некоторых «англицизмов», несмотря на их фиксацию в словаре, Французская академия отмечает как нежелательное и предлагает заменить их словами французского происхождения *chalenge – provocation, défi* (трудновыполнимая задача), *cover-girl – modèle* (фотомодель), *deodorant – désodorant* (дезодорант), *jackpot – toucher le gros lot* (джекпот, большой куш), *job – petit boulot* (подработка), *manager – gestionnaire* (управленец), *parking – parc de stationnement* (парковка) [8] и т. д.

Обратившись к приведенным выше примерам, мы могли бы отметить адекватную реакцию Французской академии на изменения в языке, однако очень многие изменения, а также тенденции к использованию тех или иных слов Академией игнорируются. Среди прочего стоит отметить недавнюю волну дебатов вокруг феминизации языка, подразумевающей использование гендерно-нейтральных слов при обращении к лицам мужского и женского пола, использование слов в женском роде для обозначения профессий, титулов, званий вместо использования мужского рода как общего рода, а также применение правил «инклюзивного» письма. Французская академия высказалась резко против: ни *écrivaine* (писательница), ни *autrice* (авторка), существовавшие во французском языке в Средние века в словаре Французской академии, вы сейчас не найдете [9].

Однако и среди населения встречаются крайне консервативные взгляды на современную эволюцию языка. Последние реформы орфографии французского языка были предложены в 1990 г., единогласно одобрены членами Французской академии и тогда же приняты. По не вполне объяснимому стечению обстоятельств лишь в 2015 г. в Официальном бюллетене Министерства образования Франции было отмечено, что обучение орфографии следует вести в соответствии с поправками 1990 г. Через несколько месяцев в средствах массовой информации стали появляться статьи, критикующие предлагаемые поправки и напоминающие французской нации о необходимости сохранения французского языка (эти статьи будто брали роль Французской академии ненадолго на себя) [10]. Принятые изменения коснулись примерно 2000 слов и, в общем, имели целью упростить и модернизировать сохранившееся историческое написание этих слов: убрать избыточное написание дефисов в словах, установить единую форму множественного числа для составных слов, галлифицировать иноязычные слова, а также прекратить использование диакритического знака – циркумфлекса, который ставится над гласной, чтобы обозначить некогда произносившийся, но впоследствии выпавший согласный звук (как правило, s) – *tête* (голова), *fête* (праздник), *forêt* (лес). Несогласные отказаться от циркумфлекса французы запустили в Твиттере кампанию протеста #JeSuisCirconflexe [11]. В итоге Академия согласилась на сосуществование слов в старой и новой орфографии, предоставив времени решить, какая форма закрепится в языке.

Франкофония дает дополнительный толчок развитию французского языка. Франция вместе с Канадой, Бельгией, Швейцарией оказывают помощь развивающимся странам, укрепляя с ними различные связи. В современную Франкофонию вовлечены 55 стран и более 200 млн участников (франкофонов), разделяющих интерес к французскому языку и культуре. Тем самым за французским языком сохраняется огромное значение для мировой культуры и политико-экономического взаимодействия между странами.

С момента своего появления термин «франкофония», ввиду ряда исторических и социокультурных причин, расширил свое значение. В конце XIX в. французский географ О. Реклю понимал его географически – как сумму территорий, на которых говорят по-французски. Однако уже в начале 60-х гг. XX в. в контексте деколонизации африканских стран, выстраивавших новые отношения с Францией, французский политик Л. С. Сенгор уточнил значение термина, определив франкофонию не только как совокупность государств и регионов, в которых французский язык употребляется как национальный или как язык трудовой деятельности, культуры и международной коммуникации, но и как совокупность, а вместе с тем и духовную общность людей, использующих французский язык в этих функциях [12, с. 10].

В настоящее время франкофония представляет собой полноценный институциональный механизм, состоящий из различных государственных и общественных организаций национального и международного масштаба и способствующий продвижению французского языка и осуществлению политического, образовательного, экономического и культурного сотрудничества в 88 государствах и правительствах в рамках OIF – *Organisation Internationale de la Francophonie* (Международной организации Франкофонии), созданной в 1970 г. [13].

Сегодня OIF, единственная международная организация, основанная на языке, находится в ведении трех органов: Конференции глав государств и правительств франкоязычных стран (*le Sommet*), определяющий ориентиры и стратегию развития организации; Конференции министров Франкофонии (*la Conférence ministérielle de la Francophonie*), и Постоянного совета Франкофонии (*le Conseil permanent de la Francophonie*).

Наряду с основными руководящими органами OIF, важными исполнительными органами являются Ассоциация франкофонских университетов (*l'Agence Universitaire de la Francophonie*) со штаб-квартирой в Монреальском университете (Канада), объединяющая 990 университетов в 118 странах и поддерживающая высшие учебные заведения и исследовательские учреждения в интересах научного франкоязычного сообщества; международная франкоязычная телекомпания *TV5 Monde*; Международная ассоциация мэров-франкофонов (*l'Association Internationale des Maires Francophones*), продвигающая ответственную политику, которая заботится об окружающей среде, реализует проекты по вопросам гендерного равенства и культурного разнообразия; Ассоциация франкофонов-сотрудников международных организаций (*l'Association des Fonctionnaires Francophones des Organisations Internationales*) и Университет Сенгора в Александрии (Египет), центр семинаров и конференций франкоязычного пространства [14].

В свою очередь OIF принимает участие в качестве наблюдателя в работе OPALE – *Organismes francophones de politique et d'amenagement linguistique* (Организации франкофонной политики и языкового планирования), которая объединяет институции и организации, регулирующие языковые вопросы во Франции, в Канаде, Бельгии и в Швейцарии. Объединение OPALE позволяет проводить и делать более заметными совместные проекты, в частности, в сфере информирования общественности по вопросам языковых прав, реформ, изменений; предоставляет странам-участницам платформу для регулярного обмена информацией и опытом; подтверждает легитимность языковой политики как в глазах социальных и политических лидеров, так и в глазах граждан; улучшает наглядность и масштаб

совместных действий, четко показывая их согласованный характер. Оно также представляет собой площадку для консультаций по инициативам каждого члена организации с точки зрения языковой политики: законодательные изменения, обогащение французского языка, реформы орфографии и т. д. OPALE ежегодно организует международный коллоквиум, ответственность за проведение которого по очереди разделяют страны-участницы [15].

Столь обширная система, имеющая еще более глубокое структурное разветвление в каждом отдельном регионе, позволяет распространять идеи франкофонии по всему миру. Так, в граничащей с Францией Бельгии, где сформированы три языковых сообщества, франкоязычное сообщество *Fédération-Wallonie-Bruxelles* представлено в OIF с момента ее основания [16], а общие вопросы франкофонии регулируются в Бельгии Парламентом франкоязычного сообщества (*Le Parlement de la Communauté française* или *Le Parlement de la Fédération Wallonie-Bruxelles;* с 2011 г. «*la Communauté française*» переименовано в «*Fédération-Wallonie-Bruxelles*», но поскольку в бельгийской конституции закреплена форма «*la Communauté française*», оно также используется [17]). Парламент отвечает за вопросы, касающиеся франкоязычного сообщества Бельгии и двуязычного Брюссельского столичного региона [18].

Также в Бельгии существует Комитет французского сообщества (*la Commission communautaire française*), имеющий и другое название – Брюссельский франкоязычный парламент (*Parlement francophone bruxellois*). Этот Парламент решает местные вопросы франкоязычного сообщества столицы на законодательном (*L'Assemblée*) и исполнительном (*Le Collège*) уровнях [19].

Отличным от Французской академии органом, но преследующим те же цели (сохранение, развитие, поддержка языка) и ориентирующимся на бельгийский вариант французского языка, является Королевская академия французского языка и литературы Бельгии (*L'Académie royale de langue et de littérature françaises de Belgique*). Ориентируясь на нормы сложившегося в Бельгии франкоязычного сообщества, Академия подчиняется Парламенту франкоязычного сообщества Бельгии, что связывает ее с OIF [20].

В развивающейся вдали от центра франкофонии Канаде также существуют организации франкофонии, такие как Федерация франкоязычных и акадских общин Канады (*la Fédération des communautés francophones et acadiennes du Canada*) и Канадская ассоциация обучения французскому языку (*l'Association canadienne d'éducation de langue française*) [21].

Федерация франкоязычных и акадских общин Канады представляет интересы 2,7 млн франкоговорящих канадцев, включая в себя 12 организаций на уровне провинций, например, Альянс женщин франкофонной Канады (*Alliance des femmes de la francophonie canadienne*), и 7 организаций национального уровня, например, Французско-Канадскую федерацию культуры (*Fédération culturelle canadienne-française*). Совместно с Центром Франкофонии Северной и Южной Америки (*le Centre de la francophonie des Amériques*), организация продвигает идеи франкофонии во всех сферах деятельности в контексте культурного разнообразия [22].

Подобно Королевской академии Бельгии в Канаде существует Квебекская академия литературы (*Académie des lettres du Québec*), задача которой – поддерживать язык, литературу и культуру Квебека и франкофонии [23].

С 1996 г. Швейцария является полноправным членом OIF. Участие конфедерации в жизни OIF координируется Министерством иностранных дел Швейцарии (*Le Département fédéral des affaires étrangères*) [24], а в Женеве находится Представительство OIF при ООН (*la Représentation permanente de l'OIF auprès des Nations Unies*). Кроме того, Швейцария является соучредителем международной франкоязычной телесети TV5 Monde.

Канадский, бельгийский и швейцарский французский имеют статус вариантов французского языка (*Les variétés du français*), испытывающих на себе разнящееся по степени нормализующее влияние со стороны французского языка Франции. Региональные варианты французского языка соответствуют стандарту общефранцузского литературного языка, но также содержат элементы локальной специфики в произношении, грамматике и лексике. OIF обращает внимание на разнообразие французского языка и влияние других языков на французский. Отмечается, что лексические особенности вариантов французского обогащают французский язык, и не препятствуют взаимопониманию и общению на общем языке [25].

В настоящее время французский является одним из двух официальных языков Бельгии. Известно, что 98 % населения региона Валлония-Брюссель – франкофоны, что превышает процентное соотношение франкофонов от общего числа населения Франции [26, с. 32]. Состояние французского в Бельгии характеризуется некоторыми региональными особенностями относительно французского языка Франции, однако жесткий бельгийский пуризм и ориентация на норму языка Франции не позволяет бельгийскому французскому достичь существенных отклонений [27].

В Брюсселе, однако, языковая ситуация весьма сложна. Французский язык преобладает, но при этом весьма распространен английский. Но по численности говорящих арабский язык начинает конкурировать с нидерландским языком. Эти два языка осваиваются параллельно с французским. Арабский язык не изучается в школах, поэтому, например, выходцы из Марокко (около 20 % населения Брюсселя) вынуждены переключиться на изучение французского языка. Вообще говоря, в Бельгии проживает порядка 450 тыс. мусульман. Две трети из них марокканского происхождения, остальные – из Турции, Алжира, Туниса, Пакистана и т. д. В основном, мусульмане живут в Брюсселе и Антверпене. В последнее время все более часты заявления, что четвертым языком Брюсселя должен стать арабский [28]. Возможно, мусульмане Бельгии откажутся в будущем от французского языка. Но на сегодняшний день ислам вошел во франкоязычную среду, и это также является существенной поддержкой франкофонии.

Французский язык Бельгии имеет два варианта языковой нормы и, стало быть, два центра развития каждого из них – Валлонский и Брюссельский регионы. Так или иначе каждый центр обладает своей вариативностью и упорядоченной нормой, трансграничность французского языка не вызывает сомнений, а несовпадение языковой и этнической идентичности налицо – Валлония говорила прежде, в основном, на валлонском и пикардском языках, а Брюссель – на южно-брабантском диалекте нидерландского. Валлонский регион граничит с Францией, Брюссель и его окрестности представляют собой анклав. Языковые изменения на этих территориях колоссальны, а языковая идеология имеет долгую и сложную историю. Оба этих варианта – валлонский французский и брюссельский французский могли бы выступить, каждый сам по себе, в качестве основы бельгийского

французского. Однако их взаимоотношения, как было показано выше, не так тривиальны. Фландрия сопротивлялась внедрению общенидерландской нормы со стороны одного обобщенного варианта, составившего основу бельгийского нидерландского. По сравнению с бельгийским нидерландским бельгийский французский менее однороден. Появление промежуточного языка между автохтонными романскими языками Валлонии и бельгийским французским, вследствие его неоднородности и мощнейшей экспансии общефранцузской нормы, не было возможным и невозможно по сей день.

Что касается канадского варианта французского языка, французская культура на новой территории развивалась отлично от культуры Старого Света, поэтому в канадском варианте французского используется большое количество единиц, вышедших из употребления во Франции, а новые элементы часто формируются под влиянием английского, имеющего большее влияние на французский на Американском континенте.

С 1969 г. французский наравне с английским имеет статус официального языка в Канаде. Важным событием в истории канадского французского является принятие «Хартии французского языка» (закон 101), начинающейся с утверждения о том, что французский язык позволяет квебекскому народу выражать свою идентичность. Здесь поиски идентичности касаются не только отношений с англоязычным ареалом, но и с установлением дистанции с «культурной метрополией» – Францией. Однако дистанция с культурной метрополией просматривается уже в форме существования языка: по своему состоянию французский язык в Канаде представляет внутреннюю диглоссию с сосуществованием литературной и просторечной форм (жуаля) в рамках единого варианта языка. Кроме того, что литературный французский Канады испытывает на себе влияние со стороны английского языка, он также оказывается противопоставлен, с одной стороны, жуалю, а с другой – литературному французскому языку Франции.

В настоящее время литературный стандарт французского в Канаде ориентирован на собственную норму, но с учетом особенностей общефранцузского стандарта и французского языка Франции, что делает язык, с одной стороны, инструментом национального сплочения франко-канадцев, а с другой – средством их международного общения, а вместе с тем и повышения мирового престижа франкоязычной Канады [27].

В Швейцарии в наши дни статус официального языка имеют немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки. Семь из двадцати трех кантонов конфедерации составляют Французскую Швейцарию (*La Suisse romande, Romandie*), из которых четыре – полностью франкоязычные (Во, Женева, Нейшатель, Юра) и три – частично. Так, франкоговорящее население Французской Швейцарии составляет 81 % (по данным на 2005 г.) [26].

Французский язык Швейцарии по ряду причин отличается от французского языка Франции значительно меньше, чем бельгийский и канадский варианты французского. Во-первых, в Швейцарию французский язык попал непосредственно из Франции – сначала в своей литературно-письменной, а затем и литературно-разговорной разновидностях. Изначально использование французского языка в Швейцарии было ограничено сферой административных дел и чтением религиозных текстов, а позднее в страну проник и его разговорный вариант, что идентично условиям распространения французского языка в Бельгии и отличается от ситуации в Канаде, куда язык Франции был привнесен одновременно в разговорной и, хотя и в меньшей степени, в литературно-письменной форме.

Во-вторых, отмечается пуристическое отношение франко-швейцарцев к литературному французскому языку. И литературно-письменный французский, изначально вытеснивший латынь в Швейцарии, и разговорный французский Франции, который к моменту проникновения в Швейцарию уже был кодифицированным литературно-разговорным языком классического периода, представляли собой высокоразвитую самодостаточную форму речи, пользующуюся престижем у местного населения и не требующую серьезных преобразований. Именно поэтому он подвергся особой заботе по охране от внешних влияний и внутренней разбалансировки.

Также с начала XX в. отмечается непринятие французским языком заимствований из немецкого языка, хотя с немецким языком на территории Швейцарии французский язык составляет диглоссию, а в прямом контакте с другими языками страны (итальянским и ретороманским) французский не находится, так как отделен от них широкой немецкоязычной зоной.

В своем развитии швейцарский французский всегда ориентировался на изменения во французском языке Франции. Тем не менее в нем содержится ряд специфических единиц, лексических новообразований, представляющих реалии культурной жизни страны [27].

В условиях глобализации OIF прилагает особые усилия для координации своих действий с ООН и особенно с Советом по правам человека. Франкофония с момента основания опирается на высокий престиж проникнутой гуманизмом культуры и истории Франции, а также ее языка, который считался выражением идей, воплощаемых Французской академией, языком Просвещения, борьбы за права человека и Великой Революции [29, с. 143], что формирует образ Франции как прогрессивной и конкурентоспособной страны в духовной и интеллектуальной областях.

О принципиальном значении подобных идей для дальнейшего развития франкофонии свидетельствует их закрепление в числе основных миссий OIF, таких как содействие миру, демократии и правам человека, поддержка образования и исследовательской деятельности [30].

Одним из наиболее актуальных вопросов, решаемых OIF в настоящее время, является вопрос гендерного неравенства в языке. Отмечается, что несмотря на наличие продвижений по вопросу на законодательном уровне и в области образования, все же наблюдается снижение темпов прогресса, а иногда и полное оспаривание вопросов защиты прав женщин. На протяжении двадцати лет OIF предпринимает усилия по сокращению гендерного неравенства в различных сферах деятельности во франкоговорящем мире: в числе ее миссий значится организация пропаганды гендерного равенства между франкоязычными странами на международном, региональном уровнях путем организации информационных кампаний [31]. В стратегии развития на 2015–2022 гг. в принципах организации обозначены гендерное равенство, свобода, толерантность и уважение (*égalité femme-homme, liberté, tolérance, respect*), а одной из целей является продвижение французского как языка солидарности (objectif 2.2) [32].

Профессор французского языкознания, ведущий программы «Merci professeur!» на TV5 Monde, Бернар Черкильини (Bernard Cerquiglini) считает, что феминизация названий должностей является одним из самых значительных языковых изменений в истории французского языка. Он отмечает, что важно приветствовать социальные изменения, поскольку они отражены в языке [26].

Одной из главных проблем, раскрывающих направление гендерных реформ в языке, можно считать феминизацию языка, которая в свою очередь представлена рядом сложившихся закономерностей языка, отображающих патриархальные принципы жизни в обществе: использование мужского рода как среднего (местоимение множественно числа *ils* для обозначения мужского и смешанного рода; безличные выражения типа *il neige* (идет снег) с использованием местоимения мужского рода; использование прилагательных множественно числа в мужском роде при обозначении смешанного рода), отсутствие форм в женском роде для обозначения профессий, званий, титулов, степеней и т. д. Проблема феминизации языка не является уникальной для французского языка, а скорее отражает общемировые тенденции в социальных изменениях, при этом в странах, где французский язык представлен как официальный, по разному реагируют на эти изменения, и с разной скоростью соглашаются на смену канцеляризмов и бюрократических клише, на активное использование феминитивов в прессе, а главное – сами жители разных стран по разному реагируют на изменения в языке под влиянием социальных и политических движений.

Элизабет Доус в своей статье «La féminisaion des titres et fonctions dans la Francophonie» («Феминизация должностей и профессий в странах Франкофонии») приводит некоторые отличия в адаптации феминитивов в разных вариантах французского языка [33]. Так, наиболее заметно феминизация коснулась канадского варианта французского языка: использование различных лексических форм в женском роде в Квебеке стало уже скорее частью нормы, а женский и мужской род все чаще используются вместе (вместо одного мужского) в речи простых носителей, в заявлениях политиков, в официальных названиях организаций: l'Ordre des infirmières et infirmiers du Québec (Орден медсестер и медбратьев Квебека), l'Union des ouvriers et ouvrières du vêtement pour dames (Союз работников и работниц по пошиву женской одежды), le Mouvement des citoyens et citoyennes d'Outremont (Движение граждан и гражданок Утрмона). Возможно, это связано и с устройством семьи в Канаде, где оба партнера зачастую сохраняют свою фамилию после вступления в брак, а отчеством или вторым именем ребенка может выступать как имя отца, так и матери, что приучает с детства воспринимать мужское и женское в семейной и общественной жизни наравне.

Радикальная феминизация языка провозглашена в Швейцарии, где используются суффиксы женского рода как для создания новых слов *(cheffe* – руководительница*),* так и для возрождения старых утраченных форм, которые были в обиходе во французском языке в средние века [*écrivaine* (писательница*), autrice* (авторка), *mairesse* (мэриня), *poétesse* (поэтесса), *et consulesse* (консулесса)]. Швейцарцы и швейцарки стремятся к тому, чтобы отличие женской формы от мужской было не только наглядным, то и различалось на слух.

Бельгия придерживается не столь категоричной позиции и отдает предпочтение использованию слов в «нейтральном роде», изменяя лишь артикль перед существительным: *un(e) professeur* (проффесор/профессорша), *un(e) auteur* (автор/авторка), *un(e) ingénieur* (инженер/инженериня), *un(e) docteur* (доктор/докторша). Впрочем, в бельгийском французском встречаются также архаичные основы для обозначения профессий, крайне редко употребимые во Франции, например *tailleuse* (портниха), вместо *tailleur* или *couturière*.

Франция в свою очередь высказывает наибольшее сопротивление феминизации языка, и в лице Французской академии проявляет крайнюю враждебность по отношению к новым

формам для названий профессий в женском роде и к внедрению инклюзивного письма, хотя понемногу эти тенденции начинают набирать силу и на территории Пятой Республики. Так, в периодическом издании Le Monde все чаще используется форма *Madame la minister* и *Madame la députée*.

Далее представлены примеры использования слов для обозначения женского рода во Франции, в Бельгии, Канаде, Швейцарии: *un médecin (Ф) – un médecin (Б) – un médecin (К) – un médecin (Ш)* (врачиня); *un poète (Ф) – une poète (Б) – une poète (К) – une poétesse (Ш)* (поэтесса); *un maire (Ф) – une maire (Б) – une maire (К) – un mairesse (Ш)* (мэресса); *un chef (Ф) – une chef (Б) – une chef (К) – une cheffe (Ш)* (руководительница); *un écrivain (Ф) – une écrivain (Б) – une écrivaine (К) – une écrivaine (Ш)* (писательница); *un professeur (Ф) – une professeur (Б) – une professeure (К) – une professeure (Ш)* (профессорша); *un auteur (Ф) – une auteur (Б) – une auteure (К) – une autrice (Ш)* (авторка) [33]. Как видно из примеров, для этих слов Франция не признает никакой формы феминизации, Бельгия и Канада меняют артикль на женский, а также используют графическое различие для формы мужского и женского рода, Швейцария в свою очередь проявляет наибольшую отзывчивость к феминизации слов и использует суффикс женского рода практически для всех слов, что делает отличным форму в женском роде и на письме, и на слух.

Заключение. На сегодняшний день повышенное внимание французского правительства к французскому языку не означает, что такое же внимание уделяется миноритарным языкам, бытующим на территории Франции (бретонский, альзаский и др.), а стремление распространить французский язык за пределы Франции и укрепить его статус в других государствах приводит к тому, что в самой Франции единственной задачей языковой политики является сохранение и развитие исключительно французского языка. Это можно было бы назвать «столичной ловушкой» плюрицентрического языка, старающейся удерживать этот статус (который теоретически может быть передан другой стране, невзирая на исторически сложившуюся действительность) и чувствующей ответственность и, в некоторой степени, верховенство в управлении языком и регулировании его нормы, хотя, как было показано в этой статье, любое государство, на территории которого используется плюрицентрический язык, в состоянии самостоятельно его контролировать.

Язык обслуживает потребности социума, поэтому его нельзя назвать самостоятельно существующим и развивающимся феноменом. Органы, проводящие языковую политику, имеют возможность напрямую воздействовать на его развитие, но в ситуациях с плюрицентрическими языками единого центра языкового регулирования становится недостаточно, возникают локальные институции, чья политика может идти в разрез с его языковой политикой. При этом гендерные реформы могут стать новой волной языковых изменений, которые приведут к еще большему отклонению одного языкового варианта от другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Домашнев А. И. Основные черты полинациональных языков // Языки мира: проблемы языковой вариативности. М.: Наука, 1990. С. 74–96.

2. Stewart W. A. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism // Readings in the Sociology of Language. The Hague: De Gruyter Mouton, 1968. P. 531–545. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110805376.531.

3. Джундубаева А. А. Описательные модели плюрицентрических языков // Universum: филология и искусствоведение. 2017. № 10 (44). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5193 (дата обращения: 10.09.2020).

4. Шайбакова Д. Исследование плюрицентрического языка: проблемы, метаязык, методы // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. 2014. № 10. С. 155–165.

5. Разумова Л. В. Соотношение понятий «региональный» / «миноритарный» язык // Гуманитарный вектор. Серия «Педагогика, психология». 2011. № 2. С. 213–217.

6. Довгаль Н. Д. Языковая политика во Франции // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 5, ч. 1. URL: http://human.snauka.ru/2015/05/11187 (дата обращения: 10.09.2020).

7. Le Dictionnaire de l'Académie française. Exemples de mots nouveaux. URL: http://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-la-9e-edition/exemples-de-mots-nouveaux (дата обращения: 11.09.2020).

8. Le Dictionnaire de l'Académie française. Exemples de mots d'origine étrangère. URL: http://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-la-9e-edition/exemples-de-mots-dorigine-etrangere (дата обращения: 11.09.2020).

9. Viennot E. Le langage inclusif: pourquoi, comment. Paris: iXe, 2018.

10. Moullot P. Réforme de l'orthographe: les contrevérités continuent // Libération. 2016. URL: https://www.liberation.fr/desintox/2016/02/08/reforme-de-l-orthographe-les-contreverites-continuent_1431878 (дата обращения: 07.09.2020).

11. Not the oignon: fury as Franca changes 2000 spellings and drops some accents // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2016/feb/05/not-the-oignon-fury-france-changes-2000-spellings-ditches-circumflex (дата обращения: 07.09.2020).

12. Загрязкина Т. Ю. Квебек в пространстве франкофонии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 4. С. 9–32.

13. 88 Etats et gouvernements. URL: https://www.francophonie.org/88-etats-et-gouvernements-125 (дата обращения: 29.07.2020).

14. Les acteurs de la coopération francophone. URL: https://www.francophonie.org/qui-sommes-nous-5 (дата обращения: 17.07.2020).

15. Organismes francophones de politique et d'amenagement linguistique. URL: https://www.culture.gouv.fr/Espace-documentation/Documentation-administrative/Depliant-organismes-francophones-de-politique- et-d-amenagement-linguistiques-OPALE (дата обращения: 10.08.2020).

16. La FW-B et la francophonie. URL: http://www.federation-wallonie-bruxelles.be/index.php?id=91 (дата обращения: 22.07.2020).

17. La Communauté française (Fédération Wallonie-Bruxelles). URL: http://connaitrelawallonie.wallonie.be/fr/institutions/les-pouvoirs-en-wallonie/la-communaute-francaise-federation-wallonie-bruxelles (дата обращения: 22.07.2020).

18. Les parlements de belgique et leurs compétences internationales. URL: http://docs.vlaamsparlement.be/docs/varia/brochures/les-parlements-de-belgique-international-fr.pdf (дата обращения: 22.07.2020).

19. Commission communautaire française (COCOF). URL: https://be.brussels/a-propos-de-la-region/les-institutions-communautaires-a-bruxelles/cocof (дата обращения: 06.08.2020).

20. L'Académie royale de langue et de littérature françaises de Belgique. Organisation. URL: https://www.arllfb.be/organisation/index.html (дата обращения: 18.07.2020).

21. La francophonie au Canada. URL: https://francophoniedesameriques.com/zone-franco/la-francophonie-des-ameriques/amerique-du-nord/canada (дата обращения: 22.07.2020).

22. Fédération Des Communautés Francophones et Acadienne du Canada. URL: https://fcfa.ca/ (дата обращения: 22.07.2020).

23. Académie des lettres du Québec. Mission. URL: http://academiedeslettresduquebec.ca/lacademie-des-lettres-du-quebec/apropos/ (дата обращения: 18.07.2020).

24. Département fédéral des affaires étrangères. URL: https://www.eda.admin.ch/eda/fr/dfae.html (дата обращения: 18.08.2020).

25. Programme Diversité linguistique. URL: https://www.francophonie.org/diversite-linguistique-79 (дата обращения: 17.07.2020).

26. La langue française dans le monde. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2020-02/Edition%202019%20La%20langue%20francaise%20dans%20le%20monde_VF%202020%20.pdf (дата обращения: 29.07.2020).

27. Территориальные варианты французского языка. URL: https://web.archive.org/web/20191221030752/http:/rostov-language.ru/help-fr-culture_13.html (дата обращения: 15.07.2020).

28. Riccardo G. Bruxelles, musulmane en 2030? // Le Soir. 2010. 13 nov. P. 12.

29. Косенко С.И. Политика и система франкофонии в эпоху глобализации (Европейские аспекты) // Вестн. МГИМО–Университета. 2011. № 2. С. 141–150.

30. La Francophonie en bref. URL: https://www.francophonie.org/la-francophonie-en-bref-754 (дата обращения: 18.07.2020).

31. Programme Égalité Femmes-Hommes. URL: https://www.francophonie.org/egalite-femmes-hommes-100 (дата обращения: 17.07.2020).

32. Stratégie jeunesse de la Francophonie 2015–2022. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2019-09/sommet_xv_strategie_jeunesse_2015_2022_vf-2.pdf (дата обращения: 17.07.2020).

33. Dawes E. La féminisation des titres et fonctions dans la Francophonie: de la morphologie a l'idéologie // Ethnologies. 2003. Vol. 25, no. 2. P. 195–213. DOI: https://doi.org/10.7202/008054ar.

Информация об авторах.

Иванова Виктория Андреевна – студентка (4 курс, бакалавриат) кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Сфера научных интересов: языковая политика, миноритарные языки, гендерная лингвистика. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4196-6883. E-mail: andvikaivanova@mail.ru

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0163-3243. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

REFERENCES

1. Domashnev, A.I. (1990), "The main features of multinational languages", *Languages of the world: problems of linguistic variability*, Nauka, Moscow, USSR, pp. 74–96.

2. Stewart, W.A. (1968), "A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism", *Readings in the Sociology of Language*, The Hague, De Gruyter Mouton, NDL, pp. 531–545. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110805376.531.

3. Dzhundubaeva, A.A. (2017), "Descriptive models of pluricentric languages", *Universum: philology and art history*, no. 10 (44), available at: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5193 (accessed 10.09.2020).

4. Shaibakova, D. (2014), "Pluricentric Language Research: Problems, Terminology, Methods", *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica*, no. 10, pp. 155–165.

5. Razumova, L.V. (2011), "Correlation of the notions "regional language" and "the language of minorities"", *Humanitarian Vector*. *Ser. Pedagogy, psychology*, no. 2, pp. 213–217.

6. Dovgal, N.D. (2015), "Language Policy in France", *Humanities scientific researches,* no. 5, part 1, available at: http://human.snauka.ru/2015/05/11187 (accessed 10.09.2020).

7. *Le Dictionnaire de l'Académie française. Exemples de mots nouveaux*, available at: http://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-la-9e-edition/exemples-de-mots-nouveaux (accessed 11.09.2020).

8. *Le Dictionnaire de l'Académie française. Exemples de mots d'origine étrangère*, available at: http://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-la-9e-edition/exemples-de-mots-dorigine-etrangere (accessed 11.09.2020).

9. Viennot, E. (2018), *Le langage inclusif: pourquoi, comment,* iXe, Paris, FRA.

10. Moullot, P. (2016), "Réforme de l'orthographe: les contrevérités continuent", *Libération*, available at: https://www.liberation.fr/desintox/2016/02/08/reforme-de-l-orthographe-les-contrevérites-continuent_1431878 (accessed 07.09.2020).

11. "Not the oignon: fury as Franca changes 2000 spellings and drops some accents", *The Guardian*, available at: https://www.theguardian.com/world/2016/feb/05/not-the-oignon-fury-france-changes-2000-spellings-ditches-circumflex (accessed 07.09.2020).

12. Zagryazkina, T.Yu. (2011), "Quebec in the Francophone Space", *Bulletin of Moscow Univ. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–32.

13. *88 Etats et gouvernements*, available at: https://www.francophonie.org/88-etats-et-gouvernements-125 (accessed 29.07.2020).

14. *Les acteurs de la coopération francophone*, available at: https://www.francophonie.org/qui-sommes-nous-5 (accessed 17.07.2020).

15. *Organismes francophones de politique et d'amenagement linguistique*, available at: https://www.culture.gouv.fr/Espace-documentation/Documentation-administrative/Depliant-organismes-francophones-de-politique-et-d-amenagement-linguistiques-OPALE (accessed 10.08.2020).

16. *La FW-B et la francophonie*, available at: http://www.federation-wallonie-bruxelles.be/index.php?id=91 (accessed 22.07.2020).

17. *La Communauté française (Fédération Wallonie-Bruxelles)*, available at: http://connaitrelawallonie.wallonie.be/fr/institutions/les-pouvoirs-en-wallonie/la-communaute-francaise-federation-wallonie-bruxelles (accessed 22.07.2020).

18. *Les parlements de belgique et leurs compétences internationales*, available at: http://docs.vlaamsparlement.be/docs/varia/brochures/les-parlements-de-belgique-international-fr.pdf (accessed 22.07.2020).

19. *Commission communautaire française (COCOF)*, available at: https://be.brussels/a-propos-de-la-region/les-institutions-communautaires-a-bruxelles/cocof (accessed 06.08.2020).

20. *L'Académie royale de langue et de littérature françaises de Belgique. Organisation*, available at: https://www.arllfb.be/organisation/index.html (accessed 18.07.2020).

21. *La francophonie au Canada*, available at: https://francophoniedesameriques.com/zone-franco/la-francophonie-des-ameriques/amerique-du-nord/canada (accessed 22.07.2020).

22. *Fédération Des Communautés Francophones et Acadienne du Canada*, available at: https://fcfa.ca/ (accessed 22.07.2020).

23. *Académie des lettres du Québec. Mission*, available at: http://www.academiedeslettresduquebec.ca/a_propos/mission (accessed 18.07.2020).

24. *Département fédéral des affaires étrangères*, available at: https://www.eda.admin.ch/eda/r/dfae.html (accessed 18.08.2020).

25. *Programme Diversité linguistique*, available at: https://www.francophonie.org/diversite-linguistique-79 (accessed 17.07.2020).

26. *La langue française dans le monde*, available at: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2020-02/Edition%202019%20La%20langue%20francaise%20dans%20le%20monde_VF%202020%20.pdf (accessed 29.07.2020).

27. *Territorialnye varianty frantsyzskogo yazyka* [Territorial variants of the French language], available at: https://web.archive.org/web/20191221030752/http:/rostov-language.ru/help-fr-culture_13.html (accessed 15.07.2020).

28. Riccardo, G. (2010), "Bruxelles, musulmane en 2030?", *Le Soir*, FRA, 13 nov., p. 12.

29. Kosenko, S.I. (2011), "Policy and System of Frankophonia In the Age of Globalization (European Aspect)", *MGIMO Review of International Relations*, no. 2, pp. 141–150.

30. *La Francophonie en bref*, available at: https://www.francophonie.org/la-francophonie-en-bref-754 (accessed 18.07.2020).

31. *Programme Égalité Femmes-Hommes*, available at: https://www.francophonie.org/egalite-femmes-hommes-100 (accessed 17.07.2020).

32. *Stratégie jeunesse de la Francophonie 2015–2022*, available at: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2019-09/sommet_xv_strategie_jeunesse_2015_2022_vf-2.pdf (accessed 17.07.2020).

33. Dawes, E. (2003), "La féminisation des titres et fonctions dans la Francophonie: de la morphologie a l'idéologie", *Ethnologies*, vol. 25, no. 2, pp. 195–213. DOI: https://doi.org/10.7202/008054ar.

Information about the authors.

Victoria A. Ivanova – Student (4 year, bachelor) at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. Area of expertise: language policy, minority languages, gender linguistics. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4196-6883. E-mail: andvikaivanova@mail.ru

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 30 scientific publications. Areas of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0163-3243. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

УДК 81.367.32 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-130-139
Оригинальная статья / Original paper

Специфика функционирования однокоренных имен существительных и прилагательных

Л. В. Носкина✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉leti-inyaz@yandex.ru

Введение. Цель статьи – установление влияния категориальной принадлежности слова и его семантики на синтаксическое поведение языковой единицы. Актуальность исследования определяется отсутствием в англистике системного описания особенностей функционирования слов, обладающих общностью семантики, но принадлежащих к разным частям речи.

Методология и источники. Рассматриваются однокоренные имена существительные и прилагательные, соотнесенные по семантике. Исследуемые существительные, входящие в эту группу, являются абстрактными существительными и предикатными словами; их адъективные корреляты, наряду со всеми прилагательными, также представляют собой предикатные знаки. Опираясь на классификацию семантических типов предикатов, предложенную А. Г. Елисеевой, О. Н. Селиверстовой, мы относим исследуемые предикаты к предикатам состояния. Данные языковые единицы анализируются в рамках падежной грамматики: проводится классификация исследуемых предикатов по количеству открываемых ими мест для аргументов, затем данные предикаты сопоставляются в плане актуализации при них семантических ролей. При определении семантических падежей предикатов мы, в основном, опираемся на набор семантических падежей, предложенных В. В. Богдановым.

Результаты и обсуждение. Близость семантики однокоренных существительных и прилагательных обусловливает реализацию при них идентичного аргументного состава. Однако, несмотря на наличие одних и тех же аргументов при анализируемых предикатах, у них наблюдаются расхождения в актуализации требуемых по семантике аргументов: анализируемые существительные чаще, чем коррелирующие с ними прилагательные, имеют абсолютивную поверхностно-синтаксическую реализацию в тех случаях, когда выражают данную, известную информацию или имплицируют обобщенного носителя признака. Исследуемые существительные и прилагательные отличаются и разнооформленностью своих аргументов.

Заключение. Выявленные особенности функционирования однокоренных существительных и прилагательных, обусловленные спецификой их частеречной принадлежности, свидетельствуют о значительном влиянии формы языковой единицы на ее синтаксическое поведение и показывают, что построение синтаксических структур определяется не только семантикой.

Ключевые слова: однокоренные существительные и прилагательные, падежная грамматика, предикат, аргумент, семантический падеж.

Для цитирования: Носкина Л. В. Специфика функционирования однокоренных имен существительных и прилагательных // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 130–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-130-139

© Носкина Л. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 25.05.2020; принята после рецензирования 30.06.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

Specificity of Cognate Nouns and Adjectives Functioning

Lyudmila V. Noskina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉leti-inyaz@yandex.ru

Introduction. The aim of the article is to determine whether syntactic behavior of linguistic unit depends on its part-of-speech identity or only its semantics. The importance of the research is determined by the absence of systematic description of the specificity of cognate words functioning in linguistics.

Methodology and sources. The research deals with the cognate nouns and adjectives functioning. According to the classification of semantic types of predicates developed by A. G. Eliseeva, O. N. Seliverstova we define the researched predicates as the ones denoting state. These predicates are studied in terms of case grammar, i. e. they are compared in the aspect of an argument structure realization. In determining the semantic cases of predicates, we mainly rely on the set of semantic cases proposed by V. V. Bogdanov.

Results and discussion. It is shown that the analyzed nouns, as a rule, expressing given or known information require a lower number of cases in its explicit forms which still can be implicit. The researched adjectives that usually denote new information are accompanied by a higher number of cases in a surface structure. These predicates also differ in the forms of their arguments.

Conclusion. The revealed features of cognate nouns and adjectives functioning show the significant influence of the form of linguistic unit on syntactic behavior and indicate that formation of syntactic structures is not only determined by semantics.

Key words: cognate nouns and adjectives, case grammar, predicate, argument, semantic case.

For citation: Noskina L. V. Specificity of Cognate Nouns and Adjectives Functioning. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 130–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-130-139 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.05.2020; adopted after review 30.06.2020; published online 25.11.2020

Введение. В современной лингвистике одним из ведущих направлений в области синтаксиса является изучение содержательной стороны языковых явлений, в значительной мере обусловливающей синтаксические построения. Однако, со своей стороны, и вопрос о влиянии формы языковой единицы на ее синтаксическое поведение продолжает привлекать внимание исследователей [1–4].

Эта проблема исследуется, в частности, на примере однокоренных слов, при этом в лингвистической литературе, посвященной изучению таких языковых единиц, можно выделить два направления: согласно первой точке зрения, отмечается тождественность семантики данных слов, согласно же второй – ученые пытаются выделить у однокоренных слов дифференцирующие признаки, что объясняло бы факт наличия таких единиц в языке.

Настоящая статья посвящена изучению функционирования языковых единиц разной частеречной принадлежности, объединенных общностью семантики, – однокоренных имен существительных и прилагательных.

Данное исследование проводится в рамках падежной грамматики, а именно рассматриваемые однокоренные имена существительные и прилагательные сопоставляются в плане реализации при них семантических ролей.

Методология и источники. Материалом исследования послужили однокоренные существительные и прилагательные, соотнесенные по семантике, собранные методом сплошной выборки из художественных произведений современных английских и американских писателей.

Изучаемые существительные и прилагательные являются предикатными словами, т. е. такими словами, которые, как указывается в лингвистической литературе, выражают свойства и отношения и по своей семантике открывают места для некоторых семантически-обусловленных элементов, называемых аргументами [5, с. 51]. Таким образом, предикат рассматривается как семантически ведущий элемент, обусловливающий число и состав аргументов. К аргументам же относят лишь те слова, которые необходимы для раскрытия содержания предиката, т. е. являются облигаторными на уровне семантики, восполняя семантическую недостаточность предиката.

Учитывая способность предикатных слов взаимодействовать с определенным числом аргументов, исследователи проводят классификацию предикатов, выделяя нульместные, одноместные и многоместные предикаты, при этом определяется и семантический тип предиката – обозначение действия, состояния, свойства или отношения. Дальнейшее уточнение приведенной классификации может идти по пути определения семантических падежей (или функций) аргументов, свойственных предикату [5, с. 51–56].

Установление семантических падежей аргументов проводится на логико-семантической основе, в результате чего выявляются определенные взаимоотношения между предикатом и его аргументами.

В настоящей статье мы, опираясь на классификацию семантических типов предикатов, предложенную А. Г. Елисеевой, О. Н. Селиверстовой, относим исследуемые предикаты к предикатам состояния [6, с. 158–216].

У исследуемых предикатов устанавливается количество открываемых ими мест для аргументов, а затем определяются семантические падежи этих аргументов и проводится сопоставление реализации аргументного состава у данных предикатов.

Как известно, в лингвистической литературе, посвященной предикатно-аргументной теории, выделяется разный набор семантических падежей [7–9], при этом предлагаемый состав варьирует не только от автора к автору, но претерпевает изменения и в разных работах одного и того же исследователя [10, 11].

При определении семантических падежей (или функций) предикатов мы, в основном, опираемся на набор семантических падежей, предложенных В. В. Богдановым [5, с. 52–55].

Проводя классификацию анализируемых предикатов по количеству открываемых ими мест для аргументов, нужно отметить, что данное деление не является жестким, поскольку предикаты в разных значениях требуют разное количество аргументов.

Результаты и обсуждение. В данной статье анализируются предикаты-существительные и предикаты-прилагательные, описывающие состояния, типа «happiness»/«happy» (счастье/счастливый) в значении «feeling or expressing pleasure» [12, с. 397], «anxiety» (беспокойство) в значении «emotional condition in which there is fear and uncertainty about the

future» [12, с. 33] и «anxious» (беспокойный) в значении «feeling anxiety» [12, p. 34] (данные предикаты в этом случае имеют общее значение, так как обозначают состояние беспокойства), а также «gaiety»/«gay», «sadness»/«sad», «nervousness»/«nervous» и т. п.

Данные предикаты следует считать двухместными, поскольку они открывают вокруг себя две позиции, одну из которых занимает номинация лица, находящегося в определенном психическом состоянии, а другая – предназначена для указания причины, вызвавшей это состояние.

Итак, как следует из вышеизложенного, поскольку в названных значениях семантическое содержание у анализируемых существительных и их адъективных коррелятов одно и то же, а различаются данные языковые единицы лишь категориально, это обусловливает то, что исследуемые предикатные знаки открывают позиции для одних и тех же аргументов.

Рассмотрим, как влияет частеречная принадлежность названных предикатов на реализацию при них аргументного состава.

Сопоставим реализацию семантических падежей при двухместных предикатах, описывающих состояние, в котором находится субъект в результате каких-либо причин. Этот тип существительных и прилагательных репрезентируется предикатими типа: «happiness»/«happy», «sadness»/«sad», «nervousness»/«nervous», «anxiety»/«anxious», «gaiety»/«gay» и т. п.

Исследуя, подобные предикаты, Н. Д. Арутюнова пришла к выводу, что особенностью их семантики является то, что в них совмещается логическое (межсобытийное) и интерсубъектное (межпредметное) значение [13, с. 164]. По мнению автора, взаимодействие этих двух категорий в семантике указанных предикатов объясняется тем, что источником своих эмоций, чувств человек считает не только какие-то события, но и других людей.

Учитывая тот факт, что психическое развитие всегда осуществляется на основе непрерывной взаимосвязи исходных внешних и внутренних условий, причин и т. д. (по формуле: внешние причины действуют через внутренние условия) [14, с. 14], исследователи, определяя необходимое окружение, задаваемое семантикой данных предикатов, помимо субъекта, находящегося в определенном психическом состоянии, выделяет еще и причину, вызвавшую подобное состояние субъекта [13, с. 154]. Таким образом, в качестве релевантных признаков, описывающих понятие состояния, приводятся признаки результативности, предполагающие, что состояния связаны с объектами, причинами, целями, стремлениями, обусловившими возникновение определенного психического состояния человека.

Исходя из вышеизложенного, в настоящем исследовании названные предикаты также рассматриваются как двухместные, поскольку они открывают две позиции, одну из которых занимает обозначение лица, находящегося в определенном психическом состоянии, а другая – предназначена для указания причины, вызвавшей это состояние.

Рассмотрим, как реализуются требуемые аргументы у данных предикатов на примере предикатов «happiness»/«happy» (счастье/счастливый) в значении «feeling or expressing pleasure» [12, с. 397] и предикатов «anxiety» (беспокойство) в значении «emotional condition in which there is fear and uncertainty about the future» [12, с. 33] и «anxious» (беспокойный) в значении «feeling anxiety, troubled» [там же, с. 34]:

(1) She was to look back with amazed and incomprehensible pangs to their time of casual secretarial arrangements … her happiness at getting so much film work to do... [15, с. 30] – Испытывая невероятные угрызения совести, она, пораженная, должна была вспомнить об их

обычных производственных отношениях, … о своем счастье, заключавшемся в получении такого большего количества работы в кино…

В примере данного типа у предиката «happiness» (счастье) происходит заполнение обеих позиций – экспериенсива, который выражен формой притяжательного местоимения «her» и обозначает лицо, находящееся в указанном психическом состоянии, а также аргумента-причины, который представлен включенным предикатом «at getting so much film work to do» и описывает отдельную ситуацию внеязыковой действительности, вызвавшую данное состояние. При этом, как показывают наблюдения над языковым материалом (и анализируемый пример, в частности), причиной состояния обычно служит какое-либо явление, событие. Однако в ряде случаев позиция причины при данных предикатах может быть занята и именем предметной семантики, которое получает при этом событийное прочтение:

(2) Mor's anxiety about Donald was intense [16, с. 274] – Беспокойство Мора о Дональде было сильным.

Данный пример демонстрирует реализацию при предикате «anxiety» (беспокойство) обоих аргументов, обусловленных его семантикой, экспериенсивного аргумента, обозначенного существительным в притяжательном падеже «Mor's» и характеризующего субъект, который находится в состоянии беспокойства, и аргумента-причины, выраженного словом «Donald».

Особенностью подобных конструкций является то, что причиной состояния служит фактически не само лицо, а поведение, свойства человека. Поэтому подобные структуры можно рассматривать как развернутые номинации события, предполагающие более развернутую интерпретацию.

Однако чаще при данных предикатах происходит неполная реализация аргументов, что объясняется тем, что исследуемым существительным свойственно выражать известную, «данную» информацию, и поэтому аргумент-причина обычно имплицируется из контекста:

(3) Mor had gone to bed that night in a state of dazed and blissful happiness... [16, с. 100] – Мор лег спать той ночью в состоянии ошеломленного и блаженного счастья.

У предиката «happiness» (счастливый) в данном случае эксплицитно выраженным является экспериенсивный аргумент, обозначенный именем собственным «Mor», а причина выводится из предыдущей части текста. При этом следует отметить, что аргумент «Mor» является вводным аргументом, что является результатом того, что данная структура представляет собой семантически сложное предложение, образованное в результате стяжения двух пропозиций. Таким образом, аргумент «Mor» в соответствии с вербоцентрической теорией предложения является в первую очередь аргументом глагола «had gone» и выполняет по отношению к данному предикату действия агентивную функцию, однако в то же время слово «Mor» является аргументом и к предикату «happiness», который описывает состояние данного лица, т. е. по отношению к предикату «happiness» аргумент «Mor» выступает в роли экспериенсива.

Наличие двух функций у слова в данном случае обусловлено тем, что слово выступает аргументом одновременно при двух предикатах. Подобное явление нашло отражение в лингвистической литературе. Так, в частности, В. В. Богданов, анализируя пример типа

«В комнату вошла очень красивая девушка», отмечает, что слово «девушка» является аргументом при двух предикатах – предикате действия «вошла» и предикате качества «красивая» и имеет при них разные семантические функции [5, с. 93].

Частичная репрезентация в синтаксической структуре аргументного состава предиката-существительного, обусловленная тем, что существительное обозначает известную, «данную» информацию и поэтому не требует конкретизации своего значения, характерна и для предиката «anxiety» (беспокойство):

(4) His anxiety was misplaced – the loose life didn't depress or coarsen her at all. [17, с. 294] – Его беспокойство было напрасным – свободная жизнь совсем не вогнала ее в тоску и не сделала грубой.

В этом примере у предиката-существительного «anxiety» (беспокойство) реализуется только один аргумент – экспериенсив, который в данном случае обозначен притяжательным местоимением «his». Другой аргумент-причина восстанавливается из контекста.

У предикатов-существительных данной группы так же, как и у предикатов-существительных, рассмотренных ранее, возможна элиминация обоих аргументов, необходимых для их истолкования. Обычно это происходит в случае, если предикат-существительное обозначает «данное» или же выражаемое им свойство относится к абстрактному множеству носителей, при этом часто оба эти условия присутствуют одновременно как в следующем примере:

(5) Happiness? ... What has happiness got to do with it? [16, с. 216] – Счастье? При чем же тут счастье?

В примере этого типа предикат «happiness» (счастье) используется без эксплицитно выраженных аргументов.

Следует отметить, что данное явление у некоторых лингвистов получает иную интерпретацию. Так, например, Е. В. Падучева, объясняя невыраженность аргументов у слова с помощью понятия редуцированной диатезы, которое опирается на презумпцию о том, что во всех употреблениях данного слова в одном и том же значении набор его аргументов остается постоянным, приходит к выводу, что в некоторых специальных контекстах происходит уменьшение числа аргументов у слова без изменения его смысла, а именно это характерно для предложения, в которых отпредикатные имена служат названиями свойств и лишены аргументов как в предложении типа «глупость хуже, чем подлость» [18, с. 88].

Абсолютивное употребление, как показывает фактический материал, обычно не характерно для предикатов-прилагательных данной группы, которые, в основном, обозначают новую информацию и в силу этого требуют большее количество аргументов для экспликации своего значения. Причем, особенностью, например, предиката «anxious» (беспокойный) является то, что в функции обособленного определения, которое всегда предикативно, или предикатива данный предикат, в основном, используется с обоими требуемыми аргументами:

(6) Anxious for their lives, they filed out of the doors... [19, с. 140] – Беспокоясь за свою жизнь, они вылетели на улицу…

В этом примере у предиката «anxious» (беспокойный) реализуется аргумент, представленный местоимением «they», который выполняет семантическую функцию агентива по отношению к предикату действия «filed» и экспериенсива по отношению к предикату

состояния «anxious» (беспокойный). Другой аргумент предиката «anxious» (беспокойный) – причина выражен предикатным именем «lives», которое имеет событийное прочтение, т. е. подобные конструкции с предикатными аргументами понимаются в исследованиях как обладающие «потенциально-предикативной связью» [20].

У других же прилагательных данной группы заполняются либо оба места, задаваемые их семантикой, – экспериенсив и причина, – либо реализуется только экспериенсивный аргумент:

(7) He was happy with that Italian girl called Marina... [15, с. 45] – Он был счастлив с той итальянкой по имени Марина...

Так, предложение данного типа демонстрирует актуализацию двух аргументов при прилагательном «happy» – экспериенсива, представленного местоимением «he» и квалифицирующего лицо, находящегося в названном состоянии, и причины, обусловившей данное состояние, которая представлена в данном случае словом «girl».

(8) Francis is happy [19, с. 178] – Фрэнсис счастлив.

В примере этого типа при предикате «happy» (счастливый) реализуется только аргумент – экспериенсив, обозначенный существительным «Francis». Другой аргумент-причина восстанавливается из знания контекста.

Подобная реализация семантических падежей наблюдается и у других существительных и прилагательных, обозначающих состояние.

Таким образом, исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что предикаты, обозначающие состояние, типа «happiness»/«happy» (счастье/счастливый), «anxiety»/«anxious» (беспокойство/беспокойный) и т. п. обнаруживают различное функционирование, а именно при употреблении названных существительных чаще, чем у прилагательных происходит сокращение требуемого по семантике аргументного состава. При этом, если существительные часто имеют абсолютивное употребление вследствие либо обозначения «данного», либо отнесенности к обобщенному носителю признака, то у их адъективных коррелятов, ввиду того, что они, в основном, передают «новое», обычно реализуются или оба аргумента (как, например, у предиката «anxious» в функции обособленного определения или предикатива), или экспериенсивный аргумент.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Близость семантики однокоренных существительных и прилагательных обусловливает реализацию одного и того же аргументного состава у рассматриваемых предикатов.

2. Однако, несмотря на наличие одних и тех же аргументов при анализируемых предикатах, у них наблюдаются расхождения в актуализации требуемого по семантике аргументного состава:

– специфика функционирования анализируемых существительных состоит в том, что они чаще, чем коррелирующие с ними прилагательные, имеют абсолютивную поверхностно-синтаксическую реализацию.

Элиминация всех аргументов, необходимых для истолкования исследуемых существительных, обычно происходит в случае, если существительное выражает известную информацию из контекста и вследствие этого не нуждается в упоминании аргументов, или же если оно имеет обобщающее значение и имплицирует всеобщего носителя, причем часто оба эти условия присутствуют одновременно.

У прилагательного же в силу того, что оно обозначает, в основном, новую информацию, обычно реализуется большее количество аргументов для конкретизации его значения по сравнению с однокоренным с ним существительным. При этом, если у предиката-существительного возможна элиминация всех аргументов независимо от их семантической функции, то у рассмотренной лексико-семантической группы предикатов-прилагательных выделяется преимущественное опущение аргумента в определенном семантическом падеже. У прилагательных, описывающих состояние, обычно реализуются либо оба требуемые по семантике аргумента – экспериенсив и причина (как у предиката «anxious» в функции обособленного определения или предикатива), либо экспериенсивный аргумент.

Для исследуемых предикатов-существительных характерна бóльшая вариативность формы выражения их аргументов: аргумент-дескриптив, экспериенсивный аргумент у существительного может быть представлен существительным или местоимением в притяжательном падеже. Подобный морфологический способ выражения названных аргументов не наблюдается у прилагательного.

Выявленные особенности функционирования однокоренных существительных и прилагательных, обусловленные спецификой их частеречной принадлежности, свидетельствуют о значительном влиянии формы языковой единицы на ее синтаксическое поведение и показывают, что построение синтаксических структур определяется не только семантикой.

Заключение. Данное исследование дает возможность поставить ряд вопросов, связанных аналогичной проблематикой, для однокоренных прилагательных и наречий, однокоренных глаголов и существительных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Е. А. Реализация в синтаксической структуре семантических актантов однокорневых глаголов и существительных порицания и одобрения (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1980.

2. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

3. Бурмистрова Е. Г. Структура и семантика группы существительных с ядром-девербативом: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1988.

4. Кудрявцева В. А. Отражение валентностных свойств глагола в отглагольных агентивах // Высказывание и текст: взаимодействие языковых единиц. М.: Наука, 1988. С. 93–104.

5. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

6. Елисеева А. Г., Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов / под ред. О. Н. Селиверстовой. М.: Наука, 1982. С. 158–216.

7. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

8. Anderson J. The Grammar of Case. Towards a Localistic Theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974.

9. Chafe W. Meaning and the Structure of Language. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1970.

10. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь / пер. с англ. Б. Ю. Городецкого // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. С. 496–530.

11. Fillmore C. J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory / eds. E. Bach, R. Harms. NY: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1–89.

12. Hornby A. S., Cowie A. P., Windsor-Lewis J. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford Univ. Press, 1974.

13. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.

14. Брушлинский А. В. Мышление: процесс, деятельность, общение. М.: Наука, 1982.

15. Spark M. The Public Image // The Public Image Stories. Moscow: Progress, 1976. P. 21–128.

16. Murdoch I. The Sandcastle. London: Chatto and Windus, 1957.

17. Cheever J. The Superintendent // Selected Short Stories. Moscow: Progress, 1980. P. 84–107.

18. Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977. С. 84–106.

19. Cheever J. The Country Husband // Selected Short Stories. Moscow: Progress, 1980. P. 139–180.

20. Блиндус Е. С. Потенциально-предикативные словосочетания в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1975.

Информация об авторе.

Носкина Людмила Владимировна – кандидат филологических наук (1989), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: теоретическая грамматика английского языка, актуальное членение, падежная грамматика. E-mail: leti-inyaz@yandex.ru

REFERENCES

1. Abrosimova, E.A. (1980), "Implementation of semantic actants of single-root verbs and nouns of censure and approval in the syntactic structure (based on the English language)", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, LGU im. A. A. Zhdanova, Leningrad, USSR.

2. Zolotova, G.A. (1982), *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax], Nauka, Moscow, USSR.

3. Burmistrova, E.G. (1988), "Structure and semantics of a group of nouns with a deverbative kernel", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, Leningrad State Pedagogical Institute, Leningrad, USSR.

4. Kudryavceva, V.A. (1988), "Reflection of the valence properties of the verb in verbal agents", *Vyskazyvanie i tekst: vzaimodeistvie yazykovykh edinits* [Utterance and text: interaction of linguistic units], Nauka, Moscow, USSR, pp. 93–104.

5. Bogdanov, V.V. (1977), *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya* [Semantic-syntactic organization of a sentence], Leningrad Univ. Press, Leningrad, USSR.

6. Eliseeva, A.G. and Seliverstova, O.N. (1982), "Semantic types of predicates in English", *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic predicate types], in Seliverstova, O.N. (ed.), Nauka, Moscow, USSR, pp. 158–216.

7. Apresyan, U.D. (1974), *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language], Nauka, Moscow, USSR.

8. Anderson, J. (1974), *The grammar of case: towards a localistic theory*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

9. Chafe, W. (1970), *Meaning and the structure of language*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.

10. Fillmore, C.J. (1981), "The Case for Case Reopened", Transl. by Gorodetskii, B.Yu., *New in Foreign Linguistics*, no. 10, Progress, Moscow, USSR, pp. 496–530.

11. Fillmore, C.J. (1968), "The Case for Case", in Bach, E. and Harms, R. (eds.), *Universals in Linguistic Theory*, Holt, Rinehart and Winston, NY, USA, pp. 1–89.

12. Hornby, A.S., Cowie, A.P. and Windsor-Lewis, J. (1974), *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.

13. Arutyunova, N.D. (1976), *Predlozhenie i ego smysl* [The sentence and its meaning], Nauka, Moscow, USSR.

14. Brushlinskii, A.V. (1982), *Myshlenie: protsess, deyatel'nost', obshchenie* [Thinking: process, activity, communication], Nauka, Moscow, USSR.

15. Spark, M. (1976), "The Public Image", *The Public Image Stories*, Progress, Moscow, USSR, pp. 21–128.

16. Murdoch, I. (1957), *The Sandcastle*, Chatto and Windus, London, UK.

17. Cheever, J. (1980), "The Superintendent", *Selected Short Stories*, Progress, Moscow, USSR, pp. 84–107.

18. Paducheva, E.V. (1977), "About derivative diathesis of predicate names in Russian language", *Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury yazyka* [Problems of linguistic typology and structure of language], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 84–106.

19. Cheever, J. (1980), "The Country Husband", *Selected Short Stories*, Progress, Moscow, USSR, pp. 139–180.

20. Blindus, E.S. (1975), "Potentially predicative phrases in English language", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, Lomonosov Moscow State Univ., Moscow, USSR.

Information about the author.

Lyudmila V. Noskina **–** Can. Sci. (Philology) (1989), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 40 scientific publications. Areas of expertise: theoretical grammar of the English language, actual division, case grammar. E-mail: leti-inyaz@yandex.ru

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

● по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:

➢ электронную копию статьи, подготовленную согласно «Правилам оформления» и «Структуре научной статьи»;

➢ отдельный файл для каждого рисунка в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены согласно «Правилам оформления». Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;

➢ сведения об авторах (на русском и на английском языках) (1 экз.);

● документы на листах формата А4 (1 экз.):

➢ распечатку рукописи (1 экз.), подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000-40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;

➢ рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику) (1 экз.);

➢ сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (1 экз.).

Правила оформления текста статьи

Текстовой редактор Microsoft Word версии не ниже 2003.

Формат бумаги А4.

Параметры страницы: поля – верхнее – 2.75 см, правое и левое 2.25 см, нижнее 2.5 см, верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)] в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (например: рис. 1, табл. 3). Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, *а*).

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

Заголовочная часть:

• УДК (выравнивание по левому краю);

• авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора (-ов) полностью. инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

• место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, а затем список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

• название статьи;

• аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

• ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

– текст статьи;

– приложения (при наличии);

– список литературы (библиографический список);

– авторская справка.

Англоязычная часть (по порядку расположения и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

• авторы (Authors);

• место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, затем приводится список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

• название (Title);

• аннотация (Abstract);

• ключевые слова (Keywords);

• список литературы (References);

• авторская справка.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтут гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует указывать ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко. Составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses.

Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например, «*Обзор литературы»* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес вашей статьи. Однако, прежде чем выразить благодарность, необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее см. http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например, «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение; см. http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается какая часть работы конкретным автором выполнена при подготовке и написании статьи).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список, который включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте http://search.crossref.org/ или https://www.citethisforme.com.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. http://ru.translit.net/?account=bsi). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов) http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов: (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения об его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

09.00.01 – Онтология и теория познания;
09.00.03 – История философии;
09.00.04 – Эстетика;
09.00.05 – Этика;
09.00.07 – Логика;
09.00.08 – Философия науки и техники;
09.00.11 – Социальная философия;
09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
22.00.05 – Политическая социология;
22.00.06 – Социология культуры;
22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

10.02.04 – Германские языки;
10.02.19 – Теория языка;
10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова, Н. Ю. Меньшенина, М. И. Попова*
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova, N. Yu. Men'shenina, M. I. Popova*
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 24.11.20. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 11,46. Печ. л. 18,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 135.

Signed to print 24.11.20. Sheet size 60 × 84 1/8
Educational-ed. liter. 11,46. Conventional printed sheets 18,0. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 135

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56